

Михаил БАРУ

КОЛОКОЛА ФЕДОРА МАКСИМОВА

Если от общего количества читающих книги людей отделить тех, кто читает их на русском языке, а от них отделить читающих стихи Пушкина, а от этих отделить тех, кто читал их не только в школе и не забыл навсегда, а от оставшихся тех, кто помнит наизусть стихотворение «Признание» и строчку «...И путешествие в Опочку», то как раз и останутся те, кто слышал о существовании этого маленького городка на юго-западе Псковской области. Слышал, но ничего не знает. Прибавим к этому количеству слышавших сотню-другую актеров, которые любят, принимая красивые позы на фоне пушкинских стихов, «млея и задыхаясь», произносить «Мой ангел, я любви не стою!» со сцены и... все. Много не получится, даже если прибавить сюда девять тысяч жителей самой Опочки, их родственников, проживающих в других городах, командировочных и проезжающих, которые, как известно, в городе надолго не останавливаются и проезжают мимо.

Обычно рассказы о старых русских городках краеведы начинают с последних оледенений, шерстистых носорогов, мамонтов и кремниевых рубил, а продолжают финно-угорскими племенами, дремучими лесами, полными медведей, дикого меда и горностаев, реками, в которых не переводились осетры, обломками керамики, ржавыми рыболовными крючками, славянами, пришедшими на смену финно-уграм, Перунами, Дажьбогами, и только потом... Экономя место и время, не будем об этом говорить, а только скажем, что были и финно-угры, и славяне-кривичи, и капища языческих богов, и меха, и дикий мед, и осетровая икра, которую в те незапамятные времена ели огромными деревянными ложками без хлеба, который тогда только начинали выращивать с помощью подсечно-огневого земледелия¹.

Первый раз Опочка родилась мало того, что не в том месте, на котором она сейчас находится, но еще и под другим именем. Называлась она Коложо или Коложе и находилась в двенадцати километрах от современной Опочки. Городом назвать Коложе можно было только с большой натяжкой – это было небольшое городище на холме, обнесенное земляными валами высотой от полутора до двух с половиной метров. Тем не менее, вместе с холмом, на котором оно стояло, городище представляло собой довольно внушительное сооружение. Со стороны реки Кудки высота холма вместе с высотой насыпных валов составляла около сорока метров. Основали Коложе псковичи то ли в начале четырнадцатого века, то ли в конце его. Во всяком случае, в первый раз Коложе упомянут в девяностых годах четырнадцатого века в «Списке городов русских дальних и ближних». Построили Коложе с тем, чтобы оно охраняло дальние подступы к Пскову. В дискуссию о том, почему его так называли, мы углубляться не будем, поскольку нам еще предстоит дискуссия о том, почему Опочку называли Опочкой. Скажем только, что в пяти километрах от холма, на котором стояло городище, находится озеро Коложо, из которого вытекает одноименная речка, но... городище Коложе стоит на берегу реки Кудка. От места, где стояло Коложе, до озера тянется многокилометровое болото. По-видимому, в средние века озеро Коложо подступало к самому холму, на котором стояло Коложе, а потом стало мало-помалу заболачиваться, и теперь...

Ну, да бог с ним, с озером. Сейчас речь не о нем, а том, что в четыреста шестом году, как сообщает первая Псковская летопись, «поганый отступник веры христианския, неверник правде, ни крестному целованию, князь Витовт Литовский, и повоева Псковскую волость и город Коложе взя на миру, на крестном целовании, а миру не отказав, ни крестного целования не отсла, ни мирных грамот ко Пскову, а грамоту розметную посла к Новугороду, а сам поиде на Псковскую волость, повоева все; месяца

февраля в 5 день, на память святых мученицы Агафьи, первое прииде на Коложскую волость на Фарисееве недели в пяток: овых изсече, а инья поведе в свою землю, а всего полону взяше одиннадцать тысяч мужей и жен и детей, опроче сеченых». Правду говоря, в одиннадцать тысяч пленных верится не просто с трудом, а вообще не верится. Чтобы взять в плен такое количество народу, Витовту нужно было как минимум всю Псковскую республику привести к общему знаменателю. Нет, все это больше похоже на ошибки переписчиков или на свидетельства очевидцев, у которых глаза от страха сделались велики. Очевидцев можно понять.

После разрушения и разграбления Коложе Витовт двинулся к соседнему Вороничу и там «наметаша рать мертвых детей две ладьи». Псков с ответом не задержался – быстро собрал войско и выступил в поход, в котором приняли участие жители других псковских пригородов – Острова, Изборска, Велье и Вороница. Витовта настигли у Великих Лук, разбили наголову и, как записано в летописи, «стяг Коложский взяша и полону много приведоша».

Восстанавливать Коложе не стали. Через восемь лет после его разрушения, то есть в четыреста четырнадцатом году, псковичи построили новый Коложе в излучине реки Великой и назвали его Опочкой². В этом месте река делает крутой поворот на запад. Через мыс прокопали ров и на образовавшемся острове насыпали холм из той самой земли, которая осталась от земляных работ. Холм этот и сейчас возвышается в центре города. Вокруг него разбит парк, на вершине холма, по периметру городского вала проложена вымощенная плиткой дорожка, по которой можно минут за пятнадцать обойти всю крепость или, вернее, то, что от нее осталось, а осталось... почти ничего. Если знать куда смотреть, то можно разглядеть небольшой овраг на месте когда-то бывшего порохового погреба, единственного каменного сооружения внутри крепости, и маленькую серую табличку там, где стояла церковь Спаса³. Каменный пороховой погреб, правда, появился куда позднее – в середине шестнадцатого века. Есть еще неприметная тропинка, которая ведет с крепостного вала вниз, к реке. По этой тропинке спускались за водой во время осад. То есть тропинки и не видно почти никакой, но экскурсовод вам покажет место, где она проходила. Ну, а внутри городских стен, кроме церкви и порохового погреба, был воеводский двор, дом священника, житницы для хлеба, соляной амбар, кузница и все то, что должно быть в крепости – деловито снующие в поисках пропитания куры, сохнувшие на веревках кольчуги и чумазые ребятишки, катающие по пыльным тропинкам неизвестно где украденное чугунное ядро. Кстати, о пушечных ядрах. В Опочечком краеведческом музее их четыре. Все они хоть и выглядят очень старыми – новодел, как объяснил мне главный хранитель музейных фондов Александр Владимирович Кондратеня. Есть еще каменные. Вот среди них-то и есть одно или два настоящих.

Возвели крепость на удивление быстро – всего за две недели. В Псковской летописи по этому поводу записано: «сделаша у весь в две недели в осень по Покров», то есть к середине октября. Почему в такие короткие сроки, понятно – в тот год неугомонный Витовт взял штурмом и сжег еще один укрепленный пригород Пскова – Себеж. В такой ситуации медлить не приходилось.

Новорожденная крепость была деревянной. Общая протяженность стен составляла около полукилометра. С самого начала в крепости имелось двое ворот – Большие юго-восточные и Малые северо-западные. Между двумя частоколами толстых дубовых бревен насыпали землю и обломки местного известняка. Как строительный материал он никуда не годился, поскольку был очень непрочен, но в качестве бутового камня был на своем месте – крепостную стену с таким наполнением артиллерия того времени не пробивала – ядра если и проламывали наружный частокол, то непременно вязли в земле, перемешанной с камнями. Кроме того, этим камнем, который во множестве находили, когда копали ров, устилали основание вала, а уже на него насыпали землю.

Раз уж зашла речь о местном известняке, то следует сказать, что именно он изображен на гербе города, пожалованном Опочке при Екатерине Второй. Кстати, о гербе.

Интересно, куда подевалось отбитое у литовцев знамя Коложе. Передали ли его как переходящее знамя гарнизону Опочки или... Впрочем, этот вопрос выходит далеко за пределы нашего рассказа.

Вернемся, однако, к крепости. Она была, мягко говоря, небольшой – всего семьсот пятьдесят квадратных метров и в плане представляла собой эллипс. Валы сохранились до наших дней – ширина и высота их примерно одинакова и составляет около пяти метров. Не забудем сюда прибавить высоту самого холма, составляющую пятнадцать, а местами и двадцать метров. По периметру стен установили три глухих башни – Себежскую, Велейскую и Заволоцкую, по имени трех таких же псковских пригородов, как и сама Опочка. Имелись еще и ворота – Большие и Малые.

Уже через двенадцать лет под городскими стенами появился все тот же Витовт. Да не один, а привел с собой, кроме, собственно, литовцев, еще и немцев, татар, чехов, поляков и валахов. На этот раз Псков узнал о планах Витовта заранее, и на помощь гарнизону Опочки были присланы полсотни вооруженных псковичей. В Псковской первой летописи об этой осаде сказано: «приде прежде к городу Опочке и лезше усердно к городу велми, а опочане с ними бишася искрепка, а Бог им святыи Спас помогаше, а Псковичи пришли бяху 50 муж снастных, много бо, рече, побиша опочани Литвы и Немци и Тотар, а опочан Бог блюдоше; и он неверный поиде опором к городу, а много голов своея рати остави...».

Бог, конечно, опочанам помог, но и сами они не плошали. Еще до прихода Витовта перед воротами крепости был повешен тонкий мост на веревках через ров, а под заполнявшей ров водой, аккуратно под мостом, были набиты острые колья. Первыми вбежали на мост татары, а за ними поляки, чехи и валахи. Как только мост заполнился – так опочане веревки и подрезали. В Никоновской летописи по этому поводу написано: «...и тако начаша татарове скакати на мост на конех, а гражане учиниша мост на ужищах, а под ним колия, изострив, побиша; и якоже бысть полон мост противных, и гражане порезаша ужища, и мост падесе с ними на колие оно, и тако изомроша вси, а иных многих татар и ляхов и литвы живых поимаша, в град мчаша». Доскакались, значит. Некоторым не повезло – они оказались насаженными на колья. Тем, кого опочане, мгновенно вышедшие из ворот, взяли в плен, не повезло куда больше. По свидетельству Никоновской летописи опочане «резаша у татар срамныя уды их и в рот влагаху им... а ляхом и чяхом и волохам кожи одираху». Делали все на валу, на виду у осаждавших. Витовт на это смотреть долго не стал – на следующий день рано утром неприятель из-под стен города ушел. Осада Опочки продлилась всего двое суток.

Это была, так сказать, светская версия событий осады Опочки. Теперь обратимся к религиозной, в правдивости которой не сомневался один из первых опочецких краеведов – Иван Петрович Бутырский. По этой версии, она же легенда, как только началась осада – так опочане стали ходить крестным ходом с хоругвями и иконами вокруг крепости. Осаждающие сразу же стали в них стрелять и через короткое время прострелили икону Всемилоственного Спаса. Пуля сделала отверстие в иконе чуть повыше правого ока Спасителя. Как только это произошло – так в войско Витовта, уstraшенное невидимой силой, сняло осаду и ушло. Некоторые старики, как пишет Бутырский, слышали от своих прадедов и прапрадедов, что литовцы в ослеплении даже рубили друг друга³.

Рубили или не рубили, а икона с пулевым отверстием, была. Если еще точнее, то просто с отверстием. Фотография ее приведена в книге Леонида Ивановича Софийского «Город Опочка и его уезд в прошлом и настоящем», изданной к пятисотлетию города в девятьсот двенадцатом году. В восемьсот четырнадцатом году икону, которая в то время находилась в Опочецком Спасо-Преображенском соборе, описали. «Образ чудотворный Всемилоственного Спасителя, с предстоящими: Божией Матерью и Николаем Чудотворцем. На оном риза серебряная, позлащенная, чеканной работы, с тремя венцами таковыми же. В венце Спасителя над местом, где во время нашествия Литвы оный образ, повыше левой брови, прострелен, – звезда серебряная, позлащенная, в середине со вставкою белого

хрустала, и позади образа – звездочка серебряная. Хотя о случае простреления сего образа никакого описания по сие время не отыскано, народное ж изустное, исстари, предание носит, что действительно последовало оное во время литовского нахождения, от стрельня из ружей ...». Нет теперь того собора – взорвали его в тридцать седьмом, а икона пропала еще раньше – в двадцатых.

Правду говоря, у историков имеются сомнения относительно первой версии. Мост, упавший на колья, их просто накроет, и вряд ли кто-то из нападавших был на них насажен, а что касается пыток пленных, то о них, как утверждали первые опочечские краеведы, написано только в Никоновской летописи, а в остальных источниках того времени об этом ни слова. Увы, они не знали, что о том же самом написано в Московском летописном своде конца пятнадцатого века, опубликованном впервые лишь в девятьсот сорок девятом году.

Обсуждать вторую версию таким образом, чтобы не задеть чувств верующих, не представляется возможным. Скажем только, что стрелять в икону могли и не из огнестрельного оружия, а, скажем, из арбалета. Если бы в нее попали из тогдашней пищали, которая мало была похожа на снайперскую винтовку, а более на небольшую пушку, то кроме отверстия от иконы вряд ли осталась хотя бы щепка⁴.

Так или иначе, а Витовт со своим интернациональным, как сказали бы сейчас, бандформированием осаду снял и ушел под стены другого псковского пригорода – Воронича, а Опочка осталась зализывать раны, нанесенные осадой. Через полтора десятка лет, в сентябре четырехсот сорокового года, новая напасть – пожар. Пожар, в отличие от Витовта, никуда уходить не стал, а сжег Опочку дотла. Той же осенью псковичи ее восстановили. Работы велись под руководством псковского посадника Тимофея Поткина. Подсыпали валы и устроили через ров постоянный наплавной мост длиной около ста двадцати метров.

Следующая осада Опочки случилась через шестьдесят два года – в пятисот втором. Пскову, поскольку он был союзником Москвы, пришлось воевать и с Литвой, и с Ливонским Орденом. Как написано в Псковской первой летописи, «Того же времени Немцы с Литвою совокупишася, и быти было им вместе подо Псковом, и пан Черняк не поспел, под Опочкою услышил, что Немцы выжгли Остров, а Литва мало не взяли Опочки, святой Спас ублюде». Хотя и мало, но не взяли, а потому литовские войска не успели до прибытия помощи Пскову из Москвы соединиться с немцами, и задержала их Опочка, которая стала для Литвы и Ордена тем гвоздем, которого не было в кузнице. И все же округу неприятель разорил, убил шесть человек опочечских бортников и посевы потоптал. Немцы, как отмечает летопись, еще и «сено косиша». Еще бы мышей из погребов с собой забрали, псы-рыцари...

Прошло еще пятнадцать лет, и двадцатого сентября пятисот семнадцатого года под стенами Опочки не опять, а снова появился неприятель. На сей раз это были... опять литовцы, да еще и с поляками во главе с князем Константином Острожским, и было их общим числом десять тысяч. В Разрядной книге 1475–1605 гг. по этому поводу имеется запись: «7026-го году в сентебре преступил король литовский кресное целованья, и помыслом злым по опасным грамотам умысля, и пришел в Полотеск со всеми своими людьми и, умысля с воеводы со князь Костентином Острожским и з желныри⁵, пришли ко псковскому пригородку к Опочке с норядом и к городу Опочке приступали». Злых умыслов у них было не так много, и они были простыми – взять штурмом Опочку, потом двинуться на Псков и взять его, а уж там как повезет. Грабежи мирного населения, убийства и захват пленных, само собой, в планах тоже были. В войске Острожского имелись, как сообщает Псковская первая летопись, не только литовцы и поляки⁶, но и «многих земель люди», среди которых числились и чехи, и венгры, и немцы, и сербы, и татары, и валахи, и мазовшане, и моравы. Были наемники и «от цысыря Максимьяна короля Римского». В летописи о них написано: «люди мудрые, ротмистры, арахтыктаны, аристотели»⁷.

Мудрые люди, оценив диспозицию, поняли, что осада крепости простой не будет. Поляки называли Опочку «свиным корытом». Действительно, крепость, расположенная на плоском холме, напоминала перевернутое корыто. Эпитет «свиное» оставим на совести осаждавших. С другой стороны – как еще им называть крепость, о которую они обломали зубы?

Не будем, однако, забегать вперед. Артиллерийские батареи с проломными пушками пришлось располагать на другом берегу реки Великой, а это как минимум две сотни метров, да еще стрелять пришлось под максимальным углом возвышения, поскольку и сам холм, как мы помним, был высоким, да еще и стены, да еще и земля внутри стен, в которой застревали пушечные ядра, да еще и сами пушки, которые тогда были куда слабее нынешних, да еще и пушек было недостаточно, и подавить батареи на городских валах неприятель не смог.

Артподготовка длилась до шестого октября, то есть две с лишним недели. Толку от нее было мало, и командиры – а ими, кроме самого главного, князя Острожского, были командир чешских и немецких наемников польский и литовский гетманы Януш Сверчовский и Юрий Радзивилл – решили отдать приказ о штурме. Для этого всю ночь перед штурмом через реку на плотках и лодках под стены крепости переправлялась пехота и закреплялась на плацдармах. На рассвете шестого октября штурм начался. Как сказано в Степенной книге: «Нощию же и лестницы ко граду поставиша. На утрия же бестудно приступи ко граду бесчисленное множество...». Первыми стали карабкаться на холм по приставным лестницам опытейшие чешские наемники. Карабкались они под прикрытием щитов. Щит, конечно, неплохая защита против стрелы или удара мечом, но когда сверху на тебя летят пудовые камни, падают огромные деревянные колоды и катятся толстые бревна, сметающие все на своем пути, то никакие щиты не помогут. Они и не помогли. Результатом первого дня штурма было шесть десятков убитых и тысяча четыреста раненых. Сейчас-то этим раненым диагнозы ставить поздно, но, скорее всего, это были переломы и черепно-мозговые травмы. Предводителю чешских наемников по прозвищу Сокол и вовсе оторвало руку.

В одном из ранних списков Холмогорской летописи о первом дне штурма написано: «А воевода и наместник Опочкой Василей Михайлович Салтыков со всеми людьми градцки, богу помогающе, боряхуся против королева войска крепко. И на приступе ис пушек и ис пищалей и катки болшии и слоны с города побиша многое множество людей королева войска, яко Великую реку от всех стран запрудилша трупы люцкими, и кровью река яко быстрыми струями протече». Катки – это куски бревен, а слоны – колоды, которые выдвигали на длинных шестах над нападающими, и рубили удерживающие их веревки.

Что касается камней, то с ними, как гласит легенда, описанная в Степенной книге, произошла удивительная история. После первого штурма запас камней в крепости подошел к концу. Копать землю в крепости в поисках камней осажденным было некогда, да и какие можно найти камни на рукотворном холме. Тут можно было бы и приуныть, но... ночью, во сне, одной женщине явился св. Сергей Чудотворец, указавший место, в котором находился тайник с камнями. Не просто тайник, а тайник с огромным количеством камней. О сне или видении было немедленно доложено воеводе Василию Салтыкову, и как только противник вновь пошел на приступ, его забросали камнями, найденными в погребке, а когда объединенные силы интервентов ушли из-под стен Опочки, в крепости немедленно построили церковь во имя св. Сергия Радонежского⁸.

Надо сказать, что поляки, литовцы и нанятые ими кондотьеры не сразу ушли из-под стен Опочки. Более того, они, может, и вовсе не уходили бы, кабы не начались боевые действия у них в тылу. В Великих Луках стояли приграничные войска под командой князя Ростовского. Оттуда отправили два отряда, под командой так называемых «легких» воевод князя Федора Оболенского-Телепнева по прозвищу Лопата и Ивана Ляцкого. Легких потому, что эти отряды были хотя и малочисленными, но исключительно

подвижными. Они нападали на войско Острожского сзади и мгновенно отходили, уводя с собой пленных. Все шедшие навстречу Острожскому подкрепления эти воеводы перехватили и разбили⁹.

Безуспешные попытки взять Опочку продолжались две недели – с шестого по восемнадцатое октября. К этому времени армия Острожского сильно поредела. Поздняя осень в средней полосе не лучшее время для боевых действий. Острожскому повезло – у него не было танков, а только осадная артиллерия, но и пушки вытаскивать из непролазной грязи удовольствия мало. Как только наступила распутица, осада была снята, и все оставшееся войско Острожский повел в Полоцк. Стенобитные орудия бросили, и они достались опочанам.

Наступило время преуменьшать собственные потери и преувеличивать потери противника. Если судить по русским дипломатическим источникам, то во время осады было убито шесть тысяч человек, а в ходе рейдов по тылам противника уничтожили еще четырнадцать тысяч. Посольству в Крым передали цифру поменьше – всего двенадцать тысяч, не считая, конечно, еще шести тысяч убитых при осаде. И это при том, что войско Острожского не превышало десяти тысяч. Поляки же писали сдержанно, точно сквозь зубы. Было дело, ходили под Опочку, города хотя и не взяли, но все вокруг разорили и пожгли. Без ущерба для себя, конечно. Знаем мы, как без ущерба для себя...

Три года спустя после осады некий Некрас Харламов, сообщая кому следует о бежавшем из польского плена Тимохе Рупосове, пишет, что этого самого Тимоху, по его словам, в плену «вспрашивал король про Опочку, которой деи город боле, Луки ли или Опочка? И Тимоха ему отвечал: как, господине, у села деревня, так и у Лук Опочки малое городишко; а Луки город великой. И король де молвит: бесова деревня Опочка. И Копоть писарь Тимохе говорил: того для тебя король о Опочке спрашивал, что болши пяти тысяч людей под нею легло». Проговорился Сигизмунд – «бесова деревня», а никак не «свиное корыто». Короля можно понять – не один город ему пришлось заложить, чтобы насобирать денег на этот поход. Пропали королевские денежки. Под стенами Опочки и пропали.

Через одиннадцать дней после того как то, что осталось от войска Острожского, отступило в Полоцк, великий князь Василий Третий принял литовских послов. К тому моменту те уже три недели дожидались аудиенции. Литовские послы, скорее всего, ничего не знаящие о неудачной осаде Опочки, пытались вести переговоры с позиции силы, но... Как писал в своих записках Сигизмунд Герберштейн, бывший посредником на этих переговорах: «После того как войско польского короля ничего не добилось под Опочкой, – а рассчитывалось, что если эта крепость будет захвачена, то можно будет достичь более выгодного мира, – великий князь сделался высокомерен, не захотел принять мира на равных условиях, так что литовцы вынуждены были уехать ни с чем»¹⁰. Вот, собственно, и все об обороне Опочки в пятьсот семнадцатом году. Остается только добавить, что перед лестницей в городском парке, ведущей на вершину холма, на котором стояла средневековая крепость, по решению городских властей установлен памятный знак, а на памятном знаке есть надпись: «В 1517 году на этом месте русский гарнизон, возглавляемый воеводой Василием Салтыковым-Морозовым, наголову разбил польско-литовских захватчиков». И в скобках приписано: «Битва при Опочке». Нет, наголову не разбивал, хотя головы проломили многим, и битвы не было, а была осада, если уж быть точными, но... такую надпись захотел сделать один из городских начальников. Захотел и утвердил, хотя краеведы и говорили ему, говорили... и перестали говорить. Туристам, само собой, битва интереснее, чем осада, а уж когда наголову разбил...

И вот еще что. В середине шестнадцатого века Опочка появилась на европейской карте Каспара Вонпелиуса – известного немецкого картографа и изготовителя глобусов. Неплохой результат для крепости, гарнизон которой в те времена составлял около полутора сотен человек.

Дальше наступают темные годы. Не в смысле беспросветные, хотя и таких у нас больше, чем хотелось бы, а в смысле малоизученные краеведами и историками. Нет, конечно, какие-то документы вроде зарплатной ведомости стрельцов, накладных на порох, ядра и уздечки или объяснительной записки, куда пропали дубовые бревна, припасенные для ремонта крепостной стены, находили и находят, но их мало, и потому приходится себе эту жизнь воображать.

Безусловно, первые годы после осады Опочка зализывала раны и праздновала победу. Без усталости ходили крестные ходы с простреленной супостатами иконой Всемилоственного Спаса, устраивались торжественные гарнизонные смотры и соревнования по стрельбе из пищалей на приз воеводы Салтыкова-Морозова, ходили вокруг холма, на котором стояла крепость, с песнями под барабанный бой и жалейку, кричали «рады стараться» или что-нибудь оглушительно-радостное и нечленораздельное, потом шли в местные кабаки пить опочечское светлое пиво или брагу, потом дрались стенка на стенку до крови. Строили храмы. Посадские сажали лук, горох и капусту в своих огородах, по осени в этой капусте находили детишек, на заливных лугах сеяли овес, ходили с рогатиной на медведя, голыми руками ловили в Великой пудовых щук и осетров, которых тогда в ней водилось видимо-невидимо. Хотя насчет детишек в капусте... это вряд ли. В этих краях и сейчас много аистов, а в те времена их было не меньше, чем щук и осетров. Значит и с детьми никаких перебоев не было. Скорее всего, капусту растили исключительно для еды.

Через сорок семь лет после того, как Опочка выдержала осаду польско-литовского войска под командой Константина Острожского, весной пятьсот шестьдесят второго года к ней подступил неприятель. На сей раз это были... снова литовцы. Псковская третья летопись по этому поводу сообщает: «...Того же лета приходили литовские люди воевати по Николине дни, на седьмой недели по Пасце, к Опочке, и хотели посад зажечи, и гражане не дали зажечи посаду, за надолбами отбились; и многих от них постреляли з города; и они та же Литва воевали по волостям, и семь волостей вывоевали...». Семь волостей вывоевали, но Опочка им снова оказалась не по зубам. Мало того, теперь даже к стенам литовцев не подпустили и не дали зажечь посад. Он был огорожен надолбами – вкопанными в землю заостренными бревнами. Вкапывали их наклонно – остриями к нападающим.

И двадцати лет не прошло, как в пятьсот восемьдесят первом году польский король Стефан Баторий, а по совместительству и Великий князь литовский... на Опочку не пошел, а сразу двинулся на Псков, и город оказался во вражеском тылу. Н.М. Карамзин вместе с другим историком, митрополитом Евгением Болховитиновым, считали, что Баторий Опочку взял, но в Псковской летописи об этом нет ни слова, ни полслова. Молчат об этом и польские источники, а уж они-то о взятии Опочки раструбили бы на всю Европу. Мало того, секретарь Батория ксендз Пиотровский писал в своем дневнике в конце октября пятьсот восемьдесят первого года: «в лесах около Опочки хватают наших курьеров и проезд в тех местах очень опасен».

К середине восьмидесятых годов шестнадцатого века относится первое описание Опочки. Находится это описание в «Подлинной писцовой книге» за номером пятьсот тридцать пять и составлено писцами Григорием Дровниным и Иваном Мещаниновым-Морозовым.

«...Город Опочка на Великой реке на острове древян, а в нем двор наместнич да двор воевоцкой. Внутри ж города места осадные детей боярских и городовых прикасщиков...». Осадные места были, прямо скажем, очень маленькими – три на две сажени или двадцать семь квадратных метров прописью. Немногим больше площади современных комнат в однокомнатных квартирах, но без каких-либо удобств. И на этой площади нужно было поставить дом, выкопать выгребную яму и посадить хотя бы одну грядку лука с чесноком, которыми закусывать и лечиться от всех болезней. О капусте и говорить нечего. С другой стороны – жили там люди военные. Выбирать им не

приходилось. С третьей стороны, если вспомнить размеры самой крепости, то и такая площадь покажется немаленькой. Это был так называемый Верхний город, который тоже делился на две части – возвышенную на востоке и пониженную на западе и на юге. Все это напоминало деление пятака на грош и алтын, но в верхней части Верхнего города жило городское начальство, и там осадные места были побольше – четыре или даже шесть сажень в длину, но в ширину все равно две.

Несмотря на почти игрушечные размеры домов, да и самой крепости, была в Опочке Большая Спасская улица, шедшая вокруг холма от Малых ворот к главным, Большим. Возле Больших ворот была устроена площадь, в центре которой стояла колокольня и соборная церковь Св. Спаса, и потому Большие ворота называли еще и Спасскими. На площади каким-то образом помещалась еще одна церковь – Преподобного Сергия Радонежского и два двора – Наместничий и Воеводский. Кроме Большой Спасской улицы в Верхнем городе имелись еще две – Сергиевская и Петровская. Петровская улица начиналась в нижней части Верхнего города и шла по южному краю... Все это сложно представить себе без карты, а потому мы не будем останавливаться на всех этих картографических и геодезических подробностях, а скажем только, что на Петровской улице, у церкви Св. Петра была площадь, на которой гарнизон занимался строевой и боевой подготовкой, хотя... вряд ли строевой. Ей до Петра уделяли мало внимания. Там же происходили воинские сборы в случае осад и походов и собирались граждане Опочки на общественные собрания. На площадь выходили ворота порохового погреба, перед которыми стояла сторожевая изба, а точнее, сторожка. На внутренних сторонах городских валов теснились клетки, то есть кладовки и погреба пушкарей, воротников, стрельцов, попов, церковных дьячков, пономарей, кузнецов, шорников и дворников. Впрочем, с дворниками я погорячился – вряд ли они там были. Лучше заменим их плотниками. В городе существовала и богадельня, поскольку в описании упоминается клеть старца «багаделные избы». Видимо, стариков в богадельне было несколько, поскольку в другом месте Подлинной писцовой книги читаем: «На островку на Великой реке огород богадельных старцев». Островок этот расположен аккурат напротив входа в нынешний отель «Опочка», и огородов на нем теперь никаких нет, а только непроходимые заросли крапивы, лопухов и осоки, среди которых то тут то там виднеются рыбаки, уставшие отвечать, что не клюет.

Упоминается в описи «подклетишко полуторы сажени вдовы Анны Гавриловской жены мелника...». Стало быть, имелся и мельник, а к нему прилагалась и мельница. Скорее всего, поставили ее где-нибудь на Великой, а не в Верхнем городе, где и без того яблоку негде было упасть. «...И всего внутри города царя и великого князя 6 житниц, онбар да погреб, да 6 мест пустых, да детей боярских, и монастырских, и церковных, и пушкарев, и воротников, и стрелцов осадных мест и клетей 137, да 197 мест пусты, а людей у них нет...», а если бы были, добавим мы, то сидеть бы им на головах друг у друга.

По правую руку от острова, на котором стоял Верхний город, находился еще один остров, отделенный от берега Великой прокопанным рвом. На этом острове располагался Нижний город, огороженный крепостной стеной с девятью башнями, но в описываемое время он еще не существовал, а на его месте находились посады и слободы – Пушкарская, Стрелецкая, Никольская, Воронежская, Козьмодемьянская, а в них улицы Никольская Большая, Федосова, Воротницкая, Воронежская, Пушкарская, Жидовская¹¹ и два переулка со смешными названиями – Пиндин и Пундин. Был еще посад на противоположной, левой стороне реки Великой, и назывался он Завеличьем. Правда, Козьмодемьянская слобода была почти пуста, на улицах Жидовской, Федосовой, в Пундине переулке «дворы черные пустые и места порожие», лавочных мест имелось больше трех десятков, а занято было всего девятнадцать, на территории будущего Нижнего города стояло всего семь дворов и проживало в них ровно семь человек. «Слободка Никольского монастыря, что на Опочке на посаде, а в ней 17 дворов бобыльских... а живут в ней Никольские бобылки...». Оно и

понятно – закончилась Ливонская война, и закончилась для России неудачно. Про то, чем закончилось для России, особенно для ее приграничных западных областей, правление Ивана Грозного, можно и не вспоминать. Опочка, конечно, врагу не сдалась, но от войны ей досталось. Потому и «дворы черные пустые и места порожжие», потому и бобылки, потому и лавочных мест куда больше лавок¹².

Зализывать раны, нанесенные войной и правлением Грозного царя Опочке, было некогда – надвигалось Смутное время. Первый Самозванец прошел на Москву куда южнее Опочки, а вот второй... После разгрома правительственных войск под Болховым, часть армии Василия Шуйского попала в плен, но была отпущена вторым Лжедмитрием по домам. Среди этой части были псковские стрельцы, а среди них и опочецкие. В мае шестьсот восьмого года пришли они домой. Псковская летопись по этому поводу сообщает: «пригородские стрельцы с псковскими... пошли на свои пригороды, на Себеж, да на Опочку, да на Красный, да на Остров, да на Изборск, и дети боярские по поместьям, и пригороды все смутили, и дети боярские и холопы их привелоша пригороды и волости к крестному целованию табарскому царю Дмитрею».

Деваться было некуда – Тушинского вора признал Псков, а Опочка... Опочка была и оставалась пригородом Пскова, который и принимал за нее решения такой важности. Кроме того, все опочецкие воеводы назначались Псковом. Как только в шестьсот тринадцатом году Псков признал нового царя Михаила Романова – так опочецкие служилые люди в компании с себежскими казаками и под командой опочецких воевод Ивана Бороздина, Богдана Аминева и себежского стрелецкого головы Ивана Неелова девятого июля «взяша Заволочье у Лисовского и много сукон, и город сожгли, и детей боярских Андрея Квашнина и прочих прислаша во Псков, а оне служили с Олисовским вместе, и Литву побиша». Тут нужно пояснить, что Заволочье – один из псковских пригородов, расположенный неподалеку от Опочки, а полковник Александр Юзеф Лисовский – один из самых активных польских, как сейчас сказали бы, полевых командиров, державший в Заволочье все награбленное, запасы оружия и снаряжения, а Андрей Квашнин – один из тех псковских помещиков, что перешли на сторону польского короля Сигизмунда. Надо сказать, что в Заволочье отсиживалось довольно много таких, как Квашнин, и находились они там вместе с семьями. В момент штурма крепости Лисовского с основными силами в ней не было – он ушел в очередной грабительский набег. Воевода Невеля, Григорий Валуев, в те поры служивший полякам, писал литовскому референдарию Гонсевскому: «замок Заволочье взятием взяли и, взявши замок, польских и литовских и русских людей, дворян и детей боярских, и их отцов, матерей, жён и детей, и крестьян побили от мала до велика, и замок спалили». Тех, кого не убили, повели в Опочку, но отойдя от Заволочья версты три, перебили почти всех оставшихся. Лишь немногие смогли спастись бегством и добраться до Невеля. Квашнину, стало быть, еще и повезло – его довели живым до Пскова.

Формально на этом Смута для Опочки закончилась, но фактически... Город на русско-польской границе покоя не знал ни днем ни ночью. Правда, и по ту сторону границы никому спокойно спать не давал. В шестьсот тридцать третьем году служилые опочане отбивают у поляков Себеж, который по Деулинскому мирному соглашению достался Польше – «В то же время выбежала Литва из Себежа, и взяша Опочане Себеж, а Литву достальную побиша». Правда, на следующий год под Опочку пришли поляки и зажгли посад, но Себеж уже не вернули. Через шестнадцать лет после Деулинского мира заключили другой, Поляновский, но и его Опочка соблюдала точно так же, как и Деулинский, поскольку в ней без выходных работал сборный пункт русских войск, идущих в рейды на захваченные поляками и литовцами территории.

Еще через тридцать три года Россия и Польша заключили Андрусовское перемирие, по которому России наконец вернули Смоленск, все земли Левобережной Украины, Северскую землю и даже Киев. Об этом перемирии, наверное, не стоило бы здесь и упоминать, если бы оно не было подписано благодаря выдающемуся русскому

дипломату, главе Посольского приказа и государственному канцлеру Афанасию Лаврентьевичу Ордину-Нащокину – уроженцу Опочки. Можно было бы еще сказать, что под непосредственным руководством Афанасия Лаврентьевича была создана международная и регулярная русская почта, что он даже разработал форму почтовых служащих, что по его инициативе был построен первый русский боевой корабль «Орел», что именно он придумал трехцветный российский флаг, которым позже воспользовался Петр Великий, что основал первый русский банк во Пскове, но мы этого делать не будем, поскольку к непосредственной истории Опочки это не относится, а вернемся в Опочку конца двадцатых годов семнадцатого века¹³.

Как раз в это самое время, в период с двадцать девятого по тридцать первый год, в Опочке начали укреплять Нижний город. Игнатий Харламов, которому было поручено составить смету и руководить строительством укреплений, писал своему строительному начальству, сидевшему в Новгороде: «... на Опочке около посаду острогу и крепости никакие нет и без острогу около посаду быть не мочно, потому что город порубежной. А по смете на острог и на тарасы, и на ворота, и на башни, и на надолобы, и на всякие острожные крепости всякого лесу надобно 6020 бревен...». Весь этот лес нужно было заготовить в пяти или шести верстах от самой Опочки. Тогда этого леса было... хоть крепости из него строй. Опочецкому воеводе Ивану Нащокину начальством было велено оказывать всякое содействие строительству, а Игнатию Харламову как представителю московского заказчика «велено досматривать самому почасту и мастером приказывать накрепко, чтоб они тот острог и всякие крепости делали крепко и прочно и впредь было вечно».

Строительство шло трудно – не хватало мастеров, не хватало рабочих, и вовсе не потому, что их не было в округе, а потому, что никто не хотел наниматься. Может, денег мало платили, может, были у них другие, более выгодные заказы. Тогда из Новгородского приказа, который в то время ведал крепостью Опочка, пришла воеводе Нащокину грамота, но не почетная, а... «велено опочецким служилым людям стрелцом и казаком сказать Государеву жалованное слово, чтоб они Государю послужили, на то острожное дело лес и на башни на покрышку тес готовили и острог зделали, а... буде стрельцы и казаки на то острожное дело и на покрышку тесу готовить и острожного дела делать волею не учнут, и ему на то острожное дело лес и к башням на покрышку тес готовить посылать стрельцов и казаков и острог делать велено и неволею...».

– Так бы сразу и объяснили, – отвечали стрельцы и казаки, услышав Государеву жалованное слово в адаптированном для стрельцов и казаков пересказе воеводы, и тотчас стали рубить лес, тесать тес, строить стены, ворота, башни и вкапывать надолбы.

Нужно сказать, что в те времена воеводы на одном месте не засиживались – через год, как правило, их переводили в другую крепость. Не избежал этой участи и Иван Нащокин, хотя и был двоюродным братом самого Афанасия Ордин-Нащокина. При переводе на другую должность Нащокин послал отчет, который тогда назывался отпиской, царю Михаилу Федоровичу. Писал Иван Денисович о том, что крепость в Нижнем городе он построил, караулы поставил и «стрелцом, и казаком, и пушкарем, и воротником, и посадским и всяким жилецким людем в остроге под дворы места отвел». Служилые люди, подчиняясь приказу, все свои дома перенесли под защиту стен Нижнего города, а вот посадские... отказались, и это при том, что прекрасно знали, что будет с их дворами, когда враг приступит к стенам Опочки. Никакие увещания и доводы о том, что их дворы загораживают обзор крепости, что окрестные подступы к городу не просматриваются, что караульщики «сказывают, что им стречи неусторожно», не помогли. Посадские уперлись и на все уговоры отвечали: ««каково де будет воинское время, и мы де дворы свои за острогом и сами позжем». Вот и делай с ними что хочешь. Вот и попробуй их уговорить. И это, между прочим, не те люди, которые про поляков и литовцев читали в книжках, которых они никогда не читали, а те, кто во время осад прятался в крепости, помогал стрельцам и пушкарям подносить ядра, лил кипятка и

сбрасывал бревна на головы лезущей на стены пехоты. Оправдываясь, Нащокин писал: «И твой государев город Опочка от литовского рубежа всево в трех верстах, и ничто, государь, за их непослушаньем, каково что над острогом дурно учинитца, и мне от тебя, государя, в опале не быть».

И все же... следующий воевода Василий Туров в шестьсот тридцать первом году хотя и принял город у Нащокина, писал царю, что «острог не зделан и тарасы необрублены и мосты не мощены и по острогу катки не покладены, и около острогу ров не выкопан, и чеснок не набит, и надолбы не поставлены, да у города ж Опочки во многих местех вал лдом и водою розмыло и городовая стена огнила и розсыпалась и бес поделки тем местам быть неуметь». Подобно Нащокину, Туров жалуется государю на местных жителей, но уже по-другому поводу: «А подошли де к Опочке пригороды Велье, Вороноч и тех пригородов дворцовых и монастырских, и церковных, и помещицких сел и деревень крестьяня всякие жилецкие люди в сполошное время в Опочку прибегают и клетки для сполошного времени ставят, а поделак городских не делают, и о том бы ему указ учинить». Одни, значит, не хотят переносить свои дома под защиту крепостных стен, а вторые понаделали себе кладовок внутри крепости и в «сполошное время» собираются там отсиживаться, но приводить в порядок острог, но копать ров... Вот и делай с ними что хочешь. Вот и попробуй их уговорить.

Туров, принимая от Нащокина Опочку, составил подробную опись служилых людей, опочечкой артиллерии и пушечных припасов. По именным спискам, представленным воеводой царю, стрельцов, казаков и пушкарей «в твоём государеве городе в Опочке 250 человек стрельцов, 70 человек казаков, да твоих государевых жалованных пушкарей 8 человек, да 4 воротника, да нежалованных 6 человек, пушкарей, да казенный кузнец...». Не будем утомлять читателя подробным списком больших пищалей на колесах, называвшихся «Орел» и стрелявшими ядрами весом по два с половиной килограмма, пищалей поменьше, называемых затинными, стрелявшими «пулками» и «дробом», неисправной пищали без замка, неисправной пищали с раздутым при выстреле дулом, исправных фальконетов, бочек с порохом, каменных и чугунных ядер, запасов свинца для отливки пуль, уже отлитых пуль, а только скажем, что всего Туров насчитал в государственной казне около сотни разного калибра годных пищалей и два десятка неисправных, больше сотни пудов пороху и около шестидесяти пудов свинца. Короче говоря, Опочка была вооружена до зубов. По тогдашнему времени, конечно. Как посчитали специалисты, суммарный залп опочечкой артиллерии составлял почти одиннадцать с половиной килограмм. Немного, если сравнить с суммарным залпом Пскова, составлявшим приблизительно в то же время сто семьдесят пять килограмм, и немало, если сравнивать с суммарным залпом соседнего псковского пригорода Гдова, который составлял чуть менее одиннадцати килограмм. Заметим при этом, что ядра были каменные и чугунные. Не стоит их путать с артиллерийскими снарядами или бомбами. Внутри каменных и чугунных ядер был камень и чугун. Разрывные ядра появились у русских артиллеристов только в самом конце семнадцатого века. Как осажённые могли отстреливаться от превосходящих сил осаждающих – а они, как правило, были превосходящими – таким небольшим количеством камней и чугунных шаров, ума не приложу. К примеру, самый крупный узел обороны Нижнего города был на Наугольном раскате, расположенном на дороге, ведущей к Заволочью. Суммарный вес залпа этого раската составлял около трех килограмм. Правду говоря, трудно удержаться от мысли, что это масштаб какой-то уличной драки.

Читая отписки опочечких воевод московскому начальству в семнадцатом веке, удивляешься постоянным жалобам на нехватку денег, стройматериалов, припасов, на плохое состояние крепостных стен, башен, рва... К примеру, воевода Григорий Чириков в шестьсот тридцать шестом году пишет царю, что выкопанный ров оплыл, что установленные под стеной еловые колья пообломались и повалились, что «твоих государевых житниц на Опочке с твоим государевым дворцовым хлебом трицать четыре,

и те стоят врозне, потому что Казенного двора нет. И многие, государь, житницы стоят без кровли, а иные многие пообсели в землю с хлебом, а иные стоят в воды, подплыли водою...». И это не все – еще пороховой погреб сверху земель не обсыпан и дерном не обложен, еще и вал осыпается потому, что лес, которым он был укреплен, сгнил. «А делать... ныне тое стены, и башен, и ворот мне, холопу твоему, нечим; в твоей государеве казне у меня... денег и никаких денежных доходов нет. А городовая... стена обвалилась, а неделаной... стены, и башням, и городовым воротам, и валу, тому месту без новые обрупки быть не уметь».

В шестьсот пятьдесят шестом году воевода Ипат Вараксин, принимая у прежнего воеводы Никиты Княжнина Опочку, пишет царю про сгнившие и обвалившиеся прясла крепостных башен, про то, что водяной тайник осыпался и против тайника осыпается вал, а по сметной росписи этот тайник должны были отремонтировать еще восемь лет назад, и вообще вал «поотсел в Великую реку, потому что около вала старинную подшву вымыло водою. И тое... городовые стены, и водяному тайнику, и городского вала отсельным местом впредь бес поделки быть нелзе». В довершение ко всем бедам восемь лет назад, как раз тогда, когда по документам должны были привести в порядок водяной тайник, но не привели, выгорел «Божиим попущением» опочецкий острог, и от этого пожара обгорели колеса у станин, на которые были установлены большие пищали. Понятное дело, что все это нужно приводить в порядок – и ров чистить, и новые рогатки около рва устанавливать, и водяной тайник ремонтировать, да только... посацкие люди и твои государевы дворцовые, архиепископли, и монастырские, и церковные, и помещицкие крестьяне, которые делали на Опочке твое государево острожное дело, того твоего государева дела и острожные доделки делать не хотят и на Опочку по высылкам нейдут, чинятца ослушны». Никогда не было и вот опять. Когда они, спрашивается, были послушны-то?!

Через шесть лет воевода Семен Бешенцев, принимавший дела у прежнего воеводы Дружины Креницына, пишет царю, что «соли нисколько нет, и в нынешнее... воинское время без соли в Опочке быть нелзе». Еще и кровля на Себежской башне сгнила и обвалилась. Еще и городской вал «во многих местех подмыло Великою рекою, и тот вал поотсел в Великую реку, потому что около вала старинную подошву вымыло водою. И тое... Себежские башни бес кровли, и городской стены и отселому валу бес поделки ныне в войское время и впредь быть нелзе, потому что стена огнила и вал осыпался». Кажется, Семен Бешенцев читал отписку воеводы Игната Вараксина и то место, где говорится о том, что старинную подошву вала смыло водою, не мудрствуя лукаво, списал практически дословно.

До сих пор все было про стены, башни, вал и пушки, а теперь про сам опочецкий острог: А где, я... в посылках и в походах на твоих... службах ни бывал в городех, и такова теснова города, я, холоп твой, не видал. А мерю тово города острогу 500 сажен. А в остроге ... всех 340 дворов, изба с-ызбою, кровля с кровлею стеншись стоит». Это пишет царю князь Никита Гагарин – полковой воевода, посланный со своим полком под Опочку в шестьсот шестьдесят четвертом году для участия в военных действиях против поляков.

Если кто-то, читая отписки опочецких воевод, подумает, что Опочка в семнадцатом веке только и делала, что гнила, разваливалась и оплывала в реку Великую, то ошибется, и очень. Опочка превратилась в важную приграничную крепость – в нее приходили на постой русские полки после военных походов на территорию Литвы и Польши. Опочка стала главным укрепленным городом во всей округе, и близлежащие крепости Велье, Красный и Воронич стали к ней в подчиненное положение. Это видно хотя бы потому, что их жители держали в опочецком остроге свои «осадные дворы», а проще говоря, кладовки на случай военных действий и принимали участие в строительстве и ремонтных работах на территории крепости. Пусть и неволею, но принимали. В ремонтных работах были заняты и крестьяне окрестных дворцовых, монастырских и помещичьих сел. В Опочку свозили воинские и иные припасы из других псковских пригородов и все то, что можно

было вывезти из завоеванных польских городов. В Опочке даже хранился походный государев шатер «суконной муран, зеленой с полами, подбит выбойкою, в кожаном чемодане». Правда, у него «во многих местах верх и полы мыши изъели», о чем есть запись в Годовой смете, составленной в Разрядном приказе в шестьсот шестьдесят восьмом году.

Что же до воеводских жалоб... Не писать же им в самом деле, что все хорошо, что лес на строительство есть, что денег хватает и жители округи рвутся ремонтировать крепостные стены и башни. Этак урежут финансирование и не дадут денег ни на лес, ни на починку походного шатра Государя... Еще и с ревизией приедут и накажут всех, включая мышей, которые погрызли шатер. Ну, насчет мышей я, конечно, призагнул. Мышей не тронули бы. Потопали бы них ногами, и все, а вот воеводе, подьячим, стрелецкому голове, стрельцам, пушкарям и всем остальным мало не показалось бы.

Шутки шутками, а с ревизиями под стены Опочки приезжали Польша и Литва. Они и проверяли на прочность стены, башни, мерили глубину рва и остроту забитых в его дно кольев. Пушечными ядрами, конницей, пехотой и проверяли. Время было воинское, как писал воевода Бешенцев. Тут и не захочешь, а напишешь в отчете царю все как есть, без утайки.

По годовой смете Разрядного приказа гарнизон Опочки к весне шестьсот шестьдесят восьмого года вырос до полутысячи человек. «...Людей: голова стрелецкий..., дворцовых сел прикащик..., подьячий..., казаков конных в рейтарском строе 101 человек, стрелцов 300 человек, пушкарей 12..., воротников... 4, посацких людей 86 человек, и в том числе з боем с пищальми 25 человек, с топоры и з бердыши 52 человека, без бою 9 человек. Всего всяких чинов людей 506 человек...».

Все же после заключения Андрусовского перемирия, когда граница отодвинулась, хотя и не намного, от Опочки, и боевые действия в этих местах поутихли, оборонительные сооружения стали приходить в упадок, и к восьмидесятым годам семнадцатого века крепости потребовался капитальный ремонт. Подгнили башни, у которых от бурь и сильного ветра разломало кровлю, между некоторых башен обвалилась городская стена, вал у городских ворот обрушился, а сами ворота подгнили, осели и вовсе не закрывались. У городских ворот обвалился подгнивший мост, и в Верхний город стало невозможно ни пройти, ни проехать. С пороховым погребом, в котором хранились и пушечные ядра, дело обстояло еще хуже – он просто развалился. Так же, как и казенные амбары, в которых хранились хлебные и соляные припасы. Бывший в то время опочецким воеводой стольник Дмитрий Иванович Унковский доложил о состоянии крепости псковскому воеводе боярину Борису Петровичу Шереметеву, и тот распорядился Опочку немедленно привести в порядок. Унковский приказал опочецким плотникам, из стрельцов и городских казаков, все необходимое для ремонта осметить – и лес, и тес, и гвозди, и дрань, и камень, и сколько на работы необходимо отрядить плотников, каменщиков, землекопов и всех, кто в таких случаях требуется, и сколько денег им придется заплатить за работу. Платили, кстати, не всем. Починка и постройка моста заново, если будет в том нужда, была натуральной повинностью черносошных крестьян, и им за эту работу не полагалось ни копейки. В работах по «городовому строению» должны были принимать участие все черносошные крестьяне трех уездов – Опочецкого, Велейского и Воронежского. Должны, но... началась обычная история – никто не хотел отвлекаться на строительные работы, поскольку и без того у крестьян сельскохозяйственных забот всегда полон рот. Им нужно было пахать, а не строить. Дворцовые крестьяне Велейского и Воронежского уездов немедленно отправили в вышестоящему начальству челобитную, в которой писали, что «они де люди бедные и платят всякие градские платежи и поделки, строят во Пскове со Псковскими посадскими крестьяны, и то де их Опочецкое городское строение будет вдвое». Самое удивительное, что вышестоящее начальство вошло в их положение. Правда, не до конца и от участия в стройке их не освободило, но разрешило сначала все вспахать и посеять, а уж потом...

Каким-то образом уклонилась от работ и часть монастырских и помещичьих крестьян. Видимо, тем общеизвестным способом, которым у нас уклоняются от разного рода работ, в которых участия принимать не хотят. Те же, кто никак не смог уклониться, подали челобитную царю, в которой писали, что уже в прошлом году принимали доленое участие в постройке каменного погреба для хранения боеприпасов, что каменщиков и других работников за свои кровные нанимали и за обжиг извести платили, а уклонисты этого не делали, и подвод для привоза камня не давали, и за обжиг извести не платили, и потому справедливо будет за счет тех отказников все и сделать, тем более что у многих из них в Верхнем городе имеются амбары и клетки. К челобитной был приложен список всех монастырских, казенных и помещичьих крестьян, которые в вышеуказанных работах не участвовали. Как говорится, и челобитная, и донос в одном флаконе.

За крестьянами помещика Поганкина опочечские начальники даже посылали стрельцов и приставов, чтобы силой отвести их на работы, но... оказалось, что крестьяне все необходимые повинности платят по Пскову и трогать их нельзя. Так или иначе, а каменный погреб для хранения боеприпасов был псковскими каменщиками с помощью опочан построен и стал первым каменным зданием в Опочке¹⁴.

За всеми этими военными действиями, за бесконечной починкой крепости, за постройкой стен Нижнего города¹⁵ совсем не видно простой обывательской жизни ни самой Опочки, ни Опочецкого уезда, а она была, хотя и сведений о ней дошло до нас немного. В шестьсот двадцать восьмом году, как сообщает опочечский историк Иван Петрович Бутырский, разбойничал в уезде некто Тимофей Муха. Грабил он по дорогам купцов и скрывался с награбленным то ли в Себеж, то ли в Себежский уезд. Поймали Муху и выслали в Опочку для наказания.

В шестьсот тридцать первом году воеводу Карпа Ушакова уволили до срока за беспробудное пьянство, за халатность, за отсутствие караульных у городских ворот и за систематическое оставление их (ворот) открытыми и днем и ночью. В следующем году казна взыскала с опочечских пьяниц тридцать три рубля. По тем временам большая сумма. Что уж они там натворили – поломали ли лавки в кабаке, или сам кабак разнесли по бревну, или избили кабатчика, или пропили казенное имущество – теперь уж не установить, но запись о взыскании осталась в документах, относящихся ко времени царствования Михаила Федоровича.

В октябре шестьсот сорок пятого года Нижняя Опочка выгорела дотла. Опочечский воевода доложил псковскому, а псковский по команде в Москву. Псковский воевода к своей объяснительной приложил записку или, как тогда говорили, «сказку» опочецкого квартирмейстера Якова Спякина, в которой было написано, что «загорелася от пьяницы, от стрельца Коземки Чижики, пришед де пьяной домой к себе, учал за женою своей гоняться, веник зажокши, хотел мучить, а прошал гривну денег на пропой, и от того веника солома загорелася, и двор его и город весь выгорел». Коземке Чижику за все те безобразия, которые он нарушал в пьяном виде, отрубили кисть левой руки. Чижики, скорее всего, требовал пенсии по инвалидности, и наверняка жаловался в Псков и даже думал понести челобитную в Москву, в Стрелецкий приказ, в котором у него был то ли знакомый подьячий, то ли писец, но ему в канцелярии опочецкого воеводы отсоветовали. Не то чтобы тонко намекнули, а так прямо и сказали, что можно лишиться языка, а он, в отличие от рук, у Коземки всего один, хотя и длинный.

В сорок восьмом году построена в Опочке на Завеличье, то есть за рекой Великой, деревянная церковь во имя апостола Фомы. В пятьдесят первом году дворцовый крестьянин Егор Гадуков хвалился, что побьет опочечских дворян. Каких конкретно дворян и в каком количестве, неизвестно. Сохранился только указ псковскому воеводе князю Львову об «учинении допроса, по объявлению Псковского помещика Бедринского Дворцовому крестьянину Георгию Гадукову в том, что он похвалялся побить Опочечских дворян». Что с ним после допроса сделали, тоже неизвестно. Скорее всего высекли и отпустили домой. Шел, поди, домой и думал, что еще дешево отделался.

В семьдесят втором году в июне и в июле трижды мироточила икона Св. Чудотворной Опочецкой Божией Матери. Видимо, повод для мироточения был, но мы его уже вряд ли узнаем. В семьдесят пятом году, в январе, сразу после кончины Алексея Михайловича, в доме воротника Харитона Трошкова мироточила икона Казанской Божией Матери, а в доме Лаврентия Чернавина мироточила икона Благовещения Пресвятой Богородицы. В марте восемьдесят первого года снова замироточила икона Св. Чудотворной Опочецкой Божией Матери. Снова неизвестно по какому поводу. В восемьдесят четвертом году на дороге в Опочку был убит опочецкий казачий голова Сергей Шелгунов. В восемьдесят шестом году стрельцы написали челобитную начальству с просьбой построить новую караульную взамен старой – сгнившей и обвалившейся, «чтоб нам холопом Вашим, будучи на Вашей, Великих Государей, службе, на караулах в той караульне холодною смертью не помереть». Начальство согласилось и построило. В восемьдесят восьмом году опочане решили пойти крестным ходом в Святогорский монастырь Успенской Пресвятой Богородицы и просили у Великих Государей Ивана Алексеевича, Петра Алексеевича и у Великой княжны Софьи дать им опочецких стрельцов для охраны икон и церковной утвари «сколько человек пригоже». Власти распорядились прислать для охраны сто стрельцов.

Вот, собственно, и все о семнадцатом веке в Опочке. Рассказ об Опочке восемнадцатого века лучше всего предварить цитатой из книги опочецкого краеведа Леонида Ивановича Софийского «Город Опочка и его уезд». «В царствование Петра Великого войны со шведами уже ее не коснулись, и она мало по малу, с течением времени, снизошла на степень обыкновенного города». После войны со шведами граница отодвинулась от Опочки к Балтийскому морю. Волей-неволей, а пришлось «снисходить на степень обыкновенного», или, проще говоря, превращаться в захолустный провинциальный город. Крепость, конечно, в Опочке была, и в ней даже стоял военный гарнизон, но валы оплывали, и никто их уже не восстанавливал, стены гнили и обваливались, кровля на башнях проваливалась, а водяной осадный колодец землей заплывал, заплывал, да и заплыл совсем. Чтобы уж закончить рассказ о крепостных сооружениях, скажем, что в сентябре семьсот семьдесят четвертого года в городе случился пожар и все, что еще оставалось от стен, башен и ворот, сгорело. Сгорело еще пять деревянных церквей, почти сто обывательских домов и один дом питейный. Хуже всего то, что сгорела еще и часть опочецкого архива, сложенная в подвале соборной церкви. После этого пожара уже ничего из крепостных сооружений не восстанавливалось, и церкви построили в другом месте. Остров, на котором стояла более трех с половиной веков опочечская крепость, уже не застраивали.

Ну, до тех времен мы еще доберемся, а пока, в самом начале восемнадцатого века, в восьмом году, при разделении Петром Первым России на восемь губерний, Опочка была приписана к Ингерманландской губернии. Через одиннадцать лет Опочка, не сходя со своего места уже оказывается в Псковской провинции Санкт-Петербургской губернии, а еще через восемь лет уже в Новгородской. Еще через сорок три года, в семьсот семьдесят втором году в царствование Екатерины Второй, Опочка неожиданно-негаданно становится губернским городом во вновь образованной Псковской губернии. Почему вдруг Опочка, когда есть Псков... Видимо, так легли карты Российской империи. В наказе, данном императрицей в мае семьсот семьдесят второго года губернаторам Псковской и Могилевской губерний, так прямо и было сказано: «назначивается Опочка, который для того и устроить нужно».

Начальником над Псковским губернатором был генерал-губернатор Белоруссии граф Захар Григорьевич Чернышев. Он, исполняя наказ, представил на утверждение императрице доклад, в котором писал: «...При заведении Белорусских губерний, Вашему Императорскому Величеству Всемиловитейше угодно было повелеть одну из оных, а именно Псковскую губернию устроить въ городе Опочке, и сей город наименовать губернским; а на построение тамо губернской (канцелярии), також губернаторскаго и

служащим при той чинам домов и разных казенных строений, по всеижайшему моему представлению, между прочими, и на сей город сумма отделена, из коей уже заготавливаются разные материалы, потребные к производству в оном каменных строений. Но как сей город нынешняго года в сентябре месяце от пожарнаго случая столь претерпел, что с соборною церковью других еще 4 и при том не малая часть прежних деревянных строений огнем истребилась, о чем от меня и Правительствующему Сенату в свое время донесено; а тем теперь очистились особливо те места, где нужно было застроить губернскую канцелярию и дома губернаторской и прочих при губернии служащих, также и другия строения, то сделанный план проектируемых в том городе Опочке строениям, к Высочайшему Вашего Императорскаго Величества усмотрению, всеподданейше поднося, прошу Всемилостивейшаго утверждения; и осмеливаюсь доложить, не угодно ли будет Вашему Величеству, чтоб на построение каменной соборной церкви употребить до 10000 рублей из той суммы, которая по Псковской губернии, за учреждением почт и от содержания оных в прошлом 1773 году осталась и в наличности тамо хранится и никуда не назначена». На докладе генерал-губернатора Екатерина Великая начертала «Быть по сему». Утвердили план 12 декабря 1774 года.

И стало по сему¹⁶. В Опочке вместо должности коменданта учредили должность обер-коменданта, и на эту должность назначили генерал-майора Гиршейда. При Чернышеве начали готовить Опочку к роли губернской столицы. Начали строить Спасо-Преображенский собор, а на площади, которая теперь называется Советской, выстроили два огромных, в масштабе Опочки, конечно, каменных двухэтажных корпуса. Один из них предназначался для казармы, а другой для присутственных мест, в котором размещалось казначейство и тюрьма¹⁷. Эти здания и сейчас там стоят. В семидесятых годах девятнадцатого века на одном из корпусов надстроили еще два этажа и продали его из казенной собственности городу за тридцать тысяч рублей. На другом надстроили всего один этаж. Теперь оба этих корпуса, сильно обветшавших, принадлежат городу. В меньшем трехэтажном находится ПТУ, а в большем, четырехэтажном, в надстроенных двух этажах до первой мировой войны располагалось реальное училище, в советское время, в шестидесятых и семидесятых был учебный корпус еще одного училища, но уже зенитно-ракетного. Теперь в нем на первом этаже аптека, магазины модной одежды, цветов, обуви и вин. Окна и стены всех остальных этажей заклеены объявлениями о том, что продаются производственные помещения, но, судя по всему, покупатели в очередь не выстраиваются. От собора, который находился между корпусами присутственных мест, и вовсе ничего не осталось – его, как мы уже знаем, разрушили в тридцать седьмом году известно какого века и кирпичи пустили на надстройку третьего этажа на здании тюрьмы, казначейства и жандармерии (к тому времени там уже были почта и советские учреждения), но тогда, в восемнадцатом веке, его в девяносто пятом году достроили и освятили. На соборной колокольне висело девять колоколов, и самый большой был весом почти в сто пудов. Отливали этот колокол в Москве¹⁸ и употребили на отливку медь, оставшуюся от колокола сгоревшей во время большого пожара в семьдесят четвертом году деревянной церкви. В соборе хранились самые почитаемые опочечские иконы: простреленный литовцами в четыреста двадцать шестом году образ Всемилостивого Спаса и икона Опочечкой Божией Матери «Умиление». Находилась в соборе икона, изображавшая во весь рост Екатерину Вторую, а под ее изображением была помещена надпись «Екатерине Великой и Премудрой слава Созидательнице сего святого храма»¹⁹.

Стали Опочку отстраивать по генеральному плану, утвержденному Екатериной. Отдельно нужно сказать и о плане, разработанном выдающимся русским архитектором Иваном Егоровичем Старовым. По этому плану Опочка, расчищенная пожаром, должна была стать не просто губернским городом Российской империи, но европейским губернским городом. Планировалось устроить площади, на одной из которых должен был стоять православный собор, а на другой римско-католический костел. Предусмотрели въезды и выезды в город, торговые ряды, соляные магазины, воинский городок,

батальонную школу, места для огородов, прописали подробно, какой должна быть регулярная застройка вплоть до примерных размеров домов и их функционального назначения. На главном проспекте обозначили дома губернского начальства. Запланировали даже пригородный еврейский посад. Для военных решили построить гарнизонные и офицерские дома, а по двум сторонам моста через Великую поставить артиллерийские батареи с крытыми галереями при них, чтобы содержать технику и в зимнее время. Пушки этих артиллерийских батарей должны были смотреть на Запад. С направлением стрельбы все оставалось по-прежнему. Уже и подрядчиком был выбран опочецкий купец Игнатий Порозов, поставлявший стройматериалы, уже и начали строительство в семьдесят пятом году, уже и построили корпуса, как вдруг карта империи легла по-другому в связи с присоединением Польши, и Опочка в семьдесят седьмом году из губернского города одним росчерком царского пера превратилась в уездный. Деньги на постройку новых губернских зданий сразу перестали выделять.

Целых пять лет Опочка прожила столицей губернии. На память об этом времени остались у нее два больших каменных корпуса на Соборной площади, план Старова, и дом генерал-губернатора, в котором он, скорее всего, не жил ни дня. Дом этот и теперь стоит на углу улиц Ленина и Коммунальной, которые раньше были Великолуцкой и Новоржевской. В нем на первом этаже квартируют кафетерий и магазин «Молоко», и на самом углу висит памятная табличка, о том, что дом является памятником архитектуры, объектом культурного наследия федерального значения и охраняется государством. Правда, двери в кафетерий и магазин закрыты и, кажется, давно не открывались, да и весь внешний вид дома с полуслепыми, мутными окнами говорит о том, что государство манкирует своими обязанностями. В нем, наверное, и привидений-то нет, если только на чердаке, за красивым полуциркульным окном, запыленным и закопченным до черноты. Правду говоря, дотошные краеведы выяснили, что дом этот был построен позже, в начале девятнадцатого века, а Чернышев и Кречетников, когда приезжали, то останавливались в самых обычных деревянных домах, если, конечно, вообще приезжали, но мы в этом месте копать глубже не будем, а то получается совсем обидно – и не выиграл, а проиграл, и не в лотерею, а в карты.

В декабре семьдесят восьмого года Екатериной Второй был утвержден новый план уже уездного города Опочки. Именным указом тверскому, новгородскому и псковскому наместнику генерал-поручику Якову Сиверсу (теперь Опочка находилась в его ведении) было предписано «Употребить казенное каменное в городе Апочке на помещение уездных правлений разного звания, магазинов и городской школы... чтоб нижнее жилье зданий оных обращено было на торговые лавки».

В мае семьсот восемьдесят первого года был утвержден герб уездного города Опочки, представлявший собой «Пирамидой сложенную кучу из известного камня, называемого опока²⁰, означающий имя сего города, в голубом поле», но прежде чем герб был утвержден, Екатерина Вторая годом раньше посетила Опочку проездом через Псковскую губернию в Могилев. Сказать, что к ее приезду готовились – значит не сказать ничего. Архиепископ Псковский и Лифляндский предписал Островскому, Опочецкому и Новоржевскому Духовным Правлениям, «чтоб от них подтверждено было Благочинным в тех церквях, где будет Высочайшее шествие, была соблюдена во всем чистота, и ежели есть что неисправное, было б исправлено; всем священно и церковнослужителям, в тех местах находящимся, приказать наистрожайше подтвердить, чтоб в платье и в прочем соблюдена была благопристойная опрятность и чистота, а при том, чтоб были всегда трезвы и в должностях своих исправны, и никто б из них никакими просьбами не дерзал утруждать Ея Императорское Величество». Ну и колокольный звон, конечно, на всем пути следования, в близлежащих церквях, а там, где императрица остановится, «выходить священникам к дороге, если то будет по близости к церкви, в лучших ризах и епитрахили и при себе иметь крест на блюде, кадило, свечу в подсвечнике, в каждении ладану полагать немного». Еще и просфоры было предписано печь из чистой муки, а не как...

Опочецким священникам говорить приветствие государыне не доверили. Для этого случая из псковской семинарии был приглашен учитель-священник о. Козьма Зряковский, которому на проезд из Пскова в Опочку было выдано без малого восемь рублей. Приветственная речь состояла из таких сладких слов и оборотов, что на бумаге их приходилось разделять двойными пробелами – иначе они слипались в один большой ком, который и прочесть было нельзя. Впрочем, о. Козьма ее читал по памяти: «...Всеавгустейшая Монархиня. Какое сладкое чувство ощущаем в душах наших, сподобившись сретать сладчайшее лице Всепресветлейшия Великия Государыни. Никакого подобия и примера в сравнении оной радости наша не видно... Гряди, торжествующая Государыня. Гряди, Всемиловитейшая Матерь Отечества. Гряди, Самим Богом во всех наветах наблюдаемая. Гряди всем нам чаянная и вожденная. Ей же в провождении вси едиными усты и единым сердцем псалмографскую песнь воспеваем: Господь да сохранит вхождение Твое и исхождение Твое отныне и до века».

Ее Императорское Величество переночевали в специально построенном для такого случая деревянном дворце на берегу реки Великой и укатили по дороге в Могилев осматривать новоприобретенные Россией земли, а Опочка осталась уездным городом Псковской губернии со всем, что полагается российскому уездному городу конца восемнадцатого века – городовым магистратом, дворянской опекой, уездным, словесным, сиротским, верхним и нижним земским судами, уездным казначейством, духовным правлением и даже огородническим управлением. Город был небольшим и лежал по обеим сторонам реки Великой. О размерах его можно судить по описанию Бутырского. Если сажени перевести в метры, то выходит, что длина той части, что лежала по правую сторону реки, была около тысячи шестисот метров, а ширина восьмисот пятьдесят метров. По левую сторону реки длина города была существенно меньше – около семисот метров, а ширина немногим более трехсот метров. Если все эти длины и ширины умножить и сложить, то получается город, а вернее, городок площадью немногим более полутора квадратных километров, который можно обойти пешком часа за два-три или за четыре, если останавливаться и любоваться открывающимися видами.

На этих полутора квадратных километрах располагались, кроме обывательских домов, казенных учреждений и недостроенного Спасо-Преображенского собора, пять деревянных церквей, построенных в последней трети восемнадцатого века: Николая Чудотворца, построенная на средства купца Михаила Викулина; кладбищенская церковь Св. апостолов Петра и Павла, построенная на средства купца Степана Викулина; Св. апостола и евангелиста Луки, построенная на средства купца Данила Порозова; Св. апостола Фомы, построенная попечением священника Симеона Трефилева. Имелись в Опочке и две богадельни, построенные на общественные средства. Одна из них, как пишет Софийский, «для увечных и пропитания неимущих мужей», а вторая «для таковых же увечных и пропитания неимущих жен». Не забудем упомянуть и малое народное училище, открытое в семьсот восемьдесят седьмом году.

Первый историк Опочки Леонтий Автономович Травин так описывал город за два года до наступления девятнадцатого века: «Строение обывательских дворов было тесное, избы простые с волоковыми окнами и черными печами, улицы и переулки кривые. Вид онаго представлялся сущей деревней, как по подлому строению домов, так и что не было ни единые торговые лавки, и что священники и посацкие (купцов же тогда еще не было. – **М.Б.**) жители, особливо женской пол сколь ныне не все опрятны. А тогда наипаче едва которые имели башмаки на ногах, большая ж часть обувались в лапти».

Купцы все же были. В описании Опочки и уезда, составленном по результатам генерального межевания в семьсот восемьдесят пятом году, было сказано, что «жители в городе большею частию купцы и мещане, торг имеют разными шелковыми, шерстяными и прочими товарами не в одном городе Опочке, но и в других, закупают лен, пеньку, масло, мед, воск, юфть, которые отправляют в города С.-Петербург, Псков, Ригу, Ревель и Новгород до города Пскова, а от онаго водою и сухим путем, водою же по реке Великой

чрез озеро Псковское полубарками, а женщины упражняются в домашних рукоделиях». Более всего торговали льном. К концу восемнадцатого века десяток опочецких купцов отправляли лен и пеньку в порты Петербурга и Нарвы. Среди них выделялись Семен Барышников с капиталом в двадцать тысяч рублей, Михаил Викулин с капиталом в пятнадцать тысяч, Аникей Слесарев и Данила Порозов с капиталами по восемь тысяч. Одиннадцать самых состоятельных опочецких купцов продавали в Риге льна и пеньки на восемьдесят семь тысяч рублей.

В самой Опочке торопечские купцы братья Побойнины завели в середине восемнадцатого века торговый филиал, занимавшийся скупкой льна и действовавший двадцать лет. Четыре раза в год в городе устраивались ярмарки. Торговали мелочным товаром вроде различных шелковых и бумажных тканей и съестными припасами. Всего купцов насчитывалось пятьдесят два человека, а мещан, занимавшихся торговлей, без малого две сотни.

Упомянем и уездных помещиков, устроивших в своих имениях фабрики. В селе Петровском, которым после фаворита Елизаветы Петровны графа Алексея Григорьевича Разумовского владел его брат генерал-фельдмаршал и гетман войска Запорожского Кирилл Григорьевич, а затем сын брата просто сенатор и просто действительный тайный советник Петр Кириллович, была построена ковровая фабрика. На ней для нужд двора ткали ковры и гобелены. В Тригорском помещик Александр Вындомский завел льняную мануфактуру для производства парусины, а граф Сергей Ягужинский открыл в селе Велье в семьсот шестьдесят четвертом году льняную фабрику, на которой планировалось производить высокосортное полотно. Управителем на этой фабрике Ягужинский назначил француза Девальса. Леонтий Травин, сам родом вельянин, писал о Девальсе как о человеке жестоком и алчном, «сдиравшем кожу с крестьян, чтоб наполнить свою алчную утробу обогащением». Крестьяне, испугавшись сложных механизмов и побеседовав с нагнавшими на них страху приехавшими мастерами, пишет Травин, «пришли в отчаяние и оттого сильно возмутились... Иные ж азартные между теми ж кричали обволочь дом соломою и со всеми ими сожечь, но другие сему не соглашались; и так продолжалось до вечера». Кончилось все разгромом и фабрики, и ткацких станков двухтысячной крестьянской толпой. Девальс бежал ночью во Псков, а оттуда вскоре приехала в Велье воинская команда. Перепороли всех без исключения, а зачинщиков сослали на каторгу.

Раз уж зашла речь о помещиках опочецкого уезда, скажем еще о двух, не построивших ни фабрик, ни заводов в своих имениях. В семьсот сорок шестом году владельцем так называемой Михайловской губы, состоявшей из имений Михайловское и Петровское, стал генерал-аншеф Абрам Петрович Ганнибал, прадед Нашего Всего, а в селе Матюшкино в семьсот тридцатом году обосновались Ларион Захарович Бедренский и его жена Прасковья Моисеевна Бедренская – дед и бабка Михаила Илларионовича Кутузова. В восьмидесятых годах восемнадцатого века село Матюшкино²¹ с близлежащими деревнями переходит от Прасковьи Моисеевны к ее зятю – Иллариону Матвеевичу Голенищеву-Кутузову, генерал-поручику, сенатору и кавалеру. Правду говоря, сам Михаил Илларионович на своей малой родине бывал редко, чаще всего проездом. Надолго приезжал только в год смерти отца – делил с родственниками наследственные владения. Впрочем, к истории Опочки в восемнадцатом веке это имеет очень отдаленное отношение.

Опочку начала девятнадцатого века довольно подробно описал минералог и химик академик Василий Севергин, проезжавший через город в восемьсот третьем году: «В сем изрядном, правильно выстроенном городе жителей дворян, купцов, мещан и пр. всего 828 человек. Церквей каменных 2; деревянных 5; домов казенных каменных 2; деревянных 4; питейных домов деревянных 9; домов дворянских деревянных 20; купеческих каменных 2; деревянных 216. Домов разных обывателей деревянных 58; кузниц деревянных 4; пивоварня 1. Итого всех строений 323. В малом здешнем народном училище нашел я 26 учеников. Монастырей, фабрик, заводов и мельниц в городе нет. Купечество и мещанство

производят торг выработанным в сем уезде льном и пенькою, кои отправляют в Ригу, Нарву и С. Петербург. Говядина, свинина, баранина, а на случай куры, индейки, гуси, дикие тетеревы, ряпчики и зайцы в городе продаются; прочие же товары, как то чай, кофе, мука крупчатая, шелковые и бумажные материи, полотна, медные, железные, стальные и другие вещи покупаются из Москвы. Петербурга, Риги, Нарвы и из Белорусских городов. Хлеб разного рода покупают от уездных обывателей. А прочие овощи, как то капуста, огурцы, картофель, редька, свекла, морковь получают из собственных огородов. В Великой реке, протекающей через Опочку, ловится щука, леши, налимы, окуни, лини и плотва».

Девять питейных домов, пусть и деревянных, на восемьсот с лишним человек... но в остальном все то же, что и в конце восемнадцатого века – торговля льном и пенькой, капуста, огурцы, редька в огородах, но уже и картофель, уже и двадцать шесть учеников в малом народном училище и вместо кривых улиц и переулков, о которых писал Леонтий Травин, «изрядный, правильно выстроенный город».

Кстати, скажем и о малом народном училище. Оно было открыто еще в восемнадцатом веке – первого апреля семьсот восемьдесят седьмого года и было действительно малым. Открывали его по специальному обряду, утвержденному губернскими властями²². Как только обряд заканчивался, начиналась обычная жизнь. По уставу в двухклассном училище должно было быть два учителя, но в целях экономии преподавал один, и получал он как за работу в одном классе. Зарплату ему обещалось платить опочечское купечество (не зря же его приглашали на открытие). При открытии училища присутствовавшие собрали сто двадцать один рубль, а вообще на содержание училища городское общество отпускало сто сорок рублей в год. О том, как жили учителя в Псковской губернии, в частности, и в Опочке, писал уже известный нам академик Севергин, который по поручению попечителя Санкт-Петербургского учебного округа обследовал уездные города Псковской губернии. В своем отчете Василий Михайлович писал: «Учителя живут в совершенной нищете, звание учительское не пользуется никаким уважением, судьба стариков и их семейств не обеспечена; все эти условия охлаждают педагогическую деятельность учителей». Один из первых учителей Опочечского народного училища Троицкий в восемьсот четвертом году жаловался губернскому директору училищ на то, что ему не дают ни квартиры, ни дров, ни свечей. Он даже вступил в конфликт с городской Думой из-за плохого помещения училища и плохой квартиры²³. Правду говоря, и сам Троицкий не был образцовым учителем. По воспоминаниям опочечского купца Петра Ивановича Кудрявцева, выпускника училища, занимался Троицкий с учениками мало, а больше заставлял способных старшеклассников заниматься с младшими. Тех, кто плохо успевал, понятное дело, секли, но и тут он поручал это малоприятное занятие старшеклассникам. Секли как мальчиков, так и девочек. Когда Кудрявцеву поручили высечь девочку, тот испугался и смутился, но учитель ободрил его словами «Ничего, ничего не бойся, это так следует». Когда ученик научился чтению, письму и четырем арифметическим действиям, учитель советовал ему оставить школу и возвращаться домой, чтобы помогать родителям. Для девочек он и грамотность считал необязательной.

Хватит об училище, тем более что в восемьсот пятнадцатом году оно было переименовано в приходское, а в городе появилось двухклассное уездное училище, при открытии которого его попечители пожертвовали единовременно на учебные пособия уже четыреста с лишним рублей, и девять лучших выпускников малого народного училища были приняты в первый класс уездного, но прежде чем все это произошло, была Отечественная война, и к ней мы перейдем буквально через два предложения, только упомянем об одном событии, произошедшем в Опочечском уезде. В восемьсот шестом году имение Михайловское, по смерти его владельца, Осипа Абрамовича Ганнибала, перешло к его жене Марии Алексеевне Пушкиной и дочери Надежде Осиповне. Не Бог

весть какое имение – небольшой дом и несколько надворных построек. Через одиннадцать лет в него в первый раз приедет старший сын Надежды Осиповны после окончания лицея.

Опочка в Отечественную войну двенадцатого года находилась в районе действий Первого пехотного корпуса под командованием генерал-фельдмаршала Витгенштейна, прикрывавшего направление на Петербург. В городе был расквартирован резервный полк тяжелой кавалерии Второй кавалерийской дивизии, открыт госпиталь, созданы караулы из вооруженных крестьян для борьбы с французскими фуражирами, время от времени появлявшимися на территории уезда. Горожане делали денежные пожертвования, а в уезде собрали для нужд армии хлеба почти на сорок две тысячи рублей, тысячу шестьсот с лишним тулупов, несколько сот голов крупного рогатого скота и тридцать тысяч с лишним лошадей для разных нужд. Всего на сумму около миллиона рублей. Только один Опочецкий уезд. Не губерния. Миллион без малого.

Когда стало известно, что Наполеон на Петербург не пойдет, то жители Опочки вместе с прихожанами нескольких церквей в уезде пошли крестным ходом на белорусскую границу. Опочецкий купец Петр Степанович Лобков писал по этому поводу своем дневнике: «Сего же года, сентября 9 дня, в бытность французов в Москве и Полоцке, из Опочки ходили с крестным ходом на границу Белорусскую со всех церквей, и Святогорския Божия Матери, и с Афанасьевской слободы иконы, тоже и с Прихаб. Было молебствие с коленопреклонением о побеждении врага. Жители города оставляли в домах старых да малых; и за здоровье воинов всероссийских пето и пито».

Все же, поскольку французы находились в соседней с Псковской Витебской губернии, кое-кто из опочан запаниковал и бежал во Псков. Л. И. Софийский в своей книге об Опочке цитирует рукопись опочанина и тоже купца Андрея Лапина, в которой написано, что в июле двенадцатого года «французские войска были в шестидесяти верстах от нас, от чего у нас было немалое смятение, некоторые выезжали вон из города и закапывали свое имение в земле, отчего впоследствии находили клады».

Наполеоновские отряды, которые могли бы через Псковскую губернию пойти к северной столице, были в октябре разбиты корпусом Витгенштейна под Полоцком, после чего в городе и уезде все окончательно успокоилось.

Отдельно скажем и об участии опочецких помещиков в войне. Среди них и участник сражения под Полоцком генерал Иван Петрович Кульнев, командовавший правым флангом русских войск, и генерал от кавалерии Николай Михайлович Бороздин, и генерал-майор Федор Пантелеймонович Алексополь, руководивший в Бородинском сражении четырьмя егерскими полками. Уволенный в шестнадцатом году от службы «за ранами» с мундиром и полным пенсионом, генерал жил в Опочке до самой смерти. Прибавим к этим генералам и двух потомков опочецких служилых казаков – Александра Ивановича и Степана Венедиктовича Костровых. Первый, раненый при Бородине, поля боя не покинул. Дошел до Парижа. Степан Венедиктович в сражении под Полоцком «подавал собою пример мужества нижним чинам». Наконец вспомним и опочецкого помещика, под командой которого храбро воевали все вышеперечисленные офицеры, и не только они – о генерал-фельдмаршале князе Михаиле Илларионовиче Голенищеве-Кутузове-Смоленском.

Проживал в Опочечком уезде и еще один участник Отечественной войны и Заграничного похода русской армии – Александр Адамович Глаубич. В восемьсот двадцать шестом году он был уволен от службы в чине полковника за болезнью. Жил он в селе Елизаветино и часто ездил в гости к соседям – Пушкиным, в село Михайловское, а они приезжали к нему в гости. В феврале восемьсот тридцать седьмого года Александр Адамович был среди тех немногих, кто хоронил Пушкина.

Раз уж зашла речь о военных, то нельзя обойти и подполковника Александра Ивановича Обернибесова, принимавшего участие в боях против французов еще до начала Отечественной войны. В восемьсот шестом году был он тяжело ранен и попал в плен, из которого вернулся в полк только через год. По возвращении из плена ~~попал в лагерь~~ был

пожалован орденом св. Владимира 4-й степени. Потом снова воевал в Финляндии против шведов, снова был ранен, захвачен в плен и вернулся домой только через год, в ноябре восьмьсот девятого года. За отличие в службе был награжден золотой шпагой «За храбрость» и отставлен за полученными ранами подполковником с мундиром и пансионом полного жалования. Мы о нем рассказываем не потому, что он был опочецким помещиком, совсем нет. Он им не был. И не для того, чтобы вы удивились тому, что в те времена после возвращения из плена можно было получить орден, хотя и для этого тоже, но потому, что спустя семь лет после отставки, в мае восьмьсот пятнадцатого года, подполковник Обернибесов был назначен в Опочку городничим и прослужил в этой должности ни много ни мало, а двадцать восемь лет – почти до середины девятнадцатого века.

В восьмьсот двадцать восьмом году чиновник по особым поручениям камергер барон Мантейфель по результатам ревизии Псковской губернии в своем рапорте генерал-губернатору Филиппу Осиповичу Пауллуччи докладывал об Опочке и ее городничем: «Город Опочка, предназначенный, в Бозе почивающей Императрицею Екатериной II, для помещения наместнического правления, лежит на берегу реки Великой в приятном местоположении. По древности оного есть много ветхих строений и крестьянских изб, но есть даже каменные, в новом вкусе выстроенные здания. Торговля оного производится большей частью льном, и как река несудоходна, то обозы отправляются зимою. Городничий, отставной полковник Обернибесов, человек честный, занимается украшением города, но встречает препятствие в бедности жителей, между которыми есть предостаточные только два купеческих дома. Город имеет всего доход 5385 рублей 10 копеек в год. Улицы, кроме площади, не мощены, а за Великой строения разбросаны и есть ветхие... Тюремный острог совершенно ветх. Здание ежечасно угрожает падением. Больница доказывает, что к содержанию больных приложено должное попечение. Столы, кровати, посуда и белье в исправности. Бедные горожане в оную не принимаются. Богадельни нет. У прочих казенных зданий два корпуса, предназначенные для присутственных мест наместнического правления. Они выстроены из кирпича с чрезвычайной прочностью. Теперь они стоят без всякого употребления. Пожарные инструменты состоят в одной трубе с принадлежностями, впрочем, хорошо содержимыми. Лошадей при полиции нет».

Печальная картина. Богадельни нет, а ведь она была еще в конце шестнадцатого века, а теперь ее уже нет, хотя немощные старики и старухи в Опочке никогда не переводились. С тюремным острогом произошла и вовсе темная история. На его строительство псковский гражданский губернатор отпустил за два года до приезда Мантейфеля в Опочку с ревизией десять тысяч казенных денег. Из этих денег ровно половину выдали опочецкому купцу Селюгину, подрядившемуся этот замок строить. Замок Селюгин не построил, а деньги... Нет, они не пропали, а просто два года были в полном распоряжении Селюгина, и генерал-губернатор распорядился их взыскать с купца вместе с процентами, по десяти копеек с рубля за каждый год. Селюгин заявил, будто знать не знал о том, что деньги казенные, а материалы для строительства он закупил, но доказать, что эти материалы заготовлены именно для строительства тюрьмы, не смог, и потому пришлось ему вернуть не только полученные от казны пять тысяч рублей, но и тысячу рублей в уплату процентов. Купец потом обращался в вышестоящие инстанции с прошением о неправильном взыскании с него денег, но прошение это поступило в министерство внутренних дел, а оттуда вернулось к генерал-губернатору... Ну, Бог с ним, с тюремным замком. Его еще не скоро приведут в порядок.

Прежде, чем двигаться дальше, вернемся на несколько лет назад, в первую четверть девятнадцатого века, поскольку и там происходили в городе и уезде события, без которых история Опочки была бы неполной.

В восьмьсот тринадцатом году, почти сразу после того как прогнали Наполеона, в Опочке замостили камнем первую площадь. Через два года опочецким купцом первой

гильдии Алексеем Даниловичем Порозовым была построена на Завеличье кирпичная Троицкая церковь. Одновременно с ней построили и колокольню, на которой было пять колоколов, два из которых весили по двадцать пять пудов каждый. Находилась в церкви чтимая икона Божией матери «Троеручица», принесенная туда в незапамятные времена опочецкими стрельцами из Виленской губернии. В церкви похоронен и сам ее строитель – купец Порозов. В ней молился император Александр Первый, бывший в Опочке проездом. Возможно, в Троицкой церкви бывал и Пушкин, поскольку неподалеку от нее находилась почтовая станция, а возможно и не бывал. Теперь уж не установить. Разобрали церковь и колокольню на кирпичи в девятьсот пятьдесят пятом году.

Александр Первый был в Опочке два раза. Первый раз, в декабре восемьсот восемнадцатого года, он был проездом и как раз тогда молился в Троицкой церкви, пока ему на станции переменили лошадей, а второй раз уже в августе восемьсот двадцать второго года. Во второй раз императору представилась от города депутация, состоявшая из городского головы Ивана Селюгина и нескольких граждан с хлебом-солью. Остановился он в доме купца Якова Миновича Порозова, где обедал и оттуда через четыре часа уехал. Как записал в своем дневнике опочецкий купец Иван Игнатьевич Лапин: «народу было премножество; все провожали, бежа за коляскою до самого мосту реки Великой».

Вообще цари и члены их фамилий проезжали через Опочку довольно часто. Император Николай Первый проезжал через Опочку еще в бытность Великим князем в восемьсот двадцать третьем году, а потом уже и императором. Правда, все больше проездом, не останавливаясь. Кстати, о Николае Первом. Вот что записано по поводу его коронации в восемьсот двадцать шестом году в дневнике уже известного нам Ивана Игнатьевича Лапина: «Был общественный праздник о благополучном короновании Николая Павловича 22 августа. В обедню пели певчие на хорах, а по окончании обедни говорил протопоп Бутырский достойнейшую проповедь. В магистрате было все купечество и мещанство угощено лучшим образом, а для черни и инвалидной команды была выставлена неисчислимая кадь с вином, и всем совершенно давали пить по хорошему стакану; и тоже закуска, состоящая из ситников и сельдей. Наконец, разгулявшись, начали пить без запрещения, кто сколько хотел, отчего двое из мещан в тот же день умерли, а многих очень едва могли привести в чувство и обратить к жизни»²⁴.

Между вторым проездом через Опочку Александра Благословенного и коронацией Николая Первого в село Михайловское Опочецкого уезда в августе восемьсот двадцать четвертого года²⁵ приехал в ссылку из Одессы Пушкин и прожил здесь два года. Политический надзор за поэтом осуществлял предводитель опочецкого дворянства Алексей Никитич Пещуров. К Пушкину он относился хорошо и фактически разрешил ему выезжать за пределы имения и свободно передвигаться по всей Псковской губернии, хотя это и было запрещено. Пушкин даже приезжал к Пещурову в имение в гости. Духовный же надзор за поэтом был поручен настоятелю Святогорского монастыря Ионе. С ним Пушкин, как писал Вересаев, распивал наливку и... Впрочем, к истории Опочки это уж не имеет совершенно никакого отношения.

Кстати, скажем и о некоторых дворянах Опочецкого уезда. Генерал-губернатор Паулуччи в восемьсот двадцать восьмом году подал о них правительству докладную записку. Не то чтобы он хотел ее подавать, но пришлось. «Генерал-майор Чичагов купил в 1824 году в Опочецком уезде Псковской губернии поместье; крестьяне, недовольные его управлением, взволновались, и пять человек из них отправились в С.-Петербург с просьбой. Дело рассматриваемо было в комитете гг. министров, и хотя по высочайше утвержденному положению оно повелено было дать полицейское наказание и возвратить в вотчину, но г. Чичагов, основываясь на высочайше утвержденном мнении Государственного Совета от 3 марта 1822 года, сослал одного из сих просителей, у которого было семейство, в Сибирь....

В 1824 восстали крестьяне опочецкого помещика отставного штабс-капитана Наперсткова. Он доказан в жестокостях с крестьянами, которых в короткое время пересек третья часть, обобрал хлеб, скот, отягощал работами, даже впрягал вместо лошадей, и столько был нечеловеколюбив к ним, что желал лучше морить их в тюрьме годы, нежели взять к себе или позволить им снискать пропитание у посторонних. Псковская палата уголовного суда видела источник сего зла, ограничив, однако, злоупотребительскую власть помещика определением: взять с него подписку в том, чтобы ни он, ни жена его, не наказывали крестьян без ведома земской полиции. Правительствующий сенат освободил Наперсткова даже от сей обязанности...».

Теперь, после описаний визитов императоров, после рапортов чиновников по особым поручениям и генерал-губернаторских докладных записок правительству нужно бы рассказать об экономике города и уезда и в очередной раз пересчитать опочан, коих проживало в городе в начале восьмьсот двадцатых годов 635 душ мужского и 763 женского полов, и в этом числе 95 лиц духовного звания, более 60 дворян, 125 военных, 76 купцов, 905 мещан, 106 разночинцев и 25 людей дворовых, сказать о том, что имелась инвалидная команда, что на кирпичном заводе купца Никитина, основанном в восьмьсот одиннадцатом году, выпускалось до двухсот тысяч кирпичей в год, что действовало в городе три небольших кожевенных завода, выпускавших товара почти на десять тысяч рублей, что дважды в год в Опочке бывали ярмарки – Покровская и Богородицкая, а в уезде самой большой была ярмарка при Святогорском монастыре, которая продолжалась от трех до семи дней, что в начале восьмьсот тридцатых годов в уезде, в селе Тоболец, открылась бесплатная школа, в которой обучалось тридцать детей, что в восьмьсот тридцать восьмом году по данным атласа Псковской губернии в Опочке было тринадцать частновладельческих садов, четыре мощеных улицы и двадцать одна немощеных, но мы всего этого делать не станем, а расскажем лучше о жизни опочецких обывателей в первой половине девятнадцатого века.

Козьма Прутков сказал, что жизнь в городе начинается, когда в него входят военные. Теперь представьте себе сонную уездную Опочку, в которую в июне восьмьсот двадцать первого года входит для расквартирования лейб-гусарский полк. Даже и гусарский полк произвел бы в Опочке фурор, а тут лейб-гусары. Правда, за три года до этого выдающегося события в Опочку был прислан для расквартирования 2-й Егерский полк, но куда скромной черной форме егерей против расшитой золотым позументом лейб-гусарской. Купец Иван Игнатьевич Лапин записал в своем дневнике: «Вступил к нам лейб-гусарский полк – и то то уж полк! У нас этакое никогда не стаивало, да, думаю, и не быть! солдаты молодцы, офицеры хваты и пребогаты, почти все княжеские и графские фамилии». Это пишет опочецкий купец, а представьте себе восторг опочецких купчих, а дам высшего опочецкого общества, а девиц на выданье... Увы, до нас не дошло ни одного письменного свидетельства на этот счет. Вслед за лейб-гусарами подтянулись в город и виноторговцы. Рижский купец Фридрих Камман за одну неделю умудрился продать лейб-гусарам пять возов лучших вин.

Надо сказать, что опочане мужского пола любили вести дневники. Опочецкий купец Петр Степанович Лобков, мужчина серьезный, отец двенадцати детей, описывал в своем дневнике события значимые, исторические – вступление на престол нового государя, заграничные войны, появление комет и заключение мира. Дневник его назывался «Родословная Лобкова и памятник великих событий». Впрочем, описывал он и события местного значения, например постройку моста через Великую, весенний ледоход, проведение шоссе, крестный ход или необычные природные явления. Вот что он пишет в записи за восьмьсот тридцать третий год: «Богоспасаемый град Опочка видел Божеское милосердие издревле, донныне, и надеется впредь через сие явление. Апреля 26 дня, в день Преполовления праздника, был крестный ход в собор, а из собора на реку, на водоосвящение; и во время водоосвящения сделалось на небе, и при солнечном сиянии явился на небе и в облаках пространый круг, начиная от солнца, простираясь к западо-

северу, и другим концом упираясь в солнце; а по концам близь солнца, наподобие звезд немалого вида, ало-синеватые, несколько продолговатые шары, по обеим сторонам солнца. И чрез несколько минут явился полуциркульный круг алого или огненного цвета, близь солнца, упираясь концами в облачный круг. И перед окончанием водоосвящения, когда пошел или тронулся крестный ход, и круг облачный начал исчезать, и доколе обошел крестный ход кругом города, и молебен окончили в соборе, и круги исчезли. Народу в крестном ходу было много, и все удивлялись сему явлению; никто не видывал доселе такого круга. Но при всем том, каждый из зрителей не ужасался, а с сердечною бодростью смотрели, хвалили и превозносили Бога, тем паче, что сие явление во время богомолества и водоосвящения было. Бог осенил народ и явил отраду собравшимся христианам на молебствие».

Другой опочечкий купец, Иван Игнатьевич Лапин, владевший маленькой лавкой, в которой он торговал пряниками, мылом, свечами, орехами, помадой, перчатками, картинами и всем остальным, напротив, описывал все больше свои душевные переживания. Великих событий он не касался, литературных достоинств его дневник не имел, но... Тридцатого мая восемьсот восемнадцатого года: «Свалился воробей с кровли лавки моей и от минутного паралича умер скоропостижно. Погребен в сделанном мною гробе, между двух столбов лавки моей и Лобковой»; и на следующий день: «Была Анна Лаврентьевна у меня в лавке вечером, с коей мы разговорами проводили остаток вечера, и при сладостных поцелуях, полученных от ней, получил колечко, кое с удовольствием ношу ежедневно»; и еще через две недели: «Был с ней в саду, где на дерновой софе или в липовой беседке наслаждались приятностью дня и слушанием пернатых певцов, кои ежеминутно приятным пением своим и тихим порханием – один за другим – по кустарникам твердили, кажется, любовь. И мы здесь предположили, что оные стократно нас счастливее в рассуждении ... Законом никаким они не ограничиваются и, не стыдась ... словом – пресчастливы. Гуляя по прекрасному цветнику, рассматривал все с живым удовольствием – насаждение Анны Лаврентьевны – и здесь, за мою к ней благодарность, получил при сладострастном поцелуе пион, и теперь – в стакане он»;²⁶ и еще через четыре года: «Была вечеринка у городничего Обернибесова, и я был обряжен турком, да еще со мной товарищ был во фраке и Дуняшка Телепнева, и нас там никто не узнал» и еще через шесть лет: «Сочетался я браком с купеческой дочерью Афимьей Ивановной Кудрявцевой, в воскресенье, в 5 часов вечера, в большой церкви». Конечно, это не описание проезда Екатерины Великой или Александра Первого через Опочку, и не описание осады Опочки войском Константина Острожского, и даже не описание кирпичного завода купца Никитина, но воля ваша, а история Опочки без Анны Лаврентьевны, без Дуняшки Телешовой, без вечеринки у городничего, без Афимьи Ивановны Кудрявцевой и даже без помершего от паралича воробья будет неполной.

Впрочем, Иван Игнатьевич описывал и великие события. В записи от двадцать девятого мая восемьсот двадцать пятого года читаем: «В Святых Горах... я имел счастье видеть Александру Сергеича г-на Пушкина, который некоторым образом удивил странною своею одеждою, а например: у него была надета на голове соломенная шляпа, в ситцевой красной рубашке, опоясавши голубою ленточкою, с предлинными черными бакенбардами, которые более походят на бороду; также с предлинными ногтями, которыми он очищал шкорлупу в апельсинах и ел их с большим аппетитом, я думаю – около 1/2 дюжины»²⁷.

Через год после этой ярмарки Пушкин написал «Признание», в котором была упомянута Опочка... На этом месте мы остановимся и скажем, что в краеведческие споры по поводу того, сколько раз бывал Александр Сергеевич в Опочке, у кого бывал, с кем пил чай, из какого самовара, с ромом, с вареньем, со сливками или без оных, мы вступать не будем – для этого существует огромная армия пушкинистов, которая сосчитает вам не только медали на самоваре, из которого Пушкин быть может чаю и не пил, но даже количество ложек варенья, им съеденного. Нам довольно двух слов, одного союза и

одного предлога в его стихотворении. Может, это и немного, но как представишь, какое неисчислимо количество населенных пунктов не упомянуто в стихах Пушкина не то что словом, но хотя бы запятой или дефисом...

Еще через одиннадцать лет после написания «Признания», в ночь с пятого на шестое февраля восемьсот тридцать седьмого года, Пушкина отпевали в южном приделе Успенского собора Святогорского монастыря Вороничской волости Опочецкого уезда.

Снова вернемся в Опочку. Событий великих, достойных дневника Петра Степановича Лобкова, там не происходило, но зато в городе в восемьсот пятьдесят четвертом году была закончена постройка опочецкой почтовой станции второго разряда и станции пассажирских дилижансов. То есть скоро сказка сказывается – подумаешь, второразрядная почтовая станция, а дело делалось, как у нас водится, не скоро. В сорок третьем году Главным управлением путей сообщения и публичных зданий был разработан типовой проект станций, одну из которых предполагалось построить в Опочке. Через нее должно было проходить Киевское шоссе, шедшее из Петербурга в Киев. Станция была спроектирована в псевдоготическом стиле, со стрельчатыми окнами. Одних стойл для лошадей предполагалось иметь тридцать шесть. Не построили, поскольку шоссе через Опочку только намеревалось пройти, но еще не прошло. В сорок девятом году оно прошло и этот участок тожественно открыли, но станцию... все равно не построили. В пятидесятом году ее к проезду Николая Первого с наследником Александром Николаевичем точно должны были построить, но... не построили. Не хватило средств. То есть их выделили, и притом не только на постройку станции, но еще и моста через Великую, чтобы построить к проезду императора, но их, как это обычно бывает с выделенными казенными средствами, не хватило, и закончили строительство только через три года. Строго говоря, это был целый комплекс зданий – собственно станция, отдельная изба с кухней, комнатой смотрителя и отдельным туалетом для ямщиков, а еще погреб, амбар, навес для экипажей и колодец, из которого пили и люди, и, главным образом, лошади. В главном здании четыре комнаты для проезжающих, комната для записи подорожных, баня и переход во двор, в туалеты для проезжающих. Это был не просто второй разряд – это был upper middle class почтовых станций. В двадцатом веке станции пришлось хлебнуть горя. До двадцать второго года она была самым обычным жилым домом, потом ее брали в аренду, потом в ней и во всем комплексе почтовых зданий квартировал стрелковый полк, потом была война и от станции остались одни стены и кирпичные трубы, и только через пятнадцать лет после войны станцию восстановили, а в девяносто пятом году указом Президента РФ она стала памятником архитектуры федерального значения. Отремонтирована она так, как и полагается памятнику архитектуры федерального значения. На фотографии девятнадцатого века перед станцией стоят дилижансы, ямщики и пассажиры, а теперь у стены стоят три лавочки. Вечером двенадцатого июня двадцать первого года на них сидело четыре человека и рядом был припаркован легковой автомобиль «Рено». Внутри станции никого не было и пахло пирогами с капустой и пылью.

Наверное, прочитав про подробное описание опочецкой почтовой станции, иной читатель скажет: – Тоже мне событие – постройка почтовой станции. Хотя бы и с туалетом для ямщиков.

Дорогой читатель! Ты сначала поживи в уездном городе лет сто или сто пятьдесят, а лучше двести. Тогда и будешь рассуждать про события.

Почти в то же самое время, что и постройка почтовой станции, то есть в восемьсот пятьдесят третьем году, уездный врач Опочецкого уезда Псковской губернии Иоганн Адольф Брандт по заданию и под руководством Русского географического общества составил описание Опочецкого уезда. Сохраняя орфографию подлинника, приведем из этого документа несколько цитат.

Об истории уезда: «Опочецкий уезд именно был полем битвы между русскими, литовцами и поляками, латышами, чухнами и немецкими рыцарями, как учит история и

доказывают остатки укреплений в уезде на границах». О населении уезда: «Все они флегматического темперамента, без всякой энергии, добры, но ленивы и без заботны жестокосердны и не жалостливы к своему брату, более скоту... Как все народы не образованные, они придерживаются старине... Народонаселение состоит из смешанного племени русских – не очень похожих на настоящих русских. Греческой религии со многими местными выражениями». Писал Брандт и о том, что крестьяне занимаются хлебопашеством и скотоводством, что «худая земля и худая обработка земли за недостатком назема... и за незнанием смешения разных родов земли... редко рожь приходится больше, чем сам-друг, и то нечистая с примесью...». О населении, конечно, обидно. И не скажешь, что Бранд был плохо знаком с местными условиями – он проработал в Опочечком уезде врачом десять лет. Ну, что делать. Все же добры, хотя и ленивы, хотя и беззаботны, хотя и...

В восемьсот пятьдесят пятом году, в разгар Крымской кампании, через Опочку прошли дружины Государственного Подвижного ополчения. В дневнике Петра Степановича Лобкова, в том самом, который «Памятник великих событий», читаем: «...проходили чрез Опочку Тверской губернии дружины, в каждой по 1000 с прибавкой ратников. Каждая дружина встречена с крестным ходом за городом и, придя на площадь, было молебствие с коленопреклонением, и каждой дружине говорена была речь и дан образ Спасителя, изображенного в терновом венце и неся крест. И после каждому ратнику дали по стакану вина и по булке от граждан, офицерам от дворян – обед». В Опочке тоже была своя дружина. Опочечское купечество пожертвовало в казну две тысячи рублей серебром на расходы по ополчению и даже отдельно собрало денег, чтобы в Петербурге заказать... нет, не ружья, которых катастрофически не хватало, и не обмундирование, а икону Покрова Божией Матери с серебряной позолоченной ризой и киотом. К счастью, был заключен мир и опочечкой дружине в боевых действиях не пришлось участвовать. Как пишет Лобков, «мая 1, дружинное знамя из Опочки отнесли во Псковский собор, с церемонией: взвод дружины, майор, два офицера. Молебствовали подле собору и с крестным ходом опочане и духовенство проводили за город до станции; оттоле воротился крестный ход, и протопоп Алексей опочечкий икону Покрова Божией Матери взял в собор. 16 мая распустили ратников в первобытное состояние по домам во всей одежде и фуражках с крестом».

Вообще опочане любили ходить крестными ходами по самым разным поводам. К примеру, в августе пятьдесят девятого года в Опочку пришла холера, и тут же прихожане опочечских церквей собрались идти крестным ходом. Снова обратимся к дневнику Лобкова: «Под 12 августа было вновь в соборе всенощное. 13-го из всех церквей после обедни был крестный ход на вал, на саму гору, по устроенным лавам для гулянки; и там было водоосвящение, потом молебствие о помиловании от язвы... По отпении молебна с коленопреклонением, пошел крестный ход с валу кругом Завеличья по городу... 25-го утром служили всенощную и обедню, при малом звоне, и молебен. И с сего дня все жители пошли по домам и молебствовали. И с сего дня никто вновь не заболел, и все, при помощи Царицы Небесной, через врача островского, Ивана Мартыновича Колембы, выздоровели».

Впрочем, были события, обходившиеся без крестных ходов. В год отмены крепостного права подрядчиком купцом Ладыгиным и мастером Снегиревым был построен деревянный мост через Великую. Начали строить третьего января и за три месяца управились. В том же году в доме купца Порозова при деятельном участии уездного предводителя дворянства Якова Карловича Сиверса была открыта в Опочке четырехклассная женская прогимназия, готовившая учительниц для начальных школ. Девушек учили там русскому языку, истории, арифметике, географии, рисованию, чистописанию, музыке и Закону Божию. Само собой и двум иностранным языкам – немецкому и французскому. Позже к этим предметам добавилась латынь, гимнастика и швейное дело. К началу двадцатого века треть учительниц начальных школ в уезде были

выпускницами опочечкой прогимназии. В девятьсот одиннадцатом году прогимназия была преобразована в женскую гимназию имени Пушкина. Жизнь учителей в уезде, как и в начале девятнадцатого века, во времена учителя Троицкого, воевавшего с опочечкой Городской Думой за свои учительские права, оставалась тяжелой. Опочечкая земская управа в девятьсот десятом году заключила договор на аренду дома для одной из уездных земских школ и обязало хозяйку этого дома сделать пристройку для квартиры учительницы площадью 3,78 кв. м. Вот и живи на такой площади, и ни в чем, как говорится, себе не отказывай. Заработная плата учителя в то же самое время составляла тридцать рублей в месяц. При том, что говядина стоила около пятнадцати копеек за фунт. То есть на свою месячную зарплату учитель мог купить девяносто один килограмм говядины. Сегодня, через сто с лишним лет, средняя зарплата учителя в Опочке составляет двадцать тысяч, а средняя цена говядины в Псковской области – четыреста рублей за килограмм. Получается, что на свою месячную зарплату нынешний опочечкий учитель может купить пятьдесят килограммов говядины. Если же считать на сливочное масло, которое в то время стоило сорок пять копеек за фунт, а теперь шестьсот тридцать рублей за килограмм, то выходит, что тогда учитель на свою месячную зарплату мог купить тридцать килограммов масла, а теперь почти тридцать два килограмма. Пусть и небольшой, но все же прогресс. Что касается яиц, то тут прогресс просто огромен. Учитель современной Опочки может купить почти в три с половиной раза больше яиц, чем перед Первой мировой войной, что понятно, поскольку в те времена огромных птицефабрик и инкубаторов не было. Правда, уездные учителя в начале прошлого века не платили ни за горячую воду, ни за интернет, но зато нынешние не живут в таких стесненных условиях. С другой стороны, земским учителям начала двадцатого века платили надбавки за выслугу лет, но ведь и нынешним платят. В целом получается... Ну, уж как получается – так и получается. Мы, однако, слишком забежали вперед. Вернемся во вторую половину девятнадцатого века.

В восемьсот шестьдесят девятом году в Петербурге вышла книга некоего Виктора Крылова – драматурга, театрального деятеля и критика. Представляла она собой сборник очерков и называлась «Столбы. Старая погудка на новый лад», и был у нее подзаголовок «Черты нравов города Провалишина». Повествовалось в этих очерках о мошенничестве помещика Фискеля при межевании земли после реформы об отмене крепостного права. Под городом Провалишиным имелась в виду Опочка. Крылов, что называется, прописал и помещиков, и следователей, и мировых судей, и мировых посредников, и предводителя уездного дворянства. Кроме самого Фискеля, который на самом деле был гласным уездного земского собрания Вакселем, более всех досталось помещику Куличеву – сутяге, аферисту и склочнику. К счастью для опочечкой, как сказали бы сейчас, элиты, Крылов талантами Гоголя не обладал, и потому у очерков этих литературных достоинств немного и забылись они довольно быстро, а то бы ослабилась Опочка не только на всю Псковскую губернию, и все же в Куличеве узнал себя опочечкий помещик титулярный советник Павел Иванович Болычев. Не удержался Крылов дать ему похожую фамилию. Болычев и тираж скупал, и в суд на Крылова подавал, но книга, как известно, не воробей и топором ее не вырубишь. Правду говоря, Болычев вовсе не был Крыловым беспричинно оклеветан. Павел Иванович был известным на весь уезд махинатором. При том, что находился в должности окружного начальника государственных имуществ. То заведет винокуренный завод и начнет выпускать виноградную водку под названием «Крымская», а на деле окажется, что ни к какому Крыму эта водка никакого отношения не имеет, а имеет отношение к самой обычной сивухе, то займется денежными махинациями, и на него даже заводят дело, то начнет скупать имения опочечких помещиков и чуть было не купит задешево Тригорское у совсем старенькой и плохо соображающей Прасковьи Александровны Вульф. Если бы не ее сын, в самый последний момент успевший расстроить сделку, то не миновать Тригорскому оказаться в руках Болычева²⁸. Уж он бы построил в нем еще один винокуренный завод.

В восемьсот семьдесят четвертом году²⁹ в Опочке открыли городской общественный банк и построили деревянную лютеранскую кирху. Банк и теперь в Опочке есть, и даже не один, но городского общественного уже и след простыл, а вот здание кирхи сохранилось. Обветшавшее, с заколоченными окнами и дверями, с худой и полусгнившей крышей, но по-прежнему красивое. Висит на нем табличка о том, что кирха объект культурного наследия и памятник архитектуры.

В этом же году было открыто опочечское вольное пожарное общество. Нет, все было, конечно, не так просто. Еще за год до открытия два инициатора создания общества – нотариус Лев Игнатьевич Игнатович и акцизный чиновник Алексей Константинович Подчекаев провели подписку всех желающих образовать пожарное общество. После чего Игнатовичем и Подчекаевым был разработан проект Устава, потом подан уездному исправнику, потом уездным исправником псковскому губернатору, потом через псковского губернатора министру внутренних дел, потом министр утвердил Устав, потом прошло первое заседание Совета, на котором решали, где изыскать средства, потом члены совета с подписными листами пошли собирать пожертвования, потом собрали, потом направили ходатайства в Городскую Думу с просьбой о финансовой помощи, и только потом, как писали Псковские губернские ведомости: «В Опочке 28 июля после Божественной литургии и молебствия с водоосвящением открыло свои действия Опочечское пожарное общество, состоящее из 80 членов-охотников, снабжённых необходимыми инструментами и форменной одеждой». Охотниками³⁰ назывались те, кто непосредственно тушил пожары. Уже через год охотников стало на сорок четыре человека больше, а к концу столетия их число удвоилось. День открытия Общества в городе стал ежегодным праздником опочечских пожарных. Деньги на существование Общества добывали как могли. Кроме тех, кто непосредственно рисковал жизнью на тушении пожаров, были еще и члены жертвователи. Собирали членские взносы, к ним прибавляли банковские проценты на капитал Общества, к ним прибавляли деньги, поступающие от устройства лотерей, спектаклей, маскарадов и концертов, проходивших в городе, к ним прибавляли пособия от города, от страховых обществ, от Псковского губернского земства. И это не все. Добровольцы возили воду опочечским обывателям на лошадях Общества и зарабатывали для общества пусть и небольшие, но все же деньги. Город в стороне не оставался – он оплачивал содержание лошадей, пожарного сарая, его отопление и освещение. Помогал обществу и содержатель почтовой станции, отправлявший каждую ночь в пожарную часть двух лошадей с людьми, а в случае пожара дополнительно столько лошадей, сколько было необходимо. Расходов у Общества было тоже много – покупка пожарных инструментов, их ремонт, оплата похорон охотников, жалование механику, сигналисту, сторожам, на выплату премий тем извозчикам, которые первыми доставляли на место пожара пожарную трубу и бочку с водой, наконец музыкантам собственного оркестра, потому как не бывает на свете добровольного пожарного общества без оркестра, иначе кто тогда будет играть в городском саду польки, вальсы Штрауса и полонез Огинского.

Опочечские пожарные помогали Святогорским во время празднования столетия со дня рождения Пушкина, гасили опустошительные пожары восемьсот девяносто второго, девяносто шестого, девятьсот восьмого, девятьсот четырнадцатого и семнадцатого годов, патрулировали улицы Опочки во время Февральской революции. Просуществовало Общество шестьдесят один год до сентября тридцать пятого года и было закрыто приказом НКВД. Имущество Общества передали городской пожарной команде. Правда, через пять лет то же самое НКВД и СНК СССР своими приказами организовало новое добровольное пожарное общество, но это было уже совсем другое общество. Что касается сельских пожарных дружин, то они в уезде росли практически как грибы. К началу семнадцатого года на территории имелось три вольных пожарных Общества и тридцать три сельских пожарных дружины³¹.

Через четыре года после открытия общественного банка, в семьдесят восьмом году, прислали в город триста семей горцев, высланных в Опочку после русско-турецкой войны. Собственно говоря, русско-турецкая война здесь подвернулась просто по срокам, а вообще высылали горцев во внутренние губернии после того, как завершилось покорение Кавказа, начавшееся еще в восемьсот семнадцатом году. Всего триста семей общим числом около восьмисот тридцати человек. Софийский в своей книге об Опочке приводит цитату из дневника одного опочанина о прибытии партии сосланных горцев: «2 февраля 1878 г. в 4 часа вечера за конно-почтовой станцией собралось очень много публики с правой и левой стороны шоссе в ожидании прибывающих с Кавказа пленных черкес в числе двухсот семидесяти семей. Была чудная погода, прекрасный зимний день с небольшим морозцем. Вот показался от г. Острова большой транспорт странных по своим костюмам пассажиров: они были одеты в шубы с длинными до пят рукавами и высокие мохнатые шапки; среди них были старики, молодые и дети, мужчины и женщины. Они были привезены на крестьянских подводах в дровнях, осыпанные снегом». Разместили их в пустующих казармах. Горцы привезли с собой тиф. Опочекские дамы составили особый попечительский комитет с ежедневным дежурством, чтобы обеспечить уход за больными. В казармах открыли мастерские по изготовлению серебряных и медных изделий, а еще и сапожные мастерские, чтобы дать горцам, приехавшим из Дагестана, работу. Одиннадцать мальчиков стали учить русской грамоте. Помещик соседнего Холмского уезда фон Глауэр даже предложил переехать десяти семьям дагестанцев к нему в имение, где он предоставит им жилье, питание с тем, чтобы они отработывали все это на сельскохозяйственных работах, а если они пожелают обзавестись собственным хозяйством, то даст и землю, но дети гор отказались и на словах передали фон Глауэру, что будут ждать возвращения на родину.

Прожили дагестанцы в Опочке около трех лет. Жили тихо, с опочанями не ссорились. Вот только поумирало их много от чужого климата и от тоски. Надо полагать, еще и от скудного питания. Взрослому выделялось на питание семь копеек в день, а ребенку три с половиной. Еще и приходилось есть им ржаной хлеб, к которому они были непривычны, а пшеничного на такие деньги много не купишь. После того как по ходатайству опочекской помещицы княгини Дондуковой-Корсаковой, а по совместительству жены Кавказского наместника князя Дондукова-Корсакова, их освободили и отправили домой, выехало в обратный путь немногим более трети приехавших в Опочку. В память их пребывания в Опочке городская Дума в девятьсот десятом году назвала одну из улиц Кавказской. Было в Опочке и кладбище, на котором хоронили умерших дагестанцев, но потом его застроили домами. Бог знает, как это получилось, но застроили, и люди, которые там жили, когда копались в своих огородах, часто находили человеческие кости. Уже в наши дни приезжали в Опочку представители дагестанской диаспоры и хотели установить памятный знак, но опочекские власти... Так и нет там памятного знака.

В восемьсот семьдесят девятом году при самом деятельном участии городского головы Никифора Ивановича Куколькина в Пскове была издана книга Ивана Петровича Бутырского «Опыт древней истории города Опочки». Первая напечатанная книга по истории Опочки. Собственно, самое деятельное участие городского головы в издании этой книги заключалось в том, что он просто издал ее за свои деньги. В предисловии Никифор Иванович писал: «Желая поделиться с своими почтеннейшими согражданами г. Опочки этим достойным для нас Опочан, внимания, сочинением, как драгоценным и единственным памятником нашей Опочекской старины, я с особенным удовольствием принимаю на себя ходатайство пред надлежащим начальством о напечатании сего «Опыта древней истории г. Опочки» на мой собственный счет и брошюровании онаго книжками в небольшом количестве экземпляров с единственною целью бесплатно ознакомить своих достойных уважения сограждан с настоящим «Опытом истории г. Опочки» в виде моего особенного почитания своей дорогой родине». Другой бы, прочитав такое предисловие,

немедля воскликнул: «Да найдется ли сейчас такой городской голова или другая часть городского тела, которая за свой счет издаст...», а мы и не подумаем. Этак можно дойти и до утверждения, что раньше городские головы были умнее, порядочнее, больше на несколько размеров, да и вода была мокрее, а она не была.

В восемьсот восемьдесят седьмом году в Опочку приехал вел. кн. Владимир Александрович. Не был проездом, но приехал специально. Бог знает зачем великие князья ездят по уездным городам. Может затем, чтобы им представлялись местные власти, подносили хлеб-соль на серебряных блюдах от имени города, принимать парады местных войск и пожарных, говорить тосты на торжественных обедах... Все это было и в Опочке, а еще на валу были устроены павильон и буфет. На торжественном обеде играл оркестр, специально выписанный по такому случаю из Петербурга. После обеда Его Высочество слушал хор городских песенников и деревенских девушек, одетых в сарафаны. Все это продолжалось до часу ночи. Была приготовлена иллюминация и фейерверки, но пошел дождь, и их пришлось отменить. На следующее утро на том же месте, на валу, опочеким дворянством и чиновниками был дан завтрак. После завтрака высокий гость укатил из Опочки. Укатил через три арки, украшенных зеленью и флагами, которые специально выстроили к его приезду. Павильон потом перестроили в летний театр, а буфет в летний клуб. Торжественный обед, на котором присутствовало шестьдесят с лишним человек, обошелся в две тысячи рублей, а устройство павильона и буфета еще в пять тысяч двести рублей. И это не все. Останавливался Владимир Александрович в доме купца Алексея Герасимовича Барышникова. Барышников в грязь лицом не ударил – парадные комнаты своего дома отделал с помощью столичных мастеров в том самом виде, в котором были они отделаны во дворце великого князя в столице. Великий князь был удивлен. Купец Барышников, поди, еще не один год рассказывал, как были удивлены их Высочества, увидав такую отделку. Еще и в лицах показывал. Особенно, когда выпивал. Надоел всем этим рассказом страшно. Злые языки Алексея Герасимовича за глаза даже называли Владимиром Александровичем.

Великий князь приезжал в Опочку еще раз, в девяносто четвертом году, но второй визит был скромнее – осмотр пожарного депо, казарм, только что построенной земской больницы, городской богадельни, обед у купца Барышникова, чай на городском валу, освящение Успенской церкви, которую на свой счет построил все тот же Барышников, и все. Кстати, о земской больнице. Она и сейчас стоит. Вид у нее, конечно, не очень здоровый, но простоит еще долго. Вот только прилагательное «земская», выложенное на фронте красным кирпичом, сбито. Осталось только «больница»³². Успенской церкви, построенной Барышниковым, повезло меньше – ее взорвали в девятьсот тридцать четвертом году.

Вместе с вел. кн. Владимиром Александровичем приезжал в Опочку известный наш историк К. К. Случевский. Парадов он не принимал и богаделен не осматривал, но оставил нам описание Опочки конца девятнадцатого века: «Опочка – это тоже один из небольших сиротских городов наших, с 4500 чел. жителей, составлявший в былое время одно из воинственных звеньев тех боевых ожерелий, которыми окружили себя Господин Великий Новгород и Псков в защиту от всяческих врагов... Опочка принадлежит к псковскому ожерелью. Земляной вал ее, величественные очертания которого видны и теперь, насыпан псковичами в 1412 или 1414 г., затем подняты деревянные стены и башни... Перед самым отъездом из города погода, просыпавшаяся еще с утра, была настолько хороша, что предстояла возможность полюбоваться с вала древней крепости прекрасным видом. Река Великая, расплываясь в этом месте двумя рукавами, очень мелка и образует остров. На самой вершине древней насыпи виднелся хорошенький павильон, а подле лестницы его торчали из земли найденные на месте две пушки. С вершины вала открывается кругозор верст на 15 – так высока насыпь... Соборная церковь выше других, но во внешности ее бросается в глаза одно из довольно обычных у нас архитектурных безобразий: пять куполов ее синие, а шпиль колокольни зеленый; зачем эта разноголосица

красок?» Полезной информации в таком описании, признаться, немного. Я привел его исключительно ради прилагательного «сиротский», которое куда красноречивее перечисления кожевенных и кирпичных заводов, пудов ржи, сала, количества купцов разных гильдий, мещан, дворян, мощеных площадей, немощеных улиц и керосиновых фонарей, их освещающих.

В промежутках между приездами великого князя, в девяносто втором году, в Опочке открыли общественную библиотеку. Строго говоря, это была не первая библиотека в городе. Первой была библиотека, работавшая при уездном народном училище с восьмисот шестидесяти первого года, потом общественная библиотека, потом библиотека уездного училища, которая была публичной и при которой была еще и продажная библиотека, в которой можно было недорого купить разные книги, потом общественная библиотека, устроенная в шестидесять седьмом году в доме опочецкого помещика и председателя земской управы Павла Александровича Плена, потом, в семьдесят девятом, при женской прогимназии основали учебную библиотеку, которой городские власти выделили сто рублей для приобретения книг и, наконец, в девяносто втором году в Опочке открыли первую общественную библиотеку. В Псковском городском листке появилась по этому поводу заметка: «Опочка. 16 января в городе Опочке открыла свои действия Опочечская общественная библиотека, которая в настоящее время уже имеет до 700 томов журналов и книг и выписаны 25 названий разных периодических изданий». Как водится, не обошлось без утверждения министром внутренних дел Устава библиотеки. По этому Уставу абонентская плата не должна была превышать три рубля, а для учителей ее уменьшили до полтинника. В читальном зале тоже приходилось платить – за его посещение подписчики платили три копейки за вечер. В девяносто девятом году, в год празднования столетия с дня рождения Пушкина, библиотека стала Пушкинской, а еще через девять лет, в январе девятисот восьмого года, по распоряжению губернатора графа Адлерберга ее закрыли потому, что опочецкий уездный исправник нашел в ней полтора десятка запрещенных книг. Среди этих книг были «Политические партии на Западе», «Шарль Фурье», «История России в XIX и XX столетиях», «Народное движение в 1848 году в Европе» и ряд других. Власти, обжегшись на молоке, дули изо всех сил на воду.

Кстати, скажем и об упоминавшемся председателе земской Управы Павле Александровиче Плене, организовавшем в Опочке ссудо-сберегательное товарищество. Оно было самым большим на территории Российской империи, и в нем состояло более девяти тысяч членов. Выдавало это товарищество кредиты крестьянам на проведение сельскохозяйственных работ. Брели их крестьяне охотно, а вот отдавать... В лучшем случае исправно платили процент по ссуде. Называли они ссудо-сберегательное товарищество «Пленовской банкой». Павел Александрович, бывший бессменным руководителем правления товарищества, преследовал благую цель – ему хотелось, чтобы крестьяне перестали брать ссуды у купцов под грабительские проценты. Кроме того, ему хотелось способствовать покупке крестьянами земель. Плен был плохим ростовщиком – более всего он думал, как помочь крестьянам, и тем, кто вовремя не возвращал ссуды и просил подождать, шел навстречу. Идти навстречу он мог и год, и два, и три. Члены правления, конечно, возражали, но Павел Александрович оставлял их возражения без внимания. Кончилось все это тем, что ссудо-сберегательное товарищество превратилось в благотворительное, с тысячами векселей, с огромными долгами в сотни тысяч рублей, невозможностью рассчитаться с кредиторами, оглушительным крахом и ликвидацией товарищества в девяносто седьмом году. История эта даже попала в книгу известного российского статистика и публициста Георгия Сазонова под названием «Ростовщичество – кулачество. Наблюдения и исследования».

Не успело развалиться ссудо-сберегательное общество, как в восьмисот девяносто пятом году опочецкий помещик, предводитель уездного дворянства и сторонник умеренно-либеральных реформ граф Гейден основал уездное сельскохозяйственное

общество. Сам граф в сельском хозяйстве разбирался не просто хорошо, а очень хорошо – его имение в Глубоком было образцовым капиталистическим хозяйством – тут тебе и маслобойня, и два завода – винокуренный с фанерным, и лучшие импортные веялки, и молотилки, и племенное стадо английских дойных коров, и две школы, и медпункт, и даже почтовое отделение.

Забегая на несколько лет вперед, в начало прошлого века, скажем, что это и вообще было время создания и расцвета самых различных обществ: Общества вспомоществования учащимся опочечкой Пушкинской гимназии, помогавшее нуждающимся ученикам платить за учебу, бесплатно получать книги и учебные пособия, организацией неустепающей репетиторской помощи, приисканием подходящих квартир для приезжих и оплатой медицинской помощи; Опочечкого общества сельских хозяев потребителей, учрежденного, как записано было в его уставе, «с целью доставления своим членам, по возможно дешевой цене, или по умеренным рыночным ценам, различных предметов, необходимых в повседневном сельском хозяйстве и домашнем обиходе, и предоставления своим членам возможности из прибылей от операции общества делать сбережения»; Опочечкого общества «Здоровье и Спорт», ставившего перед собой задачу «содействовать физическому развитию лиц обоего пола: взрослых, детей и учащихся и дать возможность более тесного общения лицам, занимающимся каким-либо видом спорта»; Опочечкого кружка охотников, из всех сил стремившегося к тому, чтобы «доставлять членам Кружка возможность правильно и удобно охотиться, принимать меры к размножению и охранению полезных охотничьих животных и птиц, содействовать местным властям в преследовании нарушений законов об охоте, распространять понятия о правильной охоте...». Всего не перечислить. Как и во всяком уважающем себя охотничьем кружке, в нем были почетные и действительные члены, а также гости. Не брали в кружок только несовершеннолетних, за исключением лиц, имеющих классные чины. Кроме того, не брали юнкеров и нижних воинских чинов, учащихся и ранее судимых. Бывало, поедут действительные члены вместе с почетными и гостями в поля за реку Великую, наймут там мальчишек из окрестных деревень, и те им выгоняют зайцев из кустов, а не то устроят облавную охоту на волков под руководством кружковца и последнего опочечкого городского головы Владимира Александровича Селюгина. Владимир Александрович даже писал статьи об охоте в охотничьи журналы³⁴.

Между прочим, членами кружка охотников были Эдуард и Альберт Альбертовичи Тиме – владельцы турбиностроительного завода, производившего турбины для мукомольных мельниц, различные передаточные механизмы, а с девятьсот первого года и турбины для небольших электростанций. Фирма Тиме была известна еще с восьмьсот шестьдесят седьмого года, но по-настоящему братья развернулись в восьмьсот восемьдесят девятом году, когда был построен турбиностроительный завод в селе Захино Опочечкого уезда. Производили на заводе так называемые турбины Жонваля, изобретенные и запатентованные во Франции еще в восьмьсот сорок третьем году. Не вдаваясь в подробности их конструкции, скажем только, что были они в два и даже в три раза эффективнее обычных водяных мельничных колес. Устройство имели настолько простое, что освоить и обслужить их мог даже сельский механик. На каждую турбину давалась двухгодичная гарантия, покупателей обучали прямо на заводе, но по желанию заказчиков монтеры фирмы могли установить турбину на месте. Качество турбин было отменным – некоторые установки работали без ремонта более тридцати лет. Поставлял завод свои турбины, как минимум, в дюжину европейских губерний России и даже в Сибирь – в Енисейскую, Акмолинскую, Семипалатинскую и другие губернии. Всего с начала своей работы и до девятьсот двенадцатого года завод изготовил шестьсот турбин.

К судьбе завода после семнадцатого года мы еще вернемся, хотя... было бы зачем возвращаться. Скажем сразу, что в восемнадцатом году завод национализировали, а на следующий год он сгорел. После того как начался НЭП, бывший владелец завода Альберт Тиме взял завод в аренду, пытаясь его восстановить, но ничего у него не получилось.

Договор с Тиме расторгли, а то, что осталось от завода, передали по распоряжению Псковского окружкома ВКП(б) в качестве цеха на Псковский завод «Металлист». В сорок пятом году обком ВКП(б) решил восстановить завод и все же производить на нем турбины, но... снова ничего не получилось, и уж тогда эти попытки оставили насовсем. В заводских помещениях какое-то время помещалась машинно-тракторная станция, потом их использовал местный колхоз, потом не использовал никто, и теперь от них и следа не осталось.

Вернемся, однако, к началу двадцатого века – к возникавшим как грибы после дождя обществам. Опочецкое еврейское вспомогательное общество ремесленников... так и не было организовано из-за разногласий между евреями-ремесленниками, евреями-купцами и евреями-мещанами. Поначалу все было хорошо – в январе девятьсот тринадцатого года псковский губернатор на свое имя получил прошение от группы опочецких евреев-ремесленников с просьбой разрешить создать им, то есть еврейским ремесленникам города Опочка, Общество для помощи бедным ремесленникам. Ремесленники написали красиво: «Город Опочка имеет значительное количество еврейского населения, занимающегося ремеслами, среди него много бедноты, которая нуждается в единовременной или продолжительной экономической поддержке бедняку, может дать ему возможность пережить экономические или семейные разрушения и сделаться опять человеком, не обременяющим общество его поддержкой». Общество планировало своим нуждающимся членам и бедным, больным ремесленникам давать возвратные и безвозвратные ссуды, помогать семьям умерших и погибших ремесленников, давать медицинские пособия – короче говоря, делать все то, что делают профсоюзы, которых тогда и в помине не было. И все было бы хорошо, и общество губернатор наверняка разрешил бы, но... через два месяца он (губернатор) получил еще одно прошение, но уже от другой группы опочецких евреев, в котором говорилось, что еврейские купцы и мещане, коренные жители Опочки, категорически против такого общества, поскольку среди них тоже есть люди, имеющие право быть принятыми в общество и вообще «нежелание же ремесленников впустить в общество купцов и мещан, можно только объяснить их враждебное отношение не к пролетариату». Ну, и, конечно, просили в таком виде Устав не утверждать. Уже через четыре года опочецкий пролетариат покажет и купцам, и мещанам, и ремесленникам, что такое враждебное отношение, а пока... псковский губернатор решил повременить с разрешением и даже дал задание уездному опочецкому исправнику собрать как можно больше информации по данному вопросу. Исправник собрал и написал совершенно секретный рапорт, в котором совершенно секретно докладывал начальству, что «по собранным мною секретным образом сведениям, богатые ремесленники-евреи, проживающие в г. Опочке, с целью привлечь на свою сторону остальных ремесленников, чтобы забрать в свои руки власть в Правлении, задумали учредить устав «Опочецкого еврейского вспомогательного общества ремесленников», не принимая в свою среду купцов из других классов евреев, будучи принятыми, могут много вредить учредителям – богатым ремесленникам. Между тем в г. Опочке есть бедные коренные жители-купцы, которым необходимо оказывать помощь, но без участия в этом деле купцов и других классов евреев проектируемого общества по малочисленности ремесленников (66 семей), нельзя, а потому я полагал бы ходатайство ремесленников евреев отклонить». Вряд ли можно было ожидать от уездного исправника другого ответа, хотя он и считал, что «другой какой-либо скрытой цели, преследуемой евреями-ремесленниками при возбуждении ими ходатайств о регистрации устава, не обнаружено». Губернатор долго не думал – отклонил. Так евреи-ремесленники без своего общества и остались. Еврейские купцы и мещане составили им достойную компанию.

К самому концу девятнадцатого века относится еще одно неудачное предприятие – прокладка железной дороги. В первый раз вопрос о проведении железной дороги через Опочку возник еще в восьмьсот девяносто пятом году. Опочецкое городское управление и Земство обратились с ходатайством к Первому Обществу подъездных железных дорог в

России с просьбой произвести изыскание рельсового пути через Опочку в процессе прокладки железной дороги от станции Пыталово до Великих Лук. Город и земство пообещали эту работу оплатить и даже посулили за нее семь тысяч рублей, три тысячи из которых должно было заплатить городское управление, но не заплатило. Общество подъездных железных дорог терпело два года, а потом подало исковое заявление в Псковский окружной суд с требованием взыскать с Опочецкого городского управления всю сумму, да еще и с процентами за эти два года. Судились с чувством толком и расстановкой еще пять лет, и в конце концов три четверти суммы Опочецкому городскому управлению пришлось выплатить по суду железнодорожному Обществу. Что же касается железной дороги, то ее на этот раз так и не построили. В следующий раз ее начнут строить весной девятьсот шестнадцатого года, но до этого времени нужно еще дожить.

И еще об одном событии, происшедшем в Опочецком уезде в самом конце девятнадцатого века. Григорий Александрович Пушкин, владевший селом Михайловским, в девяносто девятом году продал его в казну. Еще за год до этого псковское дворянство хотело собрать деньги и выкупить у сына Александра Сергеевича Михайловское с тем, чтобы устроить в нем что-нибудь хорошее и полезное, но пока оно, то есть псковское дворянство, собиралось с мыслями, в начале июля девяносто девятого года последовало Высочайшее соизволение приобрести в казну имение Пушкиных и предоставить псковскому дворянству возможность устроить в усадьбе этого имения по соглашению с Академией Наук что-нибудь благотворительное, связанное с именем Пушкина. Через два года обсуждений псковское дворянство решило устроить в Михайловском «колонию для сирот и вдов писателей, а также для писателей, впавших в неизлечимую болезнь, лишаящую их возможности заниматься литературным трудом». Оказалось, что для осуществления этого проекта нужны деньги, а денег не было. Через четыре года после решения об устройстве колонии псковское дворянство начало просить министра финансов передать Михайловское себе, то есть псковскому дворянству с тем, чтобы продать лес и некоторые пустоши, а на вырученные деньги устроить колонию. Чрезвычайное губернское собрание вынесло решение поручить губернскому предводителю войти в сношение с Академией Наук и просить ее, то есть Академию Наук, совместно с псковским дворянством ходатайствовать перед Государем Императором о передаче Михайловского псковскому дворянству, для устройства колонии... о помещении туда, кроме вдов, писательских сирот и немощных писателей, учителей низших народных школ... о внесении рода Пушкиных в дворянскую родословную книгу Псковской губернии... и о многом другом. Еще через два года все ходатайства были удовлетворены, и из суммы, вырученной от продажи пустошей, планировали составить неприкосновенный капитал, который должен был храниться в Государственном банке, а проценты с капитала... и министр внутренних дел должен был по соглашению с Академией Наук утвердить проект... и уже даже начали летом девятьсот восьмого года приспособливать господский дом для колонии, как он взял да и сгорел. То есть совсем сгорел. Остался амбар, флигель управляющего, скотный двор и, что ценнее всего, домик, в котором по преданию, Пушкин временно проживал с няней Ариной Родионовной. Правду говоря, Пушкин в сгоревшем доме не жил и жить не мог, поскольку тот был построен через четверть века после его смерти сыном Григорием. Барон Розен, который псковским дворянством был выбран попечителем колонии, составил проект постройки на месте сгоревшего дома нового, по имевшемуся у него рисунку того самого дома, в котором жил поэт, и планировал обставить его мебелью, которая была при жизни Пушкина. Если таковая, конечно, найдется. Этот проект, как сообщает Леонид Иванович Софийский в своей книге по истории Опочки и ее уезда, псковским дворянством и был осуществлен³⁵. Колонию открыли в конце мая девятьсот одиннадцатого года, но это уже событие следующего, двадцатого века.

Как ни крути, а придется, чтобы закончить с девятнадцатым веком Опочки, обратиться к экономике, статистике, ярмаркам, заводам, фабрикам, пудам, четвертям,

десятинам и лошадиным силам. Если смотреть со стороны ярмарок, то экономическая жизнь в Опочке и уезде просто бурлила. Только в самой Опочке в год проходило двенадцать однодневных ярмарок – Крещенская, Сретенская, Сборная в первый день Великого поста, Евдокиевская, Сороки, Алексеевская, Благовещенская, Входеоерусалимская в Вербное воскресенье, Борисовская, Петровская, Господжская-Богородицкая и последняя, декабрьская, с загадочным названием Повороты. В уезде проходило еще девять ярмарок, из них две самых крупных в Святых Горах – Девятник в девятую пятницу после Пасхи и Покровская в конце сентября. Обе они шли по семь дней. Те самые ярмарки, на одной из которых опочецкий купец Иван Лапин весной восьмьсот двадцать пятого года «имел счастье видеть Александру Сергеича г-на Пушкина», поедающего апельсины. Если же посмотреть на эти ярмарки с другой стороны, то, к примеру, в восьмьсот сорок девятом году, почти в середине века, привезено в Святые Горы на весеннюю ярмарку товаров на двадцать пять с лишним тысяч рублей, а продано всего на шесть тысяч триста десять, то есть ровно четверть от привезенного. На следующий год продажи выросли, но и выросшие, они едва достигли половины от того, что привозили купцы на продажу. Да и в самой Опочке дела обстояли не многим лучше. В восьмьсот пятьдесят шестом году на Богородицкой ярмарке было продано едва ли треть привезенных товаров.

Привозили, как сообщают памятные книжки Псковской губернии, к примеру, за восьмьсот семьдесят пятый год, фарфор, хрусталь, галантерейные товары, готовое платье, иконы, книги, картины, текстиль, меха, табак, лен, пеньку, щетину, пряности, сельдей в бочках, сладости, кожаные и кузнечные изделия, деревянную, глиняную и муравленную, то есть глазурованную, посуду, косы, топоры, вилы, замки, ножи, детские игрушки, рогатый скот, лошадей и то, что тогда называлось в статистических отчетах «сельскими произведениями» – от квашеной капусты, редьки, яблок, огурцов, крыжовника и сушеных грибов до вязаных чулок, лаптей, валенок, рукавиц, прялок и домотканых холстин.

Теперь посмотрим на Опочку со стороны городских доходов. Не в мировом, конечно, масштабе, и даже не в масштабе Российской империи, а в губернском. Например, в восьмьсот восемьдесят шестом году доходы города Опочки составляли двадцать пять тысяч восемьдесят рублей. Конечно, Псков имел в три раза больший доход за этот же год, но что касается губернии, то Опочка по городским доходам была на третьем месте, уступая кроме Пскова только Острову, и уступка была небольшой – всего восьмьсот рублей. Не лишним будет отметить, что город жил по средствам и в долги не залезал. В городской казне к концу года осталось почти тысяча восьмьсот рублей. Если же мы возьмем роспись доходам и расходам уездных земств за этот же период и отчет по недоимкам... Впрочем, это уж будет слишком, и мы эту роспись брать не станем. Вы, поди, и без них уже зеваете, да? Скажем только, что по числу пожаров и сгоревших зданий Опочка среди восьми уездных городов Псковской губернии в восьмьсот восемьдесят шестом году занимала если и не почетное, то вполне достойное седьмое место. Всего семьдесят два пожара в год, да и сгорело меньше сотни домов, в то время как в соседнем Порховском уезде за этот же год было больше двух сотен пожаров и сгорело без малого восьмьсот домов. И это при том, что в Опочецком уезде имелось всего восемь огнегасительных труб, а в Порховском уезде в семь раз больше. Как тут добрым словом не вспомнить Опочецкое вольное пожарное общество, которое к тому времени уже существовало двенадцать лет.

И еще про этот ничем не знаменательный в истории Опочки год. Заболело тогда чтыреста с лишним человек, а коек в городском стационаре было всего тридцать две. Выздоровели, понятное дело, при таком количестве коек на весь город и уезд, не все. Двадцать восемь человек все же отдали Богу души. Еще столько же перешли болеть в следующий год, а все остальные, стало быть, поправились. Кстати сказать, более всего в Опочке и уезде болели не оспой, не брюшным тифом, не корью, не кровавым поносом и

не дифтеритом, а сифилисом. Сифилитиков в уезде было около полутора с лишним тысячи человек. Кровавым поносом и брюшным тифом болели в десять раз реже. Опочекское земское собрание даже освободило больных сифилисом от уплаты за врачебные консультации, но большая часть этих больных и знать не знала, чем они болеют, а потому к врачам и не думала обращаться. И о других болезнях. Сумасшедших по данным губернской статистики было на весь уезд, в котором проживало более ста тридцати тысяч человек, всего двое. На весь уезд. Пусть кто-то был в ремиссии, пусть кто-то спрятался от переписчиков в овине или на гумне, пусть притворился нормальным, пусть родственники дали денег переписчикам, чтобы не отмечали, пусть... все, что угодно, но ведь всего двое, а не двести и даже не двадцать.

Теперь про... нет, еще не про заводы и фабрики. Теперь про ремесленников, но сначала про население, а потом про них. В Опочке в восемьсот восемьдесят шестом году проживало примерно поровну мужчин и женщин. Всего около четырех тысяч четырехсот человек. Из них дворян около семи процентов, а остальные купцы, мещане, военные, священнослужители и крестьяне. Более всего было мещан – они составляли почти половину городского населения. Вот они-то вместе с крестьянами и были ремесленниками, потому как от дворян, священников и военных в этом смысле толку было мало. То есть совсем никакого. Что же до купцов, то до их заводов и фабрик мы еще доберемся.

Ремесленников в Опочке работало много и разных. Одних кузнецов имелось в наличии одиннадцать человек. Мы говорим только о мастерах, а не о подмастерьях или учениках. Было четыре хлебника, три булочника, шесть мясников, два колбасника, а кондитеров не было ни одного. Еще дюжина портных, четырнадцать сапожников и трое шапочников. Модисток, башмачников и перчаточников в Опочке не имелось. Захочешь сшить себе что-нибудь такое, в чем не стыдно поехать хотя бы во Псков, не говоря о Петербурге, съесть пирожное или торт, надеть перчатки и красиво пройти в тонких ботинках по Успенской или Новоржевской улицам... отрежешь ломоть хлеба, положишь на него колбасы и пойдешь в сапогах без перчаток месить грязь по Успенской или Новоржевской улицам. Это я, конечно, сгустил краски. Грязь только в межсезонье. Летом пыль, а зимой валенки.

Пусть не было в Опочке кондитеров и модисток, зато работали два мастера по настройке фортепиано, два живописца, два парикмахера, два серебряных дел мастера и два часовщика. Так что можно было пойти постричься, заказать картину или вывеску к лавке, настроить пианино или рояль и починить часы. Даже и ходить никуда не пришлось бы – довели бы. В тот год в Опочке было зарегистрировано сорок извозчиков. Если же к этим колбасникам, булочникам, сапожникам и извозчикам прибавить одного коновала, двух трубочистов, трех гончаров, двух лудильщиков, шесть печников, девять столяров, двух стекольщиков, медника, слесаря, лудильщика и бондаря, то... нет, не Петербург, конечно, и даже не Псков, но жить можно. Кстати, о жизни. За год в Опочке с ее четырьмя с лишним тысячами жителей не убили ни одного человека. Один сам лишил себя жизни. Еще один помер от пьянства. Еще один погиб от несчастного случая. В уезде за год убили четверых, двое самоубились, четверо допились до смерти, и это при том, что уезд по количеству населения почти в двадцать шесть раз превышал город.

Была в Опочке богадельня. Ее ни к фабрикам, ни к заводам, ни к ремесленникам, ни к гимназиям не отнесешь, но она была, а раз была, то надо и о ней упомянуть. Проживало в богадельне в восемьсот восемьдесят шестом году одиннадцать женщин. Больше никого не было – ни мужчин, ни детей. Содержал ее город и на содержание тратил около пятисот рублей в год. Выходило на душу... Немного выходило. В чем эти души держались на такие деньги – теперь уж не узнать, но держались.

Теперь уж точно про заводы и фабрики, потому что никакое краеведение без их перечисления не обходится, тем более что театров, картинных галерей, музеев и литературных салонов в Опочке восьмидесятых годов девятнадцатого века не имелось, а

имелись шесть кожевенных, шесть синильных (красильных, а не производящих синильную кислоту), четыре гончарных, два кирпичных и один свечной завод. Была еще и мукомольня. Речь идет о крупных в уездном масштабе заводах и фабриках. Всего в Опочке работало, если верить данным губернского статистического комитета за восемьсот восемьдесят шестой год, тридцать заводов и фабрик. Рабочих на этих заводах и фабриках было девяносто три. Не на каждом заводе или фабрике, а на всех вообще. То есть по три целых и одной десятой рабочего, в среднем, на предприятие. Еще в уезде имелось четыре завода, и на них гнули спины на опочечких капиталистов еще семнадцать пролетариев. Все вместе они производили продукции почти на шестьсот сорок тысяч рублей в год. Даже на фоне других уездных городов Псковской губернии сумма, мягко говоря, небольшая.

Что касается строений, то из семи с половиной сотен домов в городе лишь тридцать три было каменных. Придется перечислить и церкви – шесть православных, одна лютеранская и одна синагога. Кстати, скажем и о евреях, которых к концу девятнадцатого века проживало в Опочке почти две с половиной сотни, и среди них были не только ремесленники, купцы и мещане, которые так и не смогли договориться между собой об организации Общества помощи евреям-ремесленникам, но и земские врачи и заведующий земской аптекой. Раз уж зашла речь о населении Опочки, то к евреям прибавим и пять с лишним тысяч православных, и сто двадцать пять католиков, и девяносто двух протестантов, и сорок три представителя других конфессий, проживавших в Опочке в середине девяностых годов позапрошлого века. Население Опочки в конце девятнадцатого века быстро росло за счет выходцев из более населенных соседних западных губерний – Витебской и Лифляндской. В восемьсот девяносто седьмом году в городе проживало уже около шести тысяч человек. Приезжали сюда на жительство и поляки, и белорусы, и эстонцы, и латыши, и литовцы. Привезли с собой антисемитизм. Тем не менее, крупных конфликтов на межнациональной и межконфессиональной почве не было.

Сойдем на некоторое время с дороги, которая называется историей Опочки, и пройдемся по ее обочине и даже заглянем в придорожную канаву. В девятьсот втором году из Пскова в Опочку приехал некто Андрей Петрович Семякин. Был он профессиональным смутья... то есть революционером и членом РСДРП еще с восемьсот девяносто восьмого года. Не просто так его принесли черт... то есть он приехал из Пскова, в котором проживал в ссылке, по заданию партии. Начал Андрей Петрович мутить воду в том смысле, что создавать в Опочке группу содействия большевистской «Искре». Служа секретарем в уездной земской управе, Семякин вместе с другими партийцами, приехавшими в Опочку позднее, завлек в эту группу бухгалтера земской управы, писаря расквартированного в городе 94-го пехотного полка, делопроизводителя, нотариуса и еще десяток-другой опочан и приезжих. Через два года партийная часть группы уехала во Псков раздувать из искры пламя, но зубы дракона, в том смысле, что семена, ими посеянные, в Опочке стали всходить. В девятьсот третьем году в Опочку приехал еще один член РСДРП – преподаватель Лобанов. Он и возглавил большевистскую парторганизацию Опочки. В девятьсот пятом партийцы разбрасывали листовки, в девятьсот шестом поддерживали на выборах в Первую Государственную Думу земского врача Ладыгина, между прочим, очень достойного человека. Правда, неудачно. Победил тогда граф Гейден.

В девятьсот пятом году в уезде начались крестьянские волнения. В ноябре крестьяне вырубili часть леса в имении помещика Глушанина, в декабре – в имениях помещиков Яновича и Корсакова.

В июле девятьсот седьмого под руководством парторганизации прошли две забастовки кожевников. Две недели, пока рабочие бастовали, опочечкие большевики снабжали их продуктами. В результате все требования кожевников были удовлетворены – им и зарплату повысили, и рабочий день сократили, но непосредственных руководителей

забастовки власти арестовали и выслали в северные губернии. Тем же летом забастовали беднейшие крестьяне нескольких волостей Опочецкого уезда. И снова большевики прибежали со спичками, в том смысле, что оказались в числе руководителей тех, кто захватывал землю, самовольно рубил лес и поджигал усадьбу помещика Глушанина в Полянской волости Опочецкого уезда. Большевикам удалось собрать сход, на котором решался вопрос об организации забастовки сельскохозяйственных рабочих. На сход явилось четыреста человек, но полиция их разогнала.

В самом конце девятисот седьмого года властям удалось выйти на след опочечских большевиков. В дом сестер Семендяевых нагрянула по доносу прислуги полиция и обнаружила протоколы собраний, кассовую книгу, два гектографа, нелегальную литературу и все то, что в те времена обнаруживали в домах подпольных борцов за народное дело. Сестры отправились в ссылку, а Лобанов, уже успевший к тому времени организовать среди учениц педагогических курсов марксистский кружок, был посажен в тюрьму и лишен права преподавания. Опочечская партийная организация перестала существовать. Правда, всего лишь на время. На это время и мы ее оставим и вернемся к Опочке.

В девятисот десятом году по Киевскому шоссе началось автомобильное движение. Шоссе было вымощено битым камнем. Его ширина составляла шесть с лишним метров. Недолго думая, опочечские купцы создали акционерное общество автомобильного сообщения Остров – Пустошка, купили немецкий автобус фирмы «Гагенау» и открыли рейсы в соседние Остров и Пустошку. Автобус немедленно стал конкурировать с конным дилижансом, поскольку цена билета на нем была ниже. Автобус брал полтора десятка пассажиров, и все они сидели внутри, в отличие от дилижанса. Одного не учли владельцы автобуса – немецкие шины изнашивались на русских дорогах куда быстрее, чем на немецких. Вместо положенных пяти тысяч километров они продержались лишь три. Чтобы поменять шины, пришлось колеса отправлять в Санкт-Петербург, поскольку в Опочке своего шиномонтажа, понятное дело, не было. Владельцы дилижанса, как только узнали об этом – так сразу и увеличили плату за проезд в два раза. Опочане возмущались ужасно, но...

Крестьяне Опочецкого уезда на этом автобусе не катались, но при встрече с ним на дороге накрывали головы своих лошадей мешком, чтобы не доводить животных до нервного срыва. Надо сказать, что и сами крестьяне... нет, нервных срывов у них не было, но увидев приехавшего в деревню Захино на турбинный завод братьев Тиме чертежника на велосипеде, на всякий случай обстреляли диковинное существо из дробовика. Последний был так напуган, что, не снижая скорости, уехал из Захино туда, откуда приехал.

В том же году в Опочке останавливались на несколько часов участники автопробега Санкт-Петербург – Киев – Москва – Санкт-Петербург. Газета «Псковская жизнь» по этому поводу писала: «17 июня, к одиннадцати часам утра, делая в среднем сорок верст в час, автомобили прибыли в Опочку. Участникам был оказан самый радушный прием. Их встретила тысячная толпа с двумя оркестрами музыки. Всюду вывешены флаги. Устроены декорированные цветами арки. Крестьяне на всем пути приветствуют автомобилистов. В Опочке гостям предложен завтрак. Настроение участников бодрое». Правда, бодрым оно было недолго. Опочецкий буфетчик, как сообщала через несколько дней все та же «Псковская жизнь», взяв с каждого гонщика по полтора рубля, «накормил гостей очень недоброкачественными продуктами».

Через два года в Опочецкий уезд, в село Жигали прилетел первый русский авиатор Уточкин. Посмотреть на него сбежались жители всех окрестных сел и деревень. Кстати, об авиаторах. Уроженец Жадринской волости Опочецкого уезда крестьянин Василий Федорович Вишняков, начав службу с нижних чинов, окончил Севастопольскую военную авиационную школу, в Первую мировую войну был награжден четырьмя георгиевскими

крестами, офицерским чином и стал пятым человеком в России, удостоенным звания «военный летчик».

И еще о прогрессе, пришедшем в Опочку в первые десятилетия прошлого века. Лучше всего привести цитату из советского путеводителя по Опочке авторов Васильева, Степанова и Федорова, изданного в семьдесят третьем году: «Очагом дешевого развлечения, был частный кинематограф под претенциозным названием “Кинь грусть”. Пошленькие немые киноленты вроде “Приключения Глупышкина”, “Сын дьявола”, “Сашка-семинарист” демонстрировались под аккомпанемент рояля, иногда – духового оркестра. Однако и кино, и театр, и библиотека обслуживали “чистую публику”, “избранных”, для рабочих же оставались лишь церковь и кабак». К авторам претензий нет. Как, спрашивается, можно было еще написать в семьдесят третьем году? Да и рабочие в церковь, и особенно в кабак, нет-нет да и заглядывали. В июле сорок первого «очаг дешевого развлечения» сгорел. То ли сам сгорел, то ли его подожгли свои же, чтобы не достался стремительно наступавшим немцам.

В девятьсот двенадцатом году в Опочке произошло событие большого культурного масштаба. Опочечского масштаба, конечно. Вышла из печати книга Леонида Ивановича Софийского «Город Опочка и ее уезд в прошлом и настоящем». Ее выход был приурочен к проходившей в Опочке в сентябре двенадцатого года сельскохозяйственной выставке, но и не только к ней. Через два года, в девятьсот четырнадцатом году Опочке должно было исполниться пятьсот лет. Книга Леонида Ивановича и теперь, когда Опочке уже более шестисот лет, является одним из самых полных, если не самым полным источником по древней и новой истории Опочки. Софийский написал эту книгу по заказу сельскохозяйственного общества и Городской Думы. Издание книги было осуществлено за счет городских властей. Городская Дума и теперь есть, только называется по-другому, и краеведы, которым можно было бы заказать написание такой книги тоже есть, а вот новой книги по истории Опочки почему-то нет.

Скажем и еще об одном событии, случившемся в том же году – об открытии в Опочке низшей ремесленной школы. Обучались в ней дети крестьян и рабочих³⁶. Обучение до семнадцатого года было бесплатным, а в семнадцатом стало платным, но дети малообеспеченных родителей по-прежнему учились бесплатно. Школа как школа. Готовила слесарей, токарей, и кузнецов. И все же. Был в ней случай. Уже в годы Первой мировой войны два ученика расшалились и сломали скамейку в вестибюле школы. Скамейку оценили в четыре с лишним рубля, и деньги, которые дети выплатили, были отданы матери нуждающегося ученика первого класса, чтобы та купила ему обувь. Я не оговорился – деньги выплатили сами дети, поскольку в годы Первой мировой они в школьных мастерских выполняли военные заказы, и за это им платили определенный процент стоимости этих заказов. Собственно, ради этого случая я школу и вспомнил. И вот еще что. Поначалу школа помещалась в съемном помещении, а потом город к девятьсот четырнадцатому году построил ей новое красивое здание с башенкой. Оно и сейчас стоит, и в нем помещаются опочечский краеведческий музей и детский сад «Лучик».

В девятьсот четырнадцатом году Опочке исполнилось пятьсот лет. Пышных торжеств по этому поводу не было, поскольку в июле этого года началась Первая мировая война. В начале августа состоялось экстренное заседание Городской Думы, обсудившее меры помощи семьям призванных из запаса. Немедленно ассигновали на эти цели сто рублей. Уездное земское собрание в конце августа постановило на свои средства организовать два лазарета для выздоравливающих – один в Опочке, а другой в уезде. Тот, что в Опочке, был рассчитан на несколько десятков кроватей. Городская Дума решила присоединиться к земской инициативе и на свои средства оборудовала пять кроватей. Еще раньше властей, на девятый день войны, собралось Опочечское благотворительное общество и сформировало Комитет помощи пострадавшим на войне и их семьям. Не надо думать, что опочечские благотворители ограничились формированием комитета и

красивыми речами. Еще на заседании были собраны деньги для раненых солдат, почти девяносто рублей. Кроме того, были разосланы подписные листы в городские учреждения, и третьего августа в Опочке прошел «день флагов». Сборщики пожертвований ходили по городу с кружками и флажками. Каждый, кто жертвовал любую сумму, получал российский флажок. Собрали более двухсот рублей. Чуть позже стали принимать в качестве помощи не только деньги, но и холсты, одежду и обувь. За месяц опочечские благотворители собрали почти шестьсот рублей и оказали помощь двадцати семьям. Из пожертвованного холста педагогический персонал женской гимназии стал шить белье для раненых. Местный музыкально-драматический кружок даже поставил с благотворительными целями драму Толстого «Власть тьмы». Спектакль, как писала «Псковская жизнь», получился... не получился, но деньги на помощь семьям мобилизованных собрали. Осенью четырнадцатого года опочечские служащие стали отчислять по два процента своего жалованья в пользу жертв войны. Опочечские акцизные чиновники и купцы собрали два пуда махорки и две тысячи папирос для отправки на фронт. До весны пятнадцатого года на фронт из Опочки было отправлено четыре транспорта с подарками для фронтовиков. Один из транспортов сопровождал Леонид Иванович Софийский. Он рассказывал, что подарки были доставлены одному из полков на передовой в районе Перемышля. Любопытные опоччане залезли на наблюдательную вышку, чтобы осмотреть Перемышль, раз уж представился такой случай, и тут противник начал артобстрел... К счастью, все обошлось. Хотя один из снарядов и разорвался в сорока метрах от вышки.

В девятьсот шестнадцатом году по указу Николая Второго стали в срочном порядке строить железную дорогу Псков – Опочка – Идрица – Полоцк. Строили ее исключительно как военную. Должна она была проходить на десять верст восточнее наших позиций, расположенных на юге от города Острова. Проходить эта железная дорога должна была через Опочку. Как говорится, не было бы счастья, но несчастье помогло. Строительство было непростым. Рабочих рук не хватало из-за постоянных призывов в армию. Те же, кто оставались, были заняты сельскохозяйственными работами и могли работать лишь время от времени. Часть рабочих наняли в соседних губерниях. Хотели даже привезти китайцев с Дальнего Востока, но потом от этой идеи отказались – не хватало только большого количества китайцев возле самой линии фронта. Наняли по контрактам землекопов из крестьян Самарской и Екатеринославской губерний, к ним прибавили пленных австрийцев и женщин из прилегающих к железной дороге волостей Опочецкого уезда. Так или иначе, к концу ноября шестнадцатого года дорогу построили. В центральной прессе это событие по понятным причинам не освещалось, но газета «Псковская жизнь» поместила небольшое сообщение по поводу заседания Опочецкого земского собрания: «Собрание выразило благодарность председателю управы Н.М. Плен и городскому голове В.А. Селюгину за те хлопоты и старания, которые они приложили к тому, чтобы железная дорога не миновала Опочку. Постановлено ходатайствовать, чтобы ж/д станция именовалась бы “Опочкою”, из уважения к Опочке, городу древнему русскому, так и из практического соображения: опочечский лен есть лучший не только в Псковской губернии, но и в России. Председатель собрания г. Офросимов вносил предложение об устройстве подъездного пути к вокзалу и об установлении таксы для извозчиков». На станции работало два маневровых паровоза. В самом скором времени построили при станции депо, водоканализацию, нефтебазу, вокзал, столовую, амбулаторию, баню, школу, клуб и магазин.

Семнадцатый год начался в Опочке с того, что в феврале гимназистка Вера Кналис пришла с утра пораньше в гимназию, влезла на рояль, стоявший в актовом зале, сорвала портрет Николая Второго, еще не отрешившегося от престола, и разорвала его на части. Гимназическое начальство потребовало от гимназисток, чтобы те назвали фамилию, но пока оно требовало, из столицы пришли такие известия, что стало не до порванного портрета уже отрешившегося императора.

Третьего марта в городе прошла демонстрация. Кое-кто из демонстрантов уже и успел украсить себя красными бантами. С этого дня портреты царя стали снимать не только в гимназии. Власть в Опочке перешла к городской управе и городскому голове В.А. Селюгину. Стали создавать Советы и после бурных обсуждений создали два уездных Совета рабочих и солдатских депутатов, которые в скором времени объединились в один. Немногим позже, в августе, был создан уездный Совет крестьянских депутатов. Этими советами дело не ограничилось. К октябрю в Опочке кроме Советов рабочих, солдат и крестьян действовал еще и уездный комитет спасения Родины, председателем которого был уже известный нам городской голова Селюгин. Городскому голове подчинялась как городская, так и уездная милиция, а также запасной пехотный полк, стоявший в Опочке. Кроме того, при управе создали вооруженный отряд самообороны.

В уезде как грибы после дождя стали стихийно возникать различные продовольственные и земельные комитеты, немедленно приступившие к «экспроприации экспроприаторов». Тотчас же от уездных помещиков посыпались жалобы министру внутренних дел и главнокомандующему Северо-западным фронтом о самовольном захвате принадлежащих им земель и конфискации имущества. В Пскове по просьбе опочечских землевладельцев было созвано совещание уездных комиссаров, на котором постановили создать воинские дозоры для противодействия самовольному захвату земель.

В Опочечском уезде были очень сильны эсеры, и когда в конце семнадцатого года в Опочку из Петрограда приехало трое агитаторов, которые должны были по заданию нового правительства установить советскую власть в городе и уезде, а заодно и перетянуть на свою сторону военные части и сформировать новые, то их мало кто поддержал, несмотря на то что агитаторы были уроженцами Опочечского уезда. Два агитатора – Жутовский и Ефимов, обратились к объединенному опочечскому общегородскому и воинскому собранию, но результат обращения был таков, что Жутовскому пришлось тайно, спрятавшись на возу с сеном, бежать в Великие Луки за вооруженной подмогой, поскольку там стоял верный большевикам Ставропольский полк 5-й армии. Туда же подтянулся и второй агитатор – Ефимов. В скором времени из Великих Лук в направлении Опочки выступил отряд пехоты и кавалерии общей численностью семьдесят пять бойцов. Командиры отряда планировали договориться с городским головой Селюгиным о мирной передаче власти в руки большевиков, о передаче охраны города бойцам великолукского отряда и о разоружении отряда самообороны. Собрали совещание городской управы с лояльно относившимися к большевикам депутатами городской управы и... городской голова отказался подчиниться требованиям великолукских командиров.

К счастью для большевиков, в городе на военном складе обнаружили пятьсот новых винтовок и два пулемета. К счастью для большевиков, кто-то из окружения уездного воинского начальника сообщил об этом Василию Казиеву – одному из командиров великолукского отряда. Немедля склад был захвачен большевиками, а винтовками и пулеметами был вооружен вновь сформированный 1-й красногвардейский Опочечский батальон в двести пятьдесят два штыка. Сразу после формирования батальона в Опочке был создан военно-революционный комитет (ВРК). Комитет принял решение разоружить отряд самообороны, что и было сделано ночью, четырнадцатого января уже восемнадцатого года всего за четыре часа. Заодно большевики арестовали часть членов городской управы и расформировали комитет спасения Родины. Власть в городе перешла в руки ВРК.

Расформирование комитета спасения Родины многим в уезде не понравилось. Больше всего недовольных было в Жадринской волости. Тамошний помещик Наперстков, офицер российской армии и потомок того самого отставного штабс-капитана Наперсткова, у которого в начале девятнадцатого века взбунтовались крестьяне из-за того, что он над ними издевался, организовал отряд из пятисот солдат, вернувшихся с войны со

своим оружием. В Жадринской волости и вообще не стали торопиться с переменой властей – там еще действовала царская администрация.

Семнадцатого января ВРК послал в село Жадро взвод конницы под командой Казиева, чтобы провести там волостное собрание и выборы в волостной Совет, а для того чтобы собрание прошло с соблюдением всех демократических норм, взводу придали станковый пулемет. Уже и собрание шло, уже и стали выдвигать кандидатуры в волостной Совет, как появился в селе Наперстков с сотней вооруженных солдат и офицеров, собрание сорвал, а трех городских агитаторов запер в бане и пообещал сжечь, если в течение суток не будут отпущены арестованные ранее члены городской управы. Как только повстанцы ушли, часть кавалерийского взвода атаковала охрану бани, рассеяла ее и агитаторов освободила. Двадцатого января вызванный опочецким ВРК из Великих Лук бронепоезд из двух трехдюймовых орудий обстрелял несколько деревень повстанцев в Жадринской волости, а приданная бронепоезду пехота атаковала близлежащее имение другого помещика – Яновича. Хотя штаб повстанцев находился вне досягаемости орудий бронепоезда, большая часть их сдалась в плен или разбежалась. Командиры отряда все же смогли уйти.

Тем временем в Опочке после разгона отряда самообороны начались грабежи и убийства. ВРК вынужден был начать борьбу с уголовниками. Надо сказать, что на этом поприще большевики достигли некоторых успехов – была схвачена и расстреляна банда мародеров. Впрочем, волну грабежей это не остановило. Мало того, к грабежам добавились поджоги помещичьих усадеб.

Фактически в городе создалось двоевластие – с одной стороны Опочкой управлял законно избранный уездный исполком, а с другой – созданный явочным порядком ВРК. Немедля председатель ревкома Жутовский стал добиваться членства в уездном исполкоме, добился этого и в конце концов занял в исполкоме место председателя президиума и исполнительного бюро³⁷. Это произошло в конце апреля восемнадцатого года, и этот день можно считать днем установления в городе и уезде Советской власти – той самой, которая слиняет в три дня в августе девяносто первого, а пока, в конце января восемнадцатого, ВРК организовал в городе митинг. Митинг закончился принятием резолюции. Вот она: «Мы граждане г. Опочки, на общем своем собрании 21 января 1918 г., заслушав доклад делегата ВЦИК т. Жутовского по текущему моменту о создавшемся положении в г. Опочке ввиду выступления явной контрреволюции, которая призывала к свержению Советской власти, как на местах и в целом, по науськиванию контрреволюционных элементов темного населения, в чем она имела успех в день открытия первого заседания ревтрибунала, куда они ворвались с криками “Долой рев. трибунал, долой Сов. власть”. В такую критическую минуту Советы оказались на страже революции, в ночном своем заседании постановили: арестовать всех явных и тайных контрреволюционеров и представить их революционному трибуналу в Пскове как изменников Родины и революции и назначить на 21 января 1918 г. вооруженную демонстрацию. На означенном 21 митинге мы, граждане Опочки, стоя на страже революции и завоеванной нашей кровью свободы, постановили: клеймить самым беспощадным образом всех контрреволюционеров, выступавших открыто против всех наших завоеваний, и немедленно предать их суду революционного трибунала... Да здравствует власть Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов! Да здравствует Совет народных комиссаров!»

В феврале восемнадцатого немцы стали наступать по всему фронту и так продвинулись в псковском направлении, что заняли и сам Псков, и часть территории четырех волостей Опочецкого уезда. Новая власть выдала милиционерам солдатское обмундирование, членов Совета вооружили револьверами и перевели на солдатский паек. Подготовили план обороны города и выслали разведчиков в оккупированный Псков и в соседние Остров и Пустошку. Брестским миром, который заключили с немцами большевики, и сами большевики были недовольны, а уж остальные... На границе с

оккупированными немцами землями Опочецкого уезда стали организовываться без всякой помощи Советской власти партизанские отряды под командой офицеров царской армии.

Новая власть тоже не стояла опустив руки. Правда, она не знала, куда эти руки девать. Советы организовали в Опочке чрезвычайный полевой штаб, который должен был руководить операциями приграничных войск, чтобы не допустить дальнейшего продвижения немцев в глубь страны, но как это сделать, штаб, не имея опыта такого руководства, не знал. На фронт были отправлены все воинские части, и уездный исполком даже переименовал себя, назвав свой Совет Советом рабочих и крестьянских депутатов, исключив прилагательное «солдатских». Губернские власти переехали из Пскова в Великие Луки. Там же был создан объединенный штаб, начальник которого издал приказ о формировании и порядке комплектования партизанских отрядов. В Опочецком уезде в партизанские отряды записалось около трех тысяч человек. В самой Опочке сформировали и разместили 2-й Псковский пехотный полк.

В городе ситуация день ото дня становилась хуже – не хватало примерно всего, в избытке имелись только безработица и постоянно прибывавшие в город беженцы, которые далеко не всегда были лояльно настроены к Советской власти. На городского голову Селюгина наложили контрибуцию (не только на него, но и на других членов управы), и он должен был ее внести. В противном случае его грозились арестовать и конфисковать все имущество. В начале апреля в городе открылась биржа труда. Уездный съезд советов четырнадцатого апреля утвердил уравнильное землепользование. Те, у кого землю отобрали, были предупреждены о том, что в случае сокрытия семян их предадут военно-революционному суду. Сомневаться в революционной беспощадности этого суда не приходилось. Сказать, что часть жителей Опочки, особенно состоятельная ее часть, была, мягко говоря, недовольна действиями новой власти, значит не сказать ничего. Ничего удивительного в том, что в феврале восемнадцатого года в оккупированный немцами и белогвардейцами Остров отправились два опочанина с просьбой к тамошним военным властям организовать освобождение Опочки от большевиков, не было.

Попытка освободить Опочку, однако, сорвалась. Новая власть, узнав о том, что собирается белогвардейский отряд для освобождения города от нее самой, немедленно сформировала и вооружила партизанскую сотню в Печано-Горайской волости под командой местных крестьян, братьев Елкиных, и одного представителя из Опочки. Отряд выследил и захватил белогвардейских разведчиков, у которых обнаружилось письмо к опочецким кадетам. В письме сообщалось, что отряд под командой поручика Бакланова может в ближайшее время выступить на Опочку. Может, но... не выступил. Немцы по каким-то причинам операцией по захвату Опочки не заинтересовались, и на этом все закончилось, но не для тех, кому в Опочке было адресовано письмо из Острова. Их арестовали в качестве заложников. И это не все. Выяснилось, что командир Опочецкого пехотного полка Гиммельман вместе с помещиком и бывшим полковником российской армии Наперстковым готовили восстание против Советской власти. Гиммельмана арестовало опочецкое ЧК в середине августа, а уже десятого сентября приговорили к расстрелу. (Его потом реабилитировали. Через восемьдесят один год.) Власти подозревали в участии в заговоре даже своих и сдали по решению партийного собрания в ЧК командира великолукского отряда Казиева, на штыках которого, собственно, и была принесена в Опочку Советская власть.

В уезде между тем продолжались крестьянские восстания. Бунтовали пять волостей Опочецкого уезда. Власти, кажется, делали все, чтобы эти восстания не затухали. В июле восемнадцатого года Опочечкий исполком постановил, что право избирать волостные Советы и другие деревенские организации имеет только деревенская беднота. Крестьяне, имеющие излишки хлеба и враждебно относящиеся к Советской власти, лишались избирательных прав. Члена уездного исполкома Кустова за то, что он предлагал в комитеты бедноты избирать зажиточных крестьян, исключили из состава этого органа

власти. Кустов и вовсе заявил о своей солидарности с ЦК левых эсеров. Ему еще повезло, что его просто выгнали с работы.

К осени во всех пятнадцати волостях Опочецкого уезда власти создали комбеды и еще полторы сотни самых различных организаций. Тогда же стали формировать продотряды. В августе восемнадцатого от Опочецкого уезда были зачислены в 1-й Московский продовольственный полк девять красноармейцев³⁸.

Между тем Советская власть не мытьем, так катаньем мало-помалу утверждалась. В конце сентября власти организовали общее собрание в опочечкой почтово-телеграфной конторе, на котором служащие числом около сорока человек, все как один проголосовали за новую власть и наговорили ей приятного. Не просто наговорили и разошлись, а опубликовали наговоренное в уездной газете. Той же осенью появился Союз молодежи – второй в губернии после Союза молодежи, созданного в Великих Луках. Ну, и как водится, стали переименовывать улицы и площади – Соборную площадь в Советскую, центральную Великолукскую улицу – в улицу Ленина. Появились в Опочке и улицы Троцкого, Зиновьева, Урицкого, Дзержинского и Карла Маркса. Улицы Зиновьева и Троцкого, понятное дело, названия потом меняли, а все остальные и не думают. И улица Ленина есть (их даже две – есть 2-я Ленинская), и Дзержинского, и Урицкого, а к ним добавились улицы Красных фронтовиков, Красных командиров, Клары Цеткин, Калинина, 9 Января, 1 Мая, Пролетарская (а к ней маленький Пролетарский переулок с двумя десятками домов), Колхозная, Совхозная, Пионерская...

В октябре общее собрание опочечких большевиков решило очистить советские учреждения от мелкобуржуазных элементов, поскольку от крупнобуржуазных все было уже очищено³⁹. Своим постановлением оно ограничило и список желающих работать в этих учреждениях. Теперь для того чтобы устроиться на работу в какой-нибудь угоркомхоз или упродком, не говоря об уисполкоме или милиции, нужно было стоять на бирже труда и пройти спецкомиссию исполкома. Кроме того, уездная газета должна была опубликовать список бывших царских офицеров с тем, чтобы аттестационная полковая комиссия могла руководствоваться этим списком при чистке командного состава Опочецкого пехотного полка.

В декабре восемнадцатого года в здании бывшего реального училища открылась вечерняя школа. Записалось туда полторы сотни человек. В доме помещицы Глушаниной, в имении Пашкино, устроили богадельню и приют для бедных. В этом доме было электричество и водопровод. Таких домов в городе было немного – всего один. В скором времени, однако, жители дома начнут жаловаться, что заведующий домом ворует мясо, и вместо него поставят другого, который тоже будет воровать, но это будет потом.

Опочечкие коммунисты ближе к Новому году на своем собрании постановили создать театральную коммунистическую ячейку и с ее помощью собирать дополнительные средства в партийную кассу. В дополнение к театральной ячейке избрали организационно-театральное бюро в составе пяти человек, чтобы... Не знаю, чем они там занимались, на заседаниях этого бюро. Может, следили за тем, чтобы репертуар был идейно выдержан, чтобы не было мелкобуржуазных драм, пошлых водевилей и комедий, чтобы в антрактах не продавали вина и зрители не заплевывали пол шелухой от семечек.

Немного новостей из партийной жизни девятнадцатого года. Теперь в Опочке и уезде, в дополнение к городской и уездной жизням, появилась и такая. В начале февраля девятнадцатого года некоего Шахманова исключили из партии за то, что он до семнадцатого года состоял на службе в полиции. Коммуниста Сергеева исключили из рядов РКП(б) за отказ идти на фронт. Коммунист Павлов сам подал в свою партийную организацию заявление, в котором писал, что «не согласен с программой коммунистов». Беспокоило коммуниста Павлова и то, что «большинство руководящих постов занимают евреи». Павлова тоже исключили. Крестьяне из деревни Проньков Печано-Горайской волости Опочецкого уезда в марте девятнадцатого и вовсе написали в одну из центральных газет письмо, в котором доводили до сведения вышестоящих инстанций, что

их волостные начальники-коммунисты грабят крестьян. Белогвардейцы в их деревне убили целую семью, жившую в коммуне – трех братьев и отца. На их похороны и на помощь оставшимся в живых родственникам местные жители собрали семнадцать тысяч рублей и вручили властям. Пропали эти деньги. Куда пропали – никто не знает. Понятное дело, что такие письма никто не печатал – их аккуратно складывали в архив. Исполком эти сигналы с мест без внимания не оставлял – была создана полномочная комиссия для проведения чистки опочецких советских учреждений с целью удаления буржуазных и обеспеченных элементов, поскольку именно они... а кто же еще?

Конечно, общественная жизнь Опочки первых лет советской власти состояла не только из партийных и аппаратных чисток. В марте девятнадцатого года отдел всеобщего военного комиссариата открыл для опочан спортивно-стрелковый клуб, а в помещении бывшего магазина бывшего купца Хейсина стал работать гимнастический зал. В уездной газете «Опочецкая коммуна» некто, подписавшийся Хмурым, предлагал «дать отставку без пенсии и мундира с волчьим паспортом» преподавателям бывшей гимназии, преподающим историю по старой программе, а не так, как этого требуют современные обстоятельства. (Выходит, что времена в девятнадцатом году были, как это ни покажется странным, вегетарианские – за неправильное преподавание истории еще не отправляли в лагеря и не расстреливали, а только предлагали увольнять, но мало-помалу...) Кроме того, общественная жизнь города и уезда в большой степени состояла из недовольства – крестьяне, в основном середняки, были недовольны продразверсткой, а все остальные, включая горожан – всеобщим призывом в Красную армию. Национализация была тоже всеобщей, и ей тоже были недовольны. В мае девятнадцатого национализировали даже городские парикмахерские. Крестьяне выражали свое недовольство продразверсткой самым недвусмысленным образом – убивали присланных из Петрограда для проведения продразверстки большевиков. Заодно убивали председателей комбедов, работников волисполкомов и милиционеров. Город высылал в уезд отряды для ликвидации крестьянских мятежей, а деревня встречала их пулеметным и ружейным огнем. Голод не то чтобы надвигался на Опочку и уезд – он придвинулся к ним вплотную.

Еще и продразверстку никто не отменял. В двадцатом году Опочечкий уезд должен был сдать государству рабочих и крестьян 77640 пудов картошки, 84102 пуда зерновых, 118 пудов меда, 300 пудов грибов, 3000 пудов клюквы, 10 пудов брусники, 553 пуда птицы, 3535 пудом масла и 170600 яиц, и собирать эти грибы и ягоды нужно было в лесах, где кого только не было – и белые, и зеленые, и просто бандиты, не отличавшие одних от других. Еще и немцы с поляками и латышами наступали по всему фронту. Еще и председателей волостных исполкомов за невыполнение планов по сдаче продовольствия предавали суду ревтрибунала. Партийные начальники пытались, конечно, положение исправить. К примеру, в марте двадцатого уездная партконференция приняла резолюцию о борьбе с разрухой и разгильдяйством.

Все же нельзя сказать, чтобы в городе и уезде ничего не работало. Новых заводов и фабрик, конечно, не появилось, но работали два кирпичных завода в самой Опочке, два кирпичных завода в уезде, турбиностроительный и механический заводы в селе Захино, принадлежавшие раньше братьям Тиме, Опочечкий советский кожзавод, мыловаренный завод, торфоразработки, цементно-кирпичная мастерская, Опочечкая коммунальная сапожная мастерская. Правда, к двадцатому году большая часть этих предприятий встала из-за отсутствия материалов или рабочей силы, или того и другого вместе. Только портняжная мастерская в Опочке работала не покладая рук – у нее был военный заказ, а кроме того, она шила милицейские плащи, брюки, пиджаки, френчи, юбки, платья, кофты, поддевки и все, что пользовалось спросом у населения.

Кстати, о коммунальных предприятиях. К двадцатому году в уезде было четыре коммуны⁴⁰, полсотни сельскохозяйственных артелей, десять молочных артелей и пять рыболовных. Совокупно все эти артели и коммуны насчитывали шесть тысяч едоков, триста лошадей и полторы тысячи коров. Все эти тысячи едоков, по сравнению с

населением уезда, в котором тогда проживало почти сто сорок тысяч человек, были каплей в море.

В начале двадцать четвертого года в Опочке при почтово-телеграфной конторе открыли сберегательную кассу, а при центральной библиотеке был создан уездный архив, в котором хранились документы от сотворения нового мира – то есть от семнадцатого года. Из того, что было открыто в середине двадцатых, упомянем и Дом крестьянина, открытый в марте двадцать шестого года. В доме имелись кровати, теплая конюшня, столовая, библиотека-читальня, справочное бюро и радиоприемник. Приехавших в город по делам крестьян в столовой еще и кормили. Теперь, конечно, можно посмеяться над кроватями, конюшней и радиоприемником, но тогда в Опочке этому были рады, и Дом крестьянина открывали торжественно, с оркестром, игравшим «Интернационал».

В том же двадцать четвертом году две волости Опочецкого уезда передали соседним Себежскому и Великолукскому уездам, а все остальные укрупнили и из полутора десятков волостей сделали всего шесть. Тогда же село Тоболенец переименовали в Пушкинские горы. Через три года, в двадцать седьмом, опочанам как снег на голову упала статья в газете «Правда» с предложением о переносе праха Пушкина в Ленинград, под которой, между прочим, стояло более двухсот подписей. Писали, что холм, на котором стоит Святогорский монастырь, опасно сползает, и пока могилы поэта и его родственников не сползли вместе с холмом... Семнадцатый уездный съезд Советов единогласно проголосовал против такого проекта. Заодно и постановил открыть в Пушкинских горах трудовую школу имени Пушкина. Холм подсыпали, и все, к счастью, осталось в Пушкинских Горах.

В двадцать втором в Опочке и уезде появились комсомольцы, а в двадцать пятом – пионеры. Предтечей пионерской организации в Опочке была детская коммунистическая организация, которую потом реорганизовали в пионерскую. Первые пионерские организации создали не только при начальных школах, но и при типографии, и при кожевенном заводе. (Получается, что пионеры тоже были рабочей молодежью.) К началу двадцать пятого года в городе было уже 532 пионера и 132 октябренок. Вся эта союзная молодежь была объединена в двадцать один отряд.

Теперь про досадное и обидное. В двадцать шестом часть успешных опочецких предприятий стали переводить во Псков. Сначала переподчинили псковскому «Металлисту», а потом и вовсе забрали турбиностроительный завод в деревне Захино. Опочецкий кожевенный завод стали готовить к закрытию, а потом и вовсе закрыли, а он выпускал кож не меньше, чем псковский завод «Пролетарий». Закрыли городской электромеханический техникум, а средства, что на него отпускало государство, ушли во Псков. Кирпичный завод передали Пушкинским горам, которые с двадцать седьмого года стали отдельным Пушкинским районом.

Зато в самой Опочке в январе двадцать седьмого был организован ученический кружок краеведов, а через год он уже превратился в Опочецкую ячейку общества краеведов. Всего юных краеведов в Опочке было примерно столько же, сколько и октябрят – они изучали историю, проводили метеонаблюдения, занимались охраной памятников старины и организовали кружок друзей Пушкинского заповедника. Был у них и кружок, занимавшийся историей партии. Без этого никак.

И еще одно «зато». В конце двадцать девятого районные власти добились от окружного исполкома финансирования строительства Опочецкого льнозавода по переработке до пяти тысяч тонн льна. Закладывали этот завод торжественно, в мае тридцатого. После первомайского митинга в городе колонна демонстрантов вместе с духовым оркестром, игравшим марши, двинулась по островскому шоссе к месту закладки завода и жилого городка при нем. «Постройка льнозавода, – говорили районные и окружные начальники на митинге, – покажет врагам Советского Союза, что дело индустриализации страны – не фантазии большевиков».

В двадцать седьмом упразднили Псковскую губернию, и Опочка вместе с уездом, превратившимся в район, вошли в Псковский округ Ленинградской области. Как раз в это время стали закрывать, но еще не разрушать опочечские храмы. Дореволюционная Опочка не была уж очень богомольным городом – на пять с лишним тысяч жителей шесть православных церквей, один православный собор, несколько часовен, лютеранская кирха, синагога, и все. Поначалу их не закрывали. Просто было не до этого. В конце двадцатых руки у власти дотянулись и до церквей.

Само собой, все делалось не потому, что власть так захотела, а по «просьбам трудящихся», которые хором требовали закрыть тот или иной храм. Причины, по которым его требовалось закрыть, могли быть самые разные: например, его не ремонтируют, или оставшихся храмов вполне достаточно, или в помещении храма нужно устроить спортивный клуб (как это было в Опочке), или склад, или магазин. Да, именно магазин. В одной из опочечских часовен горсовет открыл книжный киоск. Владимирскую церковь в двадцать девятом году отдали под Дом пионеров. Заодно и часть церковного имущества передали пионерам. В сущности, мелочи – стул, обитый бархатом, два ковра, умывальник жестяной, восемь табуреток, медную люстру, два шкафа, одно священническое облачение для пионерского театра. Себя власть тоже не забыла – почти шесть килограммов серебра в виде церковной утвари и окладов икон оставила себе, упаковала и сдала на хранение в отделение Госбанка. Из Успенской церкви серебра конфисковали около десяти килограммов. Безвозмездно отдали горсовету три мраморных престола для того, чтобы из них построить памятник погибшим борцам за революцию, колокола для пожарной части, денежный ящик для хранения секретной переписки административного отдела, 166-му стрелковому полку пять ковров, пять риз и пять подризников, десять икон, десять мраморных плит, два аналая... Документов, из которых можно было бы понять, зачем стрелковому полку ризы, подризники, иконы и аналои, не сохранилось, а было бы очень интересно на них взглянуть.

Лютеранская церковь стояла закрытой два года, а в июне двадцать девятого в окружной газете появилась небольшая заметка о том, что кирху можно было бы переделать в школу или в клуб национальных меньшинств. Под национальными меньшинствами понимались латыши, эстонцы и немцы. Ее и переделали через несколько месяцев, но не в клуб, а в зерновой склад. Впрочем, к тому времени в Опочке осталось всего полтора десятка лютеран и католиков. Медленнее всех запрягали опочечские евреи – только в феврале тридцатого года в местной прессе появилось сообщение о том, что «трудящиеся евреи Опочки потребовали от горсовета немедленного закрытия синагоги». Видимо потому, что неоднократные просьбы о закрытии синагоги до тридцатого года горсовет оставлял без внимания, евреям пришлось требовать ее немедленного закрытия⁴¹. Требование удовлетворили, и синагогу занял Дом юных пионеров. В июле сорок первого она и вовсе сгорит – то ли сама, то ли сожгут ее по заданию властей комсомольцы. Чтобы не досталась немцам.

Параллельно с разрушением церквей Советская власть выращивала атеистов. Время от времени они собирались на районные конференции. На второй районной конференции безбожников, прошедшей летом двадцать девятого, они себя пересчитали и выяснили, что их уже пятьсот пять человек. Молодежь принимала самое активное участие в этих мероприятиях. К примеру, трое учащихся одной из школ в Опочечском районе и сами внесли деньги на постройку самолета «Безбожник», и товарищей своих к этому делу привлекли.

До принятия морального кодекса строителей коммунизма было еще больше тридцати лет, но молодежь уже кипела и пенилась, придумывая новые правила поведения строителей нового общества. Опочечские комсомольцы поначалу рекомендовали опочечским комсомолкам не танцевать с нетрезвыми комсомольцами, а потом и вовсе на три года запретили танцевать парами.

Про коллективизацию в Опочецком районе можно рассказать и в одном предложении – ей крестьяне Опочецкого района сопротивлялись как могли, и потому район был всегда на последнем месте в Ленинградской области по темпам коллективизации, ускорить которую не помогали ни регулярные смены секретарей райкома партии, председателей районных исполкомов и сельсоветов, ни исключения из партии, ни отдача некоторых из них под суд, ни раскулачивание, ни агитация, ни тюремные сроки и конфискация имущества у единоличников за невыполнение трудовых заданий, ни новые трактора, молотилки, силосорезки, льнотеребилки и МТС, которые доставались, понятное дело, только вновь образованным колхозам.

Тем не менее, к середине тридцатых почти половина крестьянских хозяйств района уже вступила вольно или невольно в колхозы. В колхозах даже повысилась норма выдачи хлеба на трудодни – на один трудодень в тридцать пятом году давали три килограмма хлеба вместо 2,4 кг в тридцать четвертом. При этом в самой Опочке больше двух килограммов хлеба на человека не продавали, несмотря на то что с тридцать пятого года была объявлена свободная продажа хлеба.

На фоне провальной коллективизации неудачи в работе городского театрального кружка и разглядеть-то трудно, но мимо них мы не пройдем. С тридцать первого года городской театральный кружок⁴², в котором проявляла свои таланты рабочая молодежь, возглавляла некто Кирсанова. Недолго она его возглавляла – была уволена за аполитичность. Вместо нее кружком стал руководить артист Муромский – и его отставили, но уже не за аполитичность, а за антиобщественные настроения. После Муромского поменяли и коллектив, и руководителя, но... новый руководитель стал брать деньги со зрителей за каждый спектакль. Пьесы, которые он ставил, были признаны вредными и ненужными. К примеру, пьеса Островского «Поздняя любовь» с подзаголовком «Сцены из жизни захолустья в четырех действиях». Какой пример она подаст советской молодежи? Какой угодно, только не тот, который нужно. К тому же выяснилось, что новый руководитель был ранее судим за расхищение социалистической собственности. Поручили комсомолу взять театральное дело в свои руки, а в кружок принимать рабочую молодежь и ставить полезные и нужные в социалистическом строительстве пьесы.

В тридцать пятом году административную карту снова перекроили. Опочку вместе с районом в составе Великолукского пограничного округа приписали к Калининской области. Еще и отрезали часть района, сделав из этой отрезанной части новый, Красногородский район. Новое великолукское начальство достало новую метлу и летом тридцать пятого приняло постановление «О болезненных явлениях в Опочецкой парторганизации». Вдруг оказалось, что у части опочецких партийных и советских руководителей эти самые болезненные явления проявляются в «фактах явного разложения, семейственности, круговой поруки, практики банкетов и пьянства». Сделали оргвыводы – исключили из партии районного прокурора, редактора районной газеты, уволили все руководство местного спиртзавода, директора МТС, объявили взыскания работникам горсовета и поменяли секретаря райкома партии. Ну, а дальше все пошло по нисходящей до самой земли – председателя колхоза «Красный пахарь» за плохую работу уволили и отдали по суду, а несколько единоличников за то, что не сдали зерно, получили по два года тюрьмы.

Не все, конечно было так плохо, на ниве колхозного строительства. За успехи в труде в феврале тридцать шестого года орденами Трудового Красного Знамени были награждены две доярки совхоза «Красный фронтовик» и овчарница колхоза «Урожай». Заведующему фермой колхоза «Рассвет» дали орден Знак Почета, и уже новый редактор районной газеты поставил в печать приветственное письмо четверых орденосцев Сталину к 19-й годовщине Октября.

В мае тридцать седьмого оказалось, что опочецкое районное начальство ничем не лучше городского, а еще и хуже. Президиум ВЦИК принял специальное постановление

«О работе сельсоветов Опочецкого района Калининской области». Там, где у городских начальников были обычные пьянки, банкеты и семейственность, у сельских имело место «проникновение чуждых элементов в состав некоторых сельсоветов... грубое нарушение социалистической законности вследствие изъятия имущества у колхозников и единоличников, избиение граждан и незаконные штрафы, засоренность колхозов “Красная звезда”, “Исса” и других бывшими бандитами, контрабандистами и враждебными элементами». И все это в пограничной зоне, находящейся в 5–10 км от латвийской границы. Сделали оргвыводы. Правда, председатель окружного исполкома не был уволен и не отдан под суд, а отделался строгим выговором. Ему крупно повезло, потому что на дворе стоял тридцать седьмой год.

В марте тридцать седьмого года парторг железнодорожной станции Опочка Беккерт докладывал куда следует, что два беспартийных грузчика Дмитриев и Бреер мало того что вели подрывную работу против стахановского движения, но еще и выкололи глаза на портрете Кагановича. Получили грузчики за это по пять лет лагерей.

В тридцать восьмом в Опочке стали асфальтировать тротуары. Построили новую гостиницу и два жилых дома. Через год – новый родильный дом, среднюю школу, детский сад, а в сороковом году еще одну среднюю школу, прачечную, ветлечебницу и ветаптеку. В январе сорок первого стали производить чемоданы, детскую мебель, игрушки, трикотаж, колеса и ободы для конных подвод, открывали обувные мастерские и химчистки⁴³. Управление Ленинградской железной дороги в апреле сорок первого выделило шестьсот тысяч рублей на строительство нового железнодорожного вокзала – старый был рассчитан всего на сотню пассажиров в день, а их было в три раза больше. Думали управиться до конца года...

Первая бомба упала на Опочку уже второго июля сорок первого года. К тому времени Опочка и район были уже наводнены беженцами и отступающими войсками, шедшими со стороны Латвии. До первых чисел июля опочане продолжали ходить на работу, поскольку за опоздание, а тем более за прогул, можно было запросто сесть в тюрьму. Про эвакуацию местному населению власть даже не намекала. Более того, военнотружачим было запрещено говорить населению об отступлении. На все вопросы приказано было отвечать, что идет перегруппировка войск. Третьего июля еще вышел номер газеты «Путь к коммунизму» – как оказалось, последний перед оккупацией. И в нем не было ни слова об истинном положении дел. Весь номер был занят перепечатками статей из центральных газет: «Каждое предприятие, каждый дом – крепость обороны», «В Совнарком СССР о всеобщей обязательной подготовке населения к противовоздушной обороне», «Страдания бельгийского народа под игом германской оккупации», «“Мы не хотим воевать с Красной Армией” – рассказы немецких солдат». Напечатали и местное – выступление семидесятилетнего члена колхоза «Ударник» Демида Федорова под заголовком «В порошок сотрем фашистскую банду».

Между тем днем и ночью вывозили на восток трактора, сельскохозяйственную технику, колхозных коров и овец. Пятого июля прекратил работу Госбанк. Деньги и ценные бумаги погрузили на полуторку и две подводы. До Госбанка Марийской АССР довели все эти богатства три человека – безымянный красноармеец с винтовкой от военкомата, главбух Блохин и кассир Афонский. Все довели, до копейки.

Когда казначей Опочецкого льнозавода Смирнов с большой суммой денег для выдачи зарплаты и выходных пособий пришел на льнозавод, там уже никого не было. Повернулся Смирнов и пошел с этими деньгами в Калинин, которому тогда подчинялась Опочка, чтобы сдать эти деньги в отделение Госбанка. Пешком пошел. Дорогой голодал, но ни копейки на себя не истратил.

В начале июля, когда немцы взяли соседний Остров, все стало понятно и без сообщений в газетах. Начали эвакуироваться, а вернее, бежать на восток, кто как мог. Шестого июля сорок первого года исполняющий обязанности начальника штаба 46-й танковой дивизии майор Д. Г. Бацкиаури сделал запись в своем дневнике: «Здорово

укрепились за Опочку на рубеже р. Великой. Потрепали под Опочкой основательно танковую дивизию СС⁴⁴. Опочка горит. Спешно уничтожаем добро. Жуть берет, но оставить нельзя, лучше сжечь. Минируем дороги. Рвем мосты».

Жуть еще как брала. Взорвали спиртзавод. Командование опочецкого гарнизона приказало коменданту города Опочку сжечь. Сжигать ее должны были местные комсомольцы, не призванные в действующую армию по возрасту или по болезни. Сжигать предполагалось все без разбору, и потому комсомольцы-поджигатели заранее предупредили горожан, что те, кто будет пожары тушить, будут расстреляны на месте.

Одноэтажная Опочка с ее деревянными жилыми домами горела хорошо. Сожгли практически полностью дома на улицах Ленина, Урицкого, Набережной, Некрасова. На улице Почтовой сгорели все дома, за исключением трех, принадлежавшим знакомым коменданта. Сгорел почти весь район за рекой Великой – Завеличье. Те, кто по какой-либо причине не смог или не собирался эвакуироваться, остались бездомными. Им пришлось вырыть землянки и все три года оккупации, и еще не один год после нее, жить в них⁴⁵. Несгоревшим остался район вокруг городской больницы. Человек, которому приказали организовать поджог, не стал этого делать. Сложно сказать, по какой причине. Его за невыполнение приказа успели расстрелять сразу же, буквально перед тем, как немцы вошли в город. Тех, поджигателей, которые успели приказ выполнить и не успели уйти, ловили немцы и тоже расстреливали.

Нельзя сказать, что Опочку сдали без боя. Битвы за Опочку не было, но были бои местного значения, и в этих упорных, кровопролитных боях убивали живых людей точно так же, как и в больших сражениях. Армия отступала. Через Опочецкий район в направлении Новоржева отступали войска Западного фронта – части 21-го механизированного корпуса. Корпусом он был больше по названию, поскольку был к началу войны не доукомплектован ни людьми, ни техникой, а уж после начала войны, после неудачных боев в ходе обороны Двинска...

После восьмого июля немецкие танки прорвались на мост через реку Великая в полусотне километров севернее Опочки. Препрадили им путь наши танки КВ. Вот только боеприпасов у наших танков не было, а потому шли они на таран.

Бои в пригородах Опочки начались десятого июля⁴⁶, а уже восемнадцатого числа начальник немецкого генштаба сухопутных войск Гальдер записал в своем дневнике: «В районе Опочки противник пытается атаками пробить путь к своим изолированным частям и вывести их из окружения. Все атаки отбить». Нет такого краеведа, который, описывая историю Опочки, удержался бы на этом месте от замечания о том, что впервые за пятьсот с лишним лет город был занят врагами. И мы не удержимся.

Начались три года жизни Опочки и ее района в оккупации. Глядя из сегодняшнего дня, можно попробовать эту жизнь разделить на три: жизнь гражданского населения, жизнь подпольную и жизнь партизанскую, хотя все они между собой переплетены, перепутаны и местами завязаны мертвыми, во всех смыслах этого прилагательного, узлами.

Для начала педантичные немцы не поленились поменять названия тех улиц, которые так или иначе говорили о Советской власти. Большая часть улиц с названиями вроде Почтовой, Садовой, Железнодорожной, Рабочей и Школьной сохранила свои названия, а вот улицам Урицкого, Ленина, Дзержинского и других советских партийных и государственных деятелей названия вернули прежние, дореволюционные. Оставили названия улиц Пушкина и Некрасова. Появились и новые названия. Почему-то все больше для этих целей оккупанты использовали фамилии русских писателей и поэтов – Крылова, Лермонтова, Гоголя, Толстого, Жуковского и Тургенева. Были и простые, незатейливые названия, которые сотрудники немецкого Опочецкого районного управления выдумали из головы: Iwanstraße, Katherinastraße, Perlenstraße, Landstraße⁴⁷.

К зиме сорок первого Опочка превратилась в склад немецкого оружия, боеприпасов и провианта. Была организована хозяйственная комендатура, которая

немедля стала создавать молодежные отряды по заготовке соснового леса для отправки в Германию. Кроме соснового леса опочанам было приказано собирать металлолом, который, как и сосновый лес, отправлялся в Германию. Не рубить лес и не собирать металлолом, понятное дело, было нельзя. За саботаж полагался в лучшем случае концентрационный лагерь, а в худшем расстрел. Работ было множество – ремонтировали под началом немцев подбитые немецкие танки, работали на льнозаводе, на полях, на торфоразработках, чистили и убрали немецкие казармы, строили блиндажи, железную дорогу в Латвию, пилили срубленный лес. И здесь все было организовано – распределением на работы занималась биржа труда.

Сельское население немцы тоже не забыли – каждый крестьянин должен был платить подворный, поземельный и поголовный налоги, а кроме того, сдавать два с половиной десятка пудов зерновых, около двухсот пудов картофеля с каждого гектара, восемьсот граммов шерсти с каждой овцы, не менее трехсот литров молока от каждой коровы и многое другое. Понимая, что никаких десятков пудов ржи и сотен пудов картофеля с гектара от разоренного войной крестьянина не получить, если не помочь ему семенами и техникой, немецкие власти весной сорок третьего выдали на посев сотню тонн зерна, двести тонн картошки и десять тракторов. Правда, помощь эта была разовой – весной сорок второго ее еще не собирались выдавать, а весной сорок четвертого оккупантам уже было не до нее.

Из статьи «Новая жизнь в Опочке», напечатанной в немецкой газете «За Родину» от 26 ноября 1942 г.: «... Большевики при отступлении сильно разрушили и опустошили Опочку. Вся Киевская (главная) улица превратилась в каменные развалины, – почти ни одного дома не было пощажено; заметно пострадали от разрушения и другие кварталы города. Населению пришлось много потрудиться над восстановлением города. Значительную помощь в этом оказали немецкие власти. В городе немало новых деревянных домов, приводятся в порядок полуобгоревшие каменные здания. Пущены в ход отдельные заводы. Восстанавливается канализация. Функционируют: рынок, кустарные мастерские, хлебные и овощные лавки. Открыта больница на сто кроватей и городская амбулатория для приходящих больных; имеются три школы. Работает и столовая, открыта баня. Устраиваются сеансы кино, спектакли, концерты, танцевальные вечера...».

Осенью сорок второго года немецкие власти⁴⁸ ввели на всех оккупированных территориях обязательное начальное образование. В Опочке и районе открылись начальные школы. Из Германии привезли для детей буквари и отпечатанные в Риге учебники русского языка. Стали набирать в школы учителей, отдавая предпочтение тем, кто так или иначе пострадал при Советской власти. Нашлись, конечно, и такие, но были и те, которые пошли работать, чтобы не умереть с голоду. Практически всем им, после освобождения Опочки и района в сорок четвертом году, было решением Псковского обкома ВКП(б) запрещено преподавать. К примеру, опочецкий учитель музыки Зинаида Александровна Китаева после войны зарабатывала частными уроками, поскольку в школе ей преподавать запретили. Точно так же запретили преподавать заведовавшей во время оккупации одной из районных начальных школ Пелагее Алексеевне Минченковой. Правда, после двадцатого съезда КПСС этот запрет отменили, но до съезда еще нужно было дожить, да и решения съезда доходили до Опочки и района не с курьерской скоростью. Заодно скажем и о том, что детям, которые учились при немцах в школах, эти годы в зачет не пошли. Всем им пришлось начинать учиться с того места, с которого их учебу прервала война.

Впрочем, учителя в начальных школах были разные. В начальной школе на железнодорожной станции Опочки почти год работала учителем подпольщица Раиса Васильевна Гаврилова, пока по приказу партизанского командования не уволилась и не устроилась в опочецкую хозяйственную комендатуру секретарем-переводчиком. Летом и осенью сорок третьего года Гаврилова вместе сестрами Алексеевыми, Надей Литвиненко

и Марией Олениной снабжали партизан взрывчаткой, медикаментами и разведывательной информацией о размещении немецких укреплений, огневых точек, о перемещении войск. В апреле сорок четвертого года группу Гавриловой сдал немцам один из местных жителей. Спаслась только Мария Оленина. Всех остальных после пыток расстреляли. Рае Гавриловой в сорок четвертом исполнилось двадцать пять лет.

Надо сказать, что партизан в Опочечком районе было много. К августу сорок второго в районе действовало пять партизанских отрядов, которые объединились в 3-ю Калининскую партизанскую бригаду численностью более трехсот человек. Бригадой было подорвано полсотни немецких эшелонов с техникой и войсками, взорвано полтора десятка железнодорожных мостов, убито более пяти тысяч вражеских солдат и офицеров, разгромлено шестнадцать гарнизонов и взято в плен более полутора сотен немцев. Полицейских и предателей убито ровно двести тридцать шесть человек.

Партизанам помогали не только взрослые. Ученик одной из опочечских школ Иван Шпилькин вместе со своим двоюродным братом Олегом Корневым по заданию партизан собирал сведения о передвижении немецких частей к Ленинграду и обратно, выкрадывал немецкие письма и бумаги, по которым устанавливал номера частей, распространял листовки и, когда ему это удавалось, обрезал провода немецкой телефонной связи и устанавливал магнитные мины под немецкими автомобилями. В наградном листе к медали «Партизану Отечественной войны I степени» в самом конце раздела «Краткое, конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг», сказано: «По своей неосторожности был разоблачен, посажен в тюрьму и несмотря на пытки и издевательства, не выдал тайну о партизанах».

Ваню арестовали весной сорок четвертого года и после двух месяцев, проведенных в гестапо, расстреляли за две недели до прихода наших войск. Вместе с Ваней расстреляли и его отца – Ивана Дмитриевича Шпилькина, тоже связанного с партизанами. Ивану Ивановичу Шпилькину исполнилось шестнадцать лет, когда его расстреляли... а может, и не исполнилось – в наградном листе написан только год его рождения – двадцать восьмой.

Партизанский почтальон Нина Денисова, попавшая в гестапо, пыток перед расстрелом не выдержала. Как их, спрашивается, выдержать, если тебе тринадцать лет... или тридцать... или пятьдесят...

Из акта Опочечкой районной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников от 29 ноября 1944 года. Свидетельские показания Елены Алексеевны Васильевой: «В помещении гестапо в Опочке специально для допросов были оборудованы две комнаты. В них стояло по две скамейки, на которых избивали арестованных. На стенах висели ременные плетки и резиновые дубинки. У стола лежали палки, а на столах иголки и лезвия от безопасных бритв. Сам вид этих комнат наводил ужас на человека. Находясь в здании гестапо, мне неоднократно приходилось слышать, как из комнат допросов доносились звуки ударов палками, плетью и крики арестованных. По окончании допроса арестованного уборщицам предлагалось производить уборку комнаты. Войдя туда, я неоднократно наблюдала следы свежих побоев: кровь на полу, брызги крови на столах и стенах, окровавленные иголки, разбросанные на столе».

Тюрьму и пыточный застенок немцы устроили на Коммунальной улице, в помещении склада. После освобождения в июле сорок четвертого еще можно было на стенах камер прочесть написанные гвоздем, осколком стекла и кровью надписи «Здесь сидел Михайлов Иван, 1924 года рождения. Приговорен к смертной казни», «Партизан Киселев Леонид, Псков, Застенная, 17, расстрелян», «Партизан Пунтус Владимир, Идрицкого района, расстрелян», «Отомстите за меня», «Умираю», «Прощай, Родина». Эти надписи были видны еще в конце шестидесятых годов.

Из акта Опочечкой районной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников от 29 ноября 1944 года. Свидетельские показания Евгении Михайловны Васильевой: «В августе 1941 года немцы

провели массовые аресты лиц мужского пола. Ими были арестованы мой муж – Васильев, а также Петр Митрофанов, Василий Ковалев, Николай Петров, Николай Шахманов и другие. В эту же ночь их расстреляли. В конце августа 1944 года я и родственники обнаружили 20 трупов расстрелянных, зарытых в яму в петровском лесу. Массовые расстрелы и сожжения советских граждан немцами производились в деревнях района. В сентябре 1942 года немцы расстреляли 52 человека, проживавших в деревне Артюхово Водобегского сельсовета. Оставшиеся дети были заживо сожжены в огне вместе с постройками деревни. Двадцать восемь домов Артюхова со всеми хозяйственными постройками сгорели в огне. Тогда же немцами было полностью расстреляно население деревень Меленки, Барканы, Гнилки, Стрехно, а жилые дома сожжены».

В августе сорок первого года немцы арестовали все еврейское население Опочки – более ста человек. Всех их согнали на первый этаж того самого четырехэтажного здания, которое построили в восемнадцатом веке для присутственных мест, когда Опочка недолгое время была губернским городом. Этот первый этаж и стал опочецким гетто. От голода, холода и непосильных работ часть стариков и детей в скором времени умерла.

Седьмого ноября сорок первого года на центральной площади города немецкие власти повесили восемнадцатилетнюю Басю Малк, приехавшую в начале года в Опочку по месту службы своего мужа – лейтенанта стрелкового полка. В начале войны муж Баси со своим полком отправился в Прибалтику, а Бася осталась в Опочке, рожать сына. Она его успела родить буквально за несколько дней перед тем, как немцы заняли город. Эвакуироваться они не успели. Сын ее заболел и долго не прожил, а Бася пошла работать в немецкую комендатуру переводчицей, поскольку прекрасно знала немецкий язык. После войны ее знакомая Анна Семеновна Варфоломеева вспоминала: «Бася пошла работать переводчицей сознательно, чтобы знать, что творится у фашистов. Мне она сказала: “Поработаю, узнаю про дела у гитлеровцев и уйду к партизанам”. Долго ей проработать переводчицей не пришлось – ее выдал немцам Иван Алексеев – сосед по дому. Паспорт, в котором Бася Малк была записана литовкой, не помог. Немцы запросили полицию ее родного Шауляя и... Басю отправили в гетто. Трудно сказать, какую пропагандистскую работу вела Бася среди жителей гетто, но долго она там не задержалась. Ее отправили в гестапо на второй день после того, как она крикнула одному из военнопленных, одетому в немецкую форму: «Ты – предатель!»

Из воспоминаний Ольги Васильевны Гавриловой: «Однажды моя двоюродная сестра Рая (партизанская разведчица, носившая кодовое имя «Абсолют») пришла с работы и сказала матери, чтобы она нас, детей, ни в коем случае не пускала на площадь. Там построили виселицу (примерно напротив дверей нынешнего магазина «Культтовары»). Должны были казнить молоденькую еврейку, сказали – за связь с партизанами. И хотя полиция сгоняли народ на площадь смотреть казнь, мы туда не пошли, спрятались. Но через день или два мама послала меня на Завеличье, к тете Фросе. И мне пришлось пройти мимо виселицы. Тело казненной еще не убрали. Я старалась не смотреть в ту сторону, но все равно увидела ее... туфелька с одной ноги свалилась... И табличка там была. Мол, так будет с каждым, кто связан с партизанами»⁴⁹.

К марту сорок второго немцы пригнали в гетто еще пятьдесят евреев, арестованных в Опочечском районе. Восьмого марта всех их вывели за пределы города и расстреляли.

Из воспоминаний Ольги Васильевны Гавриловой: «Я встретила на мосту колонну евреев под охраной полицаев. Это была большая колонна. Не менее 15 м длиной, а шириной во всю проезжую часть моста. Шли мужчины, женщины с детьми, старики, некоторые – совсем уже дряхлые, с палочками. Шли, поддерживая друг друга. Я увидела в этой колонне и нашу соседку с маленьким ребенком на руках и с другими членами ее семьи, и еще подумала тогда: так вот для кого мама ей давала молоко... Дома я рассказала, что евреев куда-то повели. А на следующее утро в городе стало известно о расстреле. Рассказывали, что земля в яме, куда сбросили расстрелянных, шевелилась,

ходуном ходила – вместе с убитыми туда упали и раненые, и, может быть, дети, совсем не задетые пулей...».

Газета «Новости Пскова», 23 февраля 1998 г.: «Командовал расстрелом немец, а убивали людей русские каратели. Полицаи, среди них был и Сердитов, выводили из стоявшей на дороге колонны по 3–5 человек, раздевали их догола, отрывали друг от друга прощавшихся женщин, мужчин, стариков, детей и вели их к выкопанному в лесу рву. Раздавались выстрелы – и опять отбор новой партии. Когда стихли последние залпы, но пороховой дым стлался по кустам урочища, каратели покинули место казни, увозя на подводах одежду и обувь своих жертв. И тут в наступающих мартовских сумерках из урочища на дорогу выбралась в одной рубашонке и босиком девчушка и припустилась бежать к видневшимся вдали постройкам. Прибежала она в совхозный поселок Земский двор. Из ее сбивчивого рассказа можно было только понять, что ее мать в последнюю секунду успела прикрыть дочь своим телом и упала на нее, сраженная пулями. Женщины приняли девочку как родную и спрятали в укромном месте. Но нашлась-таки подлая душа и выдала немцам тайну. Приехал Сердитов с другими полицейскими, отыскивали девочку и увезли ее в Опочку. И.Н. Чернов, житель поселка, вспоминал, что ему никогда не забыть расширенных от ужаса глаз девочки. Позднее на вопрос Чернова: “Что с девочкой?” – Сердитов ответил: “То же, что и с ее матерью, они теперь вместе”».⁵⁰

Газета «За Родину», Псков, 4 декабря 1942 г. Из статьи «Опочка обновляется»: «Идешь по городу и удивляешься: прошло немного более года, как немецкие солдаты пришли в Опочку, а уже многое изменилось. Улицы сглажены, посыпаны гравием и утрамбованы; на месте старых обгорелых развалин возникли новые, удобные дома. Их строят немецкое командование и частные граждане. Жители с каждым днем убеждаются, что для них настала новая эра, открытая немецким народом».

Осенью сорок третьего года немцы, понимая, что рано или поздно из Опочки придется уходить, выкопали трупы расстрелянных евреев и сожгли.

Из акта Опочецкой районной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников от 29 ноября 1944 года: «Свидетель Порозова Евдокия Степановна по вопросу сожжения Советских граждан рассказала: “Проживая в 300 метрах от места сожжения трупов еврейского населения, я была очевидцем этого факта. Осенью 1943 в течение 2-х суток немцы на костре сожгли трупы расстрелянных евреев, место сожжения их охранялось вооруженными немцами, дорога, проходившая через дер. Пухлы, в течение 2-х суток была закрыта. К месту сожжения беспрерывно ходили немецкие автомашины – подвозили дрова”.

Произведенным осмотром места сожжения установлено: в 2-х метрах от ямы, где были зарыты трупы расстрелянных евреев, на поверхности почвы имеется большое количество человеческой кости, сожженных на костре. (Список расстрелянных и сожженных прилагается)».

Газета «За Родину», Псков, 31 августа 1943 г.: «В июле прошлого года в Опочке (Лен. обл.) был дан первый спектакль местного драматического кружка, организатором которого явился беженец – режиссер и артист Рославлев, автор книги “Дело народной сцены”. Рославлев устроил в городе вечер художественного чтения Пушкина, Гоголя, Толстого и Чехова, а уже через месяц поставил пьесу Островского “Не все коту масленица”. Первое время ставились больше водевили, скетчи и т.п., а также устраивались “пестрые вечера”: рассказы, пение, танцы. Руководил этой работой бывший слушатель студии при новгородском театре Плегер. Скоро определились молодые театральные силы: Яковлев, Федорова и другие. Пьеса Мольера “Лекарь поневоле” имела шумный успех у зрителей и была поставлена три раза. Сейчас драматический кружок под руководством Рославлева готовит пьесу Островского “Без вины виноватые”».

Памятник расстрелянным евреям поставили в семьдесят пятом году. Небольшой беленый обелиск с красной звездой. Правда, на нем не написано, что расстреляли на этом месте евреев. Написано, что расстреляли советских граждан. С одной стороны, и это тоже

правда, а с другой... Теперь за памятником ухаживают учащиеся опочечкой коррекционной школы. Назначили их ухаживать еще в советское время, и с тех пор они и ухаживают. Хорошо ухаживают. Вокруг все чисто. Рядом с обелиском стоит бетонный недоделанный постамент. Говорят, что скоро устроят здесь памятник, на котором будет написано, что расстреляли здесь евреев, но как скоро... Говорят, что там напишут имена и фамилии расстрелянных. Наверное напишут. Пока не написали. Говорят, что уже вот-вот, но пока...

И еще о памятниках. На городском кладбище неподалеку от кладбищенской церкви похоронена Евгения Ивановна Иванова и ее родители. Памятники у них самые обычные. На черном граните памятника Евгении Ивановны гравирован портрет бесконечно усталой доброй женщины в строгом учительском костюме. Необычна только табличка «Праведники народов мира», установленная рядом. Евгения Ивановна все три года, что Опочка была под немцами, вместе со своим отцом, Иваном Ефимовичем, прятала у себя дома еврейского ребенка – Бориса Каминарова.

Мальчик случайно оказался в Опочке. Его родители перед войной решили переехать из соседнего Невеля в Опочку, где получили работу в педучилище, а Боря остался заканчивать пятый класс в Невеле, где жили его бабушка и дедушка. Немцы вошли в Невель в середине июля и немедленно всех евреев согнали в гетто. Уже четвертого сентября они были расстреляны. По одной из версий, Боре удалось бежать из лагеря – мать его друга перерезала колючую проволоку, а по другой – он выкарабкался из-под груды трупов расстрелянных в овраге людей и пешком ушел в Опочку. Родителей, к тому времени, как он пришел в Опочку, там уже не было – его мать эвакуировалась, а отчим – Павел Иванович Гончаров был призван в действующую армию. По дороге в Опочку мальчика приютила женщина, жившая на хуторе возле городка Пустошка, что на полпути от Невеля до Опочки. Надолго оставить она его у себя не могла – за укрывательство евреев полагался расстрел. Перед тем как отправить его в Опочку, она Борю крестила и дала ему имя Миша. В городе Боря, поскольку немцы ее уже оккупировали, снова попал в гетто, но уже в опочечкое. Оно и немудрено, поскольку внешность у Бори была...

О том, что мальчик находится в гетто, случайно узнали знакомые его родителей. Они написали прошение в комендатуру, чтобы им отдали Борю на поруки как сына русского учителя. Самое удивительное, что его отдали. Учителя решили, что Боря будет жить по месяцу в каждой учительской семье. Месяц он прожил в доме Евгении Ивановны, а потом... учителя передумали. Все прекрасно понимали, что им будет, если у них дома найдут еврейского ребенка. Вот так и прожил все три года оккупации Боря Каминаров у Евгении Ивановны Ивановой. С Борей было сладить трудно. Несколько раз он без разрешения уходил из дома, несмотря на строгий запрет появляться на улице. Несколько раз воровал продукты с немецкого склада. Несколько раз его забирали в комендатуру. Каких трудов стоило Евгении Ивановне и ее отцу его оттуда вызволять...

Немецкие патрули регулярно обходили дома опочан, и однажды Евгения Ивановна не успела спрятать Борю. Иван Ефимович лег на кровать, велел мальчику лечь рядом и отвернуться лицом к стене. Они притворились спящими, а Евгения Ивановна сказала патрулю, что это муж и сын – работали, устали и отдыхают.

В двухтысячном году Евгении Ивановны не стало. Через тринадцать лет посол Израиля вручил ее дочери почетную грамоту и медаль, а звание праведников народов мира Евгении Ивановне и Ивану Ефимовичу присвоили посмертно. В том же году на могилах Евгении Ивановны и ее отца установили и табличку⁵¹.

Опочку очистили от немцев части 10-й гвардейской армии 2-го Прибалтийского фронта в середине июля сорок четвертого года – ровно чрез три года после начала оккупации. Опочечкая районная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников, начавшая свою работу в конце ноября сорок четвертого года, установила, что за годы оккупации в Опочке немцами расстреляно

шестьсот тридцать четыре человека, угнано в Германию четыреста семьдесят четыре человека, сожжено пятьдесят пять деревень. Двадцать семь из них так и не восстановили. Общий ущерб составил два миллиона рублей. Так написано в одних источниках. В других, что три миллиона. Теперь это не имеет никакого значения, а тогда... Тогда, после ухода немцев, все просто стояло обгорелое, взорванное и под ногами лежал битый кирпич.

Нужно было все восстанавливать. Уцелевшие каменные здания можно было пересчитать по пальцам: одна из средних школ, поскольку в ней находился немецкий госпиталь, педучилище, здание которого во время оккупации занимала комендатура, четырехэтажный корпус присутственных мест и Дом Советов, которые немцы просто не успели взорвать, и все. Три школы, Дом культуры, кинотеатр и городская библиотека были сожжены, электростанция, хлебопекарня, райпромкомбинат, четыре завода – кирпичный, гончарный, лесопильный и завод по производству спирта разрушены. От железнодорожной станции Опочка-2 остались одни развалины и разобрана часть путей, взорван мост через Великую.

Можно, конечно, подробно описать, как все восстанавливалось, как разминировали территорию льнозавода, как девятого мая сорок пятого заложили парк Победы при входе на городской мост, как в начале шестидесятых деревянный мост через Великую заменили на железобетонный, как восстанавливали электростанцию, как восстановили раймаслосырзавод, как его из года в год награждали переходящим Красным знаменем и грамотами Совета министров, как построили кинотеатр «Маяк»⁵² и хлебокомбинат с котельной, как оснастили ремонтный завод полуавтоматическими фрезерными, токарными и шлифовальными станками, как велось жилищное строительство, как в шестьдесят втором заработал завод железобетонных изделий, а еще через десять лет там появился первый в стране цех по производству армооболочек... только все это материи скучные, а в случае армооболочек еще и очень скучные, хотя и первые в стране, но это было, и даже не все успело порастить быльем. Хлебокомбинат, которому уже без малого семь десятков лет, снабжает город хлебом, восточными сладостями и безалкогольными напитками, завод пищевых продуктов выпускает майонез и горчицу. У них и рентабельность растет год от года, и новые виды упаковки внедряются, и почетные грамоты работникам завода за успехи в труде выдаются. Есть еще кожгалантерейная фабрика. Она, правда, осенью двадцатого года горела так, что ее работницы из окон выпрыгивали, но теперь восстановилась и переехала из сгоревшего здания на четвертый этаж присутственных мест. Присутственным местам не привыкать. За двести с лишним лет, которые прошли со времени их постройки, кто только в них не квартировал. На фабрике всего полсотни рабочих мест, но для Опочки и такое количество совсем не пустяк. Почти тридцать лет работает компания по производству соков и нектаров из лесных и садовых ягод северных областей России. Работает индустриально-педагогический колледж, в котором можно выучиться и на повара, и на сварщика, и на маляра, и на электромонтажника, не говоря о штукатуре, и даже на учителя начальных классов, но... молодежь все равно уезжает учиться и работать в Псков, в Петербург, в Москву, в... да куда угодно уезжает. Потом приезжает отдыхать, потом присылает к бабушкам и дедушкам детей, потом дети присылают внуков, потом...

И еще. После войны, в середине пятидесятых, улицу Ленина застроили аккуратными двухэтажными домиками, которые у нас называют «сталинками». Они и сейчас там стоят вперемешку с чудом сохранившимися купеческими. Перед детским садом на потрескавшихся постаментах гипсовые, выкрашенные серебрянкой маленькие дети кормят гипсовых голубей, а в устроенных во дворах палисадниках цветут спиреи, чубушник и лилии. Клумбы огорожены половинками побеленных кирпичей. Перед небольшими сарайчиками сложены в поленницы дрова. На скамейках сидят бабушки и ведут свои бесконечные разговоры о приехавших на лето внуках, или о ценах на сахар, или о том, что Федор Михайлович на старости лет выжил из ума и такое... или Иван

Сергеич... или оба два... Одним словом, срамота, да и только. Постыдились бы внуков. Кажется, что из-за угла вот-вот выбегут чумазные мальчишки и девчонки, играющие в казаков-разбойников, но... не выбегают. Бог знает почему. Может, их в этом году родители повезли загорать к морю в Турцию или в Сочи. Ну, не в этом, так в следующем году приедут. В конце концов бабушки и дедушки живут в Опочке уже седьмую сотню лет, и всегда к ним приезжали внуки. Пушкин в Опочку приезжал, и они приедут⁵³.

¹Неподалеку от современной Опочки, возле деревни Кирово, есть место под названием Духова гора. В первом тысячелетии нашей эры на этом холме высотой около пятнадцати метров было городище. Жили на нем сначала какие-то балтийские племена, потом пришли славяне-кривичи, потом они все перемешались, потом холм опустел, но на нем осталось каменное изваяние Перуна, потом из него сделали каменный крест, потом крест ушел в землю, а на холме поставили часовню Сошествия Святого Духа, и когда, по преданию, Иван Грозный перед смертью приказал составить реестр святых мест, то в него внесли Духову гору, поскольку уже тогда она была местом оживленного паломничества. Сама часовня новая – ей лет тринадцать, а фундамент под ней старинный – чуть ли времен Ивана Грозного. Приходят туда большей частью за исцелением от самых разных болезней и за исполнением желаний. Тоже самых разных. На полпути к вершине холма, где-то на высоте семи с половиной метров, лежит большой плоский камень. Нужно постоять на нем босыми ногами, и болезнь уйдет. Или начнет уходить. Камень, правда, помогает не от всех болезней, а только от болезней ног. Рядом с камнем все деревья и кусты обвязаны разноцветными лентами, символизирующими болезни, которые оставляют или хотят оставить паломники. Сначала эти ленты вешали на часовню, но потом местный священник запретил это делать, и тогда стали ими обвязывать деревья.

Когда вы заберетесь на вершину холма и войдете в часовню, не забудьте, стоя перед иконами, развернуть руки ладонями вверх. Почувствуете легкое покалывание в ладонях или даже заломит руки – значит через вас пошел поток энергии. Если не почувствуете – значит не пошел, или пошел, но не через вас. Между прочим, приезжали на Духову гору из Пскова специалисты по паранормальным явлениям и подтвердили, что на вершине горы существуют два энергетических потока – один восходит, а другой совсем наоборот. Потоки очень сильные. Некоторые экстрасенсы из паранормальных буквально падали в обморок. Сам-то я не видел, но мне рассказывал человек, которому тоже рассказывали. Из нормальных приезжали еще и физики с приборами. Сказали, что прямо под горой проходит разлом земной коры. Короче говоря, при желании можно зарядиться положительной энергией, не выходя из часовни, а можно и наоборот – все зависит от того, в какой энергетический поток попадешь. При выходе из часовни знающие люди рекомендуют заматывать следы. Это, как утверждают местные жители, способствует миру в семье. Для этого возле входа в часовню поставлен веник. Можно даже за собой и полы помыть. Рядом с веником стоят швабра и ведро с тряпкой. Тогда мир будет еще прочнее и здоровье укрепится. После того как выйдете из часовни, необходимо ее три раза обойти против часовой стрелки. Можно, конечно, и не обходить, если вас не интересует результат. Как будете обходить – приглядитесь к стенам часовни, и увидите, что в каждую щель или трещину в бревнах вставлены бумажные записочки со списками пожеланий и монеты. Кстати, исцеляющий камень, на котором нужно постоять босыми ногами, тоже усыпан мелочью.

Рассказывают про одну бабушку, которая в детстве не могла ходить. Ее родители привезли к часовне и оставили на ночь. Бабушка в детстве пролежала в часовне всю ночь и видела свечение. Утром ее родители забрали домой, и она стала ходить. Не сразу, конечно, а недели через три или даже четыре. Еще был случай, когда один мужчина срубил себе на Новый год елку на вершине горы. Так он потом лишился ноги. То ли ему

отрубили ее, то ли он ее потерял – неизвестно. Правда, не сразу это произошло, а месяца через три.

И еще. На вершине горы есть маленькое кладбище из нескольких десятков могил жителей деревни Кирово, на котором, случается, и сейчас хоронят, а под горой – большое, но там уже не хоронят. На большом стоит восемь стел черного гранита, сверху донизу исписанных названиями деревень и фамилиями жителей окрестных деревень, погибших или пропавших без вести во время последней войны.

²Один из первых опочецких историков Иван Петрович Бутырский в своей книге «Опыт древней истории города Опочки» утверждал, ссылаясь на летописные источники, что Опочка гораздо старше и была построена на месте села Опочня или близко от этого места, а село это упоминалось в летописях еще в триста сорок первом году, поскольку в нем немцы убили пять псковских послов, и даже приводит имена этих послов – Михаила Любиновича, Евана Михайловича, Семена Леонтьевича, Власия Колотиловича, и Анфима Полуторановича. Другой опочецкий историк – Леонид Иванович Софийский в своей книге «Город Опочка и его уезд в прошлом и настоящем», нисколько не сомневаясь в том, что послов именно так и звали, ссылаясь на практически те же самые летописные источники, утверждал, что город Опочка не имеет никакого отношения к селу Опочня и что село это находилось гораздо севернее, ближе к границе с Лифляндией и Витебской губернии, где протекают реки Опочна и Опоченка, и потому... Не будем мешаться в спор двух краеведов. Тем более, что они оба давно умерли, оставаясь каждый при своем мнении. (Тем более, что Софийский, как выяснилось впоследствии, оказался прав.) О псковских послах и говорить нечего. Городу Опочке, слава Богу, уже шестьсот с лишним лет. Что ему какие-то лишние семьдесят лет...

³Современный человек думает, что начинали строительство средневековых русских крепостей со стен и других оборонительных сооружений, а уж потом строили церковь, но на самом деле все было ровно наоборот – сначала закладывали храм, а уж потом начинали строить все остальное, достраивая в то же самое время и церковь.

³Почти такой же случай произошел в тысяча пятьсот тридцать втором году при осаде татарами Солигалича. Правда, осажденные крестным ходом не ходили, но преподобный Макарий Желтоводский и Унженский и сам, видя, в каком тяжелом положении находился город, небесным покровителем которого он являлся, появился конным на валу и прикрыл своим багряным плащом город. Так рассказывали очевидцы, и так с их слов записано в «Житие преподобного Макария Желтоводского и Унженского». Там же сказано, что «погани ослепли и сами себя изрубили», а те, кто не были изрублены, сняли осаду и ушли. Удивительно и то, что осада Солигалича татарами длилась почти столько же, сколько осада Опочки – две ночи и три дня.

⁴Через два года после осады Опочки Витовтом, в четыреста двадцать восьмом году, по просьбе опочан с простреленной иконы был сделан список. Это не была точная копия – к образу Спасителя, Богородицы и Николая Чудотворца были прибавлены изображения преподобных Исаакия, Далмата и Фавста, память которых отмечается третьего августа – в тот самый день, когда Витовт ушел от стен Опочки. В пятьсот пятьдесят четвертом году к иконе, по случаю создания для нее оклада, была прикреплена серебряная пластинка, на которой, среди прочего, было гравировано «...лета 6936 написана бысть икона сия повелением рабов Божиих старост Опочке града Семеном Колосовым и Федором Глиною и всеми Опочаны при посадниках опочцких Прокофии Макове да Тимофеи Поткине и при Зеновье и приде князь Тото* с тотары и с ляхи и в силе велице в день субботный и град Опочку хотя взя и лезли ко граду от утра до нощи и отодесть посрамлену и много своих голов положив князей тотар а град Опочку соблюде и люди здравы молитв святая Богородица и святого Николы и святых отец Долмата и Фауста Исака а писал Иев дияк».

*Тото – Витовт.

⁵Пехота, вооруженная огнестрельным оружием.

⁶О польском короле Сигизмунде, снаряжавшем войско вместе с Великим Княжеством Литовским для завоевания Псковских земель и одновременно посылавшем своих послов в Москву вести переговоры о мире, в Степенной книге, составленной митрополитами Киприаном и Макарием, сказано: «Сице лукавнующий Краль Жигмунт своим злокозистством коварствова...».

⁷«Арахтыктаны, аристотели» – это архитекторы, они же военные инженеры, они же фортификаторы. Конечно, хочется написать, что «аристотели» – это боевой отряд философов. Увы, это не так. Кабы это был он – непременно так и написал бы, можете не сомневаться.

⁸Опочане в честь героической обороны построили, кроме церкви во имя Св. Сергия Радонежского, еще церковь Св. Параскевы Пятницы, храм апостола Фомы и евангелиста Луки, в день чествования которого завершилась осада крепости.

⁹Через семнадцать лет окольный Иван Ляцкий, назначенный вторым воеводой сторожевого полка в Коломне, бежал к польскому королю Сигизмунду вместе с боярином князем Семеном Бельским. Там и прожил до самой смерти еще восемнадцать лет. Принят был королем благосклонно и благодетельствован земельными пожалованиями. На основании данных Ляцкого картограф Антон Вид составил подробную карту Московии. Хорошая была карта и названия русских областей и городов на ней были очень точными. Опочка (Opotzki) на ней тоже есть. Антон Вид сам признавался, что «немалое содействие» ему в создании карты оказал Иван Ляцкий, окольный великого князя Московского. Ляцкий, по настоянию Сигизмунда Герберштейна, составил описание Московии, которым и пользовался Антон Вид при составлении своей карты.

Между прочим, Каспар Вепелиус, на карте которого тоже отмечена Опочка, пользовался в своей работе картой Антона Вида. Карта Вепелиуса появилась в 1555 году, а Ляцкий послал Герберштейну, с которым состоял в переписке, свою карту уже в 1541 году. Вот и выходит, что Опочка впервые появилась на карте Европы благодаря Ивану Ляцкому, который сначала помог разбить поляков и литовцев, а потом к ним убежал. Вряд ли мог он забыть про события пятьсот семнадцатого года, пусть и через семнадцать лет. К истории самой Опочки, впрочем, этот факт если и имеет отношение, то очень отдаленное.

¹⁰Герберштейн был в Опочке дважды – в пятьсот семнадцатом и в пятьсот двадцать шестом годах и писал, что крепость с берегом Великой соединял плавающий мост, по которому лошади переправляются по большей части по колено в воде. По всей видимости мост прогибался под тяжестью большого количества всадников. Крепость Опочка сделана из дерева и находится на вершине островерхого холма, под которым выстроено большое количество домов. «Они называют это городом», – писал Герберштейн, скорее всего, об опочечком посаде.

¹¹Нет, евреев в те времена в Опочке еще не было, а Жидовская улица называлась так потому, что упиралась одним концом в речку Жидовку, которая, в свою очередь, называлась так потому, что вытекала из болота и была маловодной, то есть жидкой. Всю местность вокруг Жидовской улицы местные жители называли Жидовским концом, точно так же, как и местность вокруг Федосовой улицы называлась Федосовым концом.

¹²К описанию самой Опочки прилагается перепись населения. Перепись как перепись – пушкари, воротники, дьячки, стрельцы, дворцовые и вольные крестьяне, старец богадельной избы и посадские люди. Среди множества Гаврилок, Петрушек, Архипок, Гришек, Терешек и Матренок с самыми обычными фамилиями вроде Григорьев, Пучков, Макухин, Андреев и Макаров, среди прозвищ Тележник, Таможенник, Сидяка и даже Великая Борода, встретился мне стрелец Давыдка Дешевый. За что его так... теперь уж не узнать. Может, любил он менять шило на мыло, может, ходил от жадности в дырявом кафтане, может, продешевил, продавая казенную пищаль или саблю, чтобы пропить вырученные деньги... кто его знает, а только не приведи Господь попасть с таким

прозвищем в перепись, потому как «пойдет оно ему в род и потомство, утащит он его с собою и на службу, и в отставку, и в Петербург, и на край света».

¹³В Опочке своего знаменитого земляка помнят – ему установлен бюст на одной из центральных улиц города. В пионеры, конечно, возле него не примешь по причине отсутствия таковых, да у них и свой памятник для таких случаев имеется, но молодых дипломатов или почтальонов могли бы.

¹⁴На полях строительства зелейного погреба напишем синопсис повести о том, как поссорился опочецкий воевода Афанасий Редриков и опочецкий же стрелецкий голова Савва Мордвинов. Стрелецкий голова хотел получить от воеводы право управлять посадскими людьми и теми стрельцами, которые жили в посаде, а не в особых стрелецких слободах. Редриков такое право уступать не собирался, поскольку воевода всегда командовал всеми стрельцами, и вообще кто он такой, этот Савва Мордвинов, чтобы угрожать воеводе и распоряжаться кузнецами, которые должны изготовить железные двери к зелейному погребу, когда такими делами всегда ведал воевода, а не стрелецкий голова. Мало того, Мордвинов скрыл от Редрикова, что получил от начальства указ, в котором прямо говорится, что именно воевода... Короче говоря, стрелецкий голова пришел в верхний город и, как писал Редриков в своем донесении псковским воеводе и дьяку, «учал меня бранить и палкою бить и за горло давить, зипун на мне изодрал... И вышед в приказную избу всяко неподобно бранил меня, бесчестил. И у приказной избы, за город идучи, похвалялся разве де тебе за город не ездить? А для чего он, Савва, то говорил, и я тех его похвальных слов впредь опасен, чтобы он надо мною какова дурна не учинил». Чем дело кончилось – неизвестно, но погреб построили и железные двери на него навесили.

¹⁵Трудно удержаться от того, чтобы не привести хотя бы в примечаниях документ, который в наше время называется актом приемки-сдачи. В данном случае это акт приемки Опочки шестьсот девяносто седьмого года. Воевода Алексей Дябринский принимает город у воеводы Ивана Харламова и пишет по этому поводу псковскому начальству: «Великаго Государя Царя и Великаго Князя Петра Алексеевича... ближнему стольнику и воеводе Ивану Степановичу с товарищи Алексей Дябринский челом бьет. В прошлом 204 (1696) году апреля в 23 день по указу Великаго Государя и по наказу, каков мне дан на Москве и разряду за припискою дьяка Ивана Кобякова, велено мне быть в Опочке на Иваново место Васильева сына Харламова и переменить его, Ивана, на срок, в нынешнем сего году марта в 22 числе. И ему, Ивану, с расписным списком велено ехать к Москве, и приехав в Опочку принял (я) у Ивана Харламова город Опочку, и острог, и ключи городовые и острожные, и казенные и наряд, и в казне зелье и свинец и всякие пушечные и в житницах хлебные запасы и соль запасную, и деньги, что есть в сборе, и Великаго Государя указные грамоты о всяких Великаго Государя и о челобитчиковых делах и книги приходные и расходные деньгам, и хлебу и зелью, и свинцу и всяким пушечным и хлебным запасам и всяким приемным статьям, и списки Опочецких стрельцов и казаков и всяких Опочецких служивых и жилецких людей, и всякия Великаго Государя и челобитчиков и судные вершения и невершения дела, и тому всему и городовому и острожному и всякому строению роспись за его, Ивановой, рукой и по росписке города, и острога и всяких городовых и острожных крепостей и нарядом людей, зелья, и свинцу и всяких пушечных и житницах хлебных запасов и запасных соли досмотрети и по спискам Опочецких стрельцов и казаков и всяких жилецких людей пересмотреть всех на лицо и велеть им на Опочке быть с собою по прежнему Великаго Государя указу, а на Опочке зелье, и свинец и соль велеть перевесить, а хлебные запасы, пересмотреть и по приходным и расходным, книгам в денежных доходах и в хлебных запасах и в зелейной и в свинцовой казне и во всяком приеме его Ивана, счесть с того числа, как он на Опочку приехал, да на то число, как он переменен будет, и чего против прихода в расходе и за расходом, на лицо не будет, и то на нем Иване, в казну Великаго Государя взять сполна, а не взяв всего с Опочки его отпущать не велено.

И по указу Великого Государя приехал я на Опочку и прежнего воеводу переменял нынешнего сего года апреля в третий день и город Опочку и городовые, и острожные и казенные ключи, и наряд, и в казне зелье, и свинец, и всякие пушечные и житницах хлебные запасы за приемом Опочецких пушкарей Терентья Шамилова с товарищи, да целовальника Опочанина посадского человека Иванка Овечкина и Великого Государя указные грамоты и книги приходные и расходные деньгам, и судные и всякие письменные вершенныя и невершенныя дела и списки Опочецких служилых и жилецких людей по росписному списку принял и его, Ивана, с росписным списком отпустил из Опочки к тебе, ближнему стольнику и воеводе Ивану Степановичу с товарищи, во Псков. А по приему город Опочка: верхняго города стена вся огнила и нижняго острога прясло у Жидовки речки от Спасских ворот к Великой реке с нижняго острогу в верхний город через Великую реку и по Псковской дороге за Псковскими вороты через Великую реку мосты огнили и обрушились и омбары, в которых ружейный, и фетильный и пушечный припасы, кровли огнили и обрушились и впредь непрочен и о строении казенных амбаров и городских стен и мостов, ближний стольник и воевода Иван Степанович, что скажешь». Что тут скажешь... Ремонтировали, ремонтировали, а кровли у амбаров огнили и обрушились, мосты огнили и обрушились, стена огнила...

¹⁶Л.И. Софийский пишет, что и генерал-губернатор, и губернатор Псковской губернии переехали в Опочку и прожили в ней без малого год, пока Пскову не вернули звание главного города губернии, и даже указывает их адреса, но, если судить по переписке губернатора Кречетникова, они там и не думали появляться, хотя Софийского понять можно. На его месте любой краевед написал бы то же самое.

¹⁷Об этих зданьях опочане в последствии сложили поговорку: «Отслужи царю-батюшке в солдатах, помолись в церкви господу-богу и с чистой совестью садись в тюрьму».

¹⁸В то время, как опочечное начальство заказывало в Москве колокола для нового Спасо-Преображенского собора, в Опочке жил свой, опочецкий, колокольных дел мастер Федор Максимов. Сложно сказать, почему соборные колокола не заказали у него, хотя с квалификацией было все у него в порядке – колокола работы Максимова имелись и на псковских храмах. Может быть потому, что в конце восемнадцатого и весь девятнадцатый век жители Псковской губернии предпочитали заказывать колокола в Москве. Могли лить у себя дома, во Пскове, могли в Петербурге, поскольку он ближе, но... хотели только в Москве. Кто их знает почему. Может, звон московских колоколов был бархатнее и малиновее. Может, там было дешевле или быстрее делали. Так или иначе, а московские колокола всех псковских мастеров пустили по миру, и Опочка, если судить по документам, была последним местом на Псковщине, где еще жил этот промысел перед тем, как умереть окончательно. Федор Максимов был, если так можно сказать, последним из местных колокольных могикан. Без малого двадцать лет он занимался литьем колоколов. Можно было бы про него и не рассказывать вовсе – к истории города Опочки колокола Федора Максимова немного добавят, но человек, как известно, не остров, а часть материка, который в нашем случае называется Опочка, и потому не будем спрашивать, по ком звонили отлитые им колокола, и материк уменьшать не станем. Никто не знает – сохранились или нет колокола работы Максимова на звонницах Псковщины или Прибалтики, которая в те времена была частью империи, но может быть они и сейчас звонят по кому-нибудь из нас.

¹⁹Строился собор трудно, особенно в самом начале. Казенным архитектором был назначен Иван Парфенов, и стройка велась под неусыпным наблюдением городничего Карла Бриммера. Деньги на строительство были – те самые казенные десять тысяч, которые императрица пожаловала Опочке на строительство храма, но казенные деньги у нас имеют обыкновение кончаться, едва начавшись. Кто в этом был виноват – неусыпное ли наблюдение городничего, рвение ли к порученному делу казенного архитектора, который к приезду в город императрицы вывел стены собора на целый аршин от земли, а

как только она уехала, забросил строительство, расторопность ли подрядчиков – теперь уж не установить, но если бы опочецкий купец первой гильдии Степан Михайлович Викулин не взял строительство через десять лет после его начала в свои руки, и не пожертвовал бы на него значительные суммы из своих собственных средств, то не видать бы опочанам Спасо-Преображенского собора.

²⁰ Смешнее всего то, что местные жители этот камень опокой не называют. Он у них называется «плитой», а опока у них – маленький камешек, размером с булавочную головку. Если такая опока попадет в глину, из которой делают кирпичи, то при обжиге этот кирпич растрескается и разрушится. Тут, конечно, можно было бы порассуждать на тему о том, как трескались и разрушались при обжиге кирпичи Великого княжества Литовского и Речи Посполитой, в глину которых попадала Опочка, но мы этого делать не будем.

²¹ Между прочим, уроженцем села Матюшкино был некто Сергей Григорьев – участник дворцового переворота в ноябре семьсот сорок первого года, в результате которого цесаревна Елизавета Петровна взошла на российский престол. Григорьев состоял в роте гренадер лейб-гвардии Преображенского полка. За участие в перевороте был пожалован в Лейб-компанию гренадером, стал дворянином и получил почти три десятка душ крестьян в Пошехонском уезде. Наградили лейб-компанством и крестьянскими душами в Пошехонском уезде еще четверо опочан, участников этих событий – братьев Матвея и Демьяна Коробовых, Никиту Максина и Осипа Свешникова. Братья Коробовы и Никита Максин родились в Опочечком уезде, а Осип Свешников в самой Опочке. Где, спрашивается, Опочка и ее уезд, а где престол Российской империи... Оказывается, рукой подать от одного до другого.

²² «Для сего торжественного дня собраться в Соборную церковь городничему, всем сей округи господам судьям с канцелярскими служителями, городовому магистрату со всем знатнейшим купечеством и мещанством, и привести туда же порядочно юношество обучающееся в градской школе, где по отправлении божественной литургии и молебственного пения за здоровье Ея Императорского Величества всем тем особам и первому священного чина Начальнику следовать в дом градского училища, где соверша водоосвящение и окропя то училище святой водой, после того одному из церковных начальников приличное надлежит сделать поучение тому юношеству, которое обучаться будет в том училище, и которому надлежит тут собрану и порядочно поставлену быть; а потом всем же поучений прилично достойно возблагодарить Ея Императорское Величество за Ея матернее попечение о благоденствии и просвещении народном; а всё общество пригласить, дабы все и каждое из оногo, следуя правилам во всякой благонамеренной душе впечатлениям, по своей возможности таковому полезному для всего общества делу вспомоществовать поколику и чем кто может; дая тем, как единственным средством оказать свою благодарность к неутомимым попечениям Ея Императорского Величества о благе общем, и своё усердие к оному, а наконец городничему, как первому начальнику в городе открыть то училище, подтвердя учителю онаго усердие к научению юношества ему ввереннаго, а ученикам всевозможное прилежность и послушание, дабы не напрасно они потеряли дорогое время их воспитания и труды употребляемые к их просвещению». Теперь так торжественно не открывают. Знатнейшее купечество и мещанство на церемонию открытия вряд ли придут. Правду говоря, и с матерним попечением о благоденствии и просвещении народном у нас тоже... но молебен, если прикажут, то непременно. Еще и с охотою.

²³ Губернское начальство в лице попечителя училищ Назаретского отвечало Троицкому: «Касательно просьбы Вашей, заключавшей Вашу жалобу на все городское общество, я недоумеваю, что сказать, а и представлять Его Сиятельству, Г-ну Министру Просвещения останавливаюсь, чтоб не навлечь Вам худших последствий: ибо “Si vis esse Roma, romano vivito more”». Попечитель, конечно, имел в виду дословный перевод латинской пословицы – если живешь в Риме, живи по римским обычаям. Проще говоря,

со своим уставом в чужой монастырь не ходят, но неуступчивый Троицкий прочел: с волками жить – по волчьи выть.

²⁴Прежде чем ~~емяться~~ ужасаться нравам опочецких обывателей, подставьте в эту дневниковую запись Лапина вместо Опочки любой другой уездный или губернский город нашей необъятной родины или вовсе тот, в котором вы теперь проживаете, а коронацию Николая Первого замените на любую другую коронацию или вовсе выборы, а уж потом и ужасайтесь. Уж если на то пошло, то лучше вспомнить Достоевского с его «широк человек, слишком даже широк, я бы сузил», но мы и этого делать не будем. Сами вспоминайте и сами сужайте, если охота.

²⁵В том же году в Санкт-Петербурге уроженцем села Бисерово Опочецкого уезда* и выдающимся русским шахматистом Александром Дмитриевичем Петровым была издана книга под названием «Шахматная игра, приведенная в систематический порядок, с присовокуплением игор Филидора и примечание на оные». Петров играл в шахматы с семи лет и в пятнадцать лет победил одного из лучших шахматистов Санкт-Петербурга. С этого момента он считался лучшим шахматистом России. Его даже прозвали русским Филидором. Александр Дмитриевич основал первый в России шахматный клуб, публиковал художественные рассказы о шахматной игре, издал первую в России книгу о шашках, фактически был создателем русской шахматной школы, дослужился до действительного статского советника и был кавалером орденов Св. Анны, Св. Владимира и Св. Станислава. Между прочим, книга Петрова о шахматах (даже два ее экземпляра) была в библиотеке другого опочецкого помещика – Пушкина. Первую Пушкин купил сам, поскольку любил играть в шахматы, а вторую ему подарил автор с надписью «Милостивому государю Александру Сергеевичу Пушкину в знак истинного уважения. От создателя». Ради того, чтобы написать книгу, которую Пушкин не только купил, но еще и читал, стоило научиться играть в шахматы.

*Теперь то место, где была деревня, находится в городской черте Опочки. На красивом здании с башенкой, построенной в девятьсот четырнадцатом году ремесленной школы, висит мемориальная доска с портретом выдающегося русского шахматиста. Раз уж зашла речь о зданиях, то скажем и еще об одном, стоящем напротив здания бывшей ремесленной школы на другой стороне улицы. В неприметном двухэтажном кирпичном доме без всяких мемориальных досок в начале прошлого века помещалось военное присутствие, и начальником этого присутствия был Александр Михайлович Булычев – дедушка писателя Кира Булычева. Он прожил в Опочке несколько лет до своей смерти и похоронен здесь же, чего нельзя сказать о шахматисте Петрове, который как в девять лет отроду покинул Опочку так больше никогда в нее и не возвращался.

²⁶Вообще опочане любили сказать красиво и даже велеречиво. К примеру, их жалоба архиерею на Святогорский монастырь, не разрешавший прихожанам городского собора продажу свечей во время ежегодного крестного хода, начиналась так: «Четыреста седьмой год идет, как наш город Опочка в видимом мире существует, сие мы довольно из истории знаем...».

²⁷Наверное, это несущественная подробность, имеющая к истории Опочки двояродное или даже троюродное отношение, но приобщим к делу и ее. В повести «Метель» венчание происходит в селе Жадрине, а в Опочецком уезде был погост Жадры*. Кто-то скажет, что мелочь, но... нет, не мелочь.

*Правда, и в Новоржевском уезде есть погост Жадрицы, но о нем в связи с «Метелью» мы будем вспоминать, когда речь пойдет о Новоржеве и его уезде. ~~Некоторые и вовсе утверждают, что Пушкин в «Метели» описал церковь в селе Жадрино Нижегородской губернии.~~

²⁸К началу двадцатого века Болычев был крупнейшим землевладельцем опочецкого уезда. Он выстроил себе огромный деревянный дом-терем с резными балконами рядом с Опочкой и зажил на широкую ногу, но... тут грянул семнадцатый год. В имении Болычевых устроили интернат для инвалидов РККА. Просуществовал интернат до войны, а после войны там помещался детский дом. В пятьдесят шестом году детский дом закрыли, а из терема сделали обычный жилой дом. В начале девяностых жильцы стали оттуда съезжать в более благоустроенное жилье, но еще до их отъезда, в восемьдесят четвертом году в саду перед домом снимали сцены кинофильма «Огни» по рассказам Чехова, и на веранде дома артист Леонов-Гладышев целовал руки артистке Догилевой.

Теперь заросший крапивой и донельзя обветшавший дом находится в собственности одного опочецкого бизнесмена, который выставил его на торги, поскольку не в состоянии содержать. Он, конечно, памятник архитектуры регионального значения, но... хотя бы и федерального. Можно, конечно, его отреставрировать и устроить в нем гостиницу или санаторий, но стоит это несусветных денег, да и поедут ли сюда отдыхать... Вот и получается так, как получается.

Что же до наследников Болычева, то они в двадцать пятом году уехали из Опочки и более в нее не возвращались. Осели кто в Нальчике, кто в Угличе, а кто и вовсе где-то на Алтае.

²⁹В восемьсот семьдесят первом году произошло событие, не имеющее к истории Опочки никакого отношения. Оно и к Опочецкому уезду... Короче говоря, была в уезде деревня Щукино. Теперь она в соседнем Пустошкинском районе, ну да это все равно. Исстари владели этой деревней опочецкие помещики Назимовы. Род у них старинный, известный еще с пятнадцатого века. Еще при Иване Грозном Назимовы ходили в походы против татар, Литвы и Ливонского ордена. С восемнадцатого века Назимовы стали служить во флоте. Павел Николаевич Назимов, сын вице-адмирала Николая Николаевича Назимова, в восемьсот семьдесят первом году, командуя в чине капитана второго ранга винтовым корветом «Витязь», совершил переход из Кронштадта вокруг Южной Америки в Тихий океан в залив Астролябии и по просьбе Русского Географического общества высадил Н.Н. Миклухо-Маклая на северо-восточный берег Новой Гвинеи. Еще и открыл пролив, названный по имени его корабля – «Витязь». В Щукино Павел Николаевич приезжал отдыхать между своими многочисленными походами. Может, можно было бы и не вспоминать, но... лучше вспомнить.

³⁰Охотники делились на команды, а команды делились на колонны. Колонн было четыре: лазильщики, спасавшие людей, имущества и ломающие, в случае нужды, здания; трубники, работающие пожарными трубами; качавшие изо всех сил воду качальщики и, наконец, охранители, охранявшие спасенное имущество. У каждой колонны был свой колонновожатый, у каждой пожарной трубы был свой командир, а ко всему этому два брандмейстера. Каждому брандмейстеру полагалось по две пары усов – одна для повседневной службы, а вторая для парадов и визитов к кухаркам и горничным в свободное от службы время. У обычных охотников на все случаи жизни была одна пара усов, часто обгорелых и порыжевших, поскольку выдавали их раз в три года.

Тем, кто состоял в отряде хранителей, присваивался знак с номером и надписью «Отряд хранителей» и выдавалась белая нарукавная повязка с красной буквой «О», которую надевали на левую руку. Первое отделение хранителей имело нагрудные знаки на белой подкладке, а второе – на красной. Существовали правила поведения охранителей на пожаре. Они должны были «обращаться с публикой самым спокойным и вежливым образом, не употребляя насилия». Из чего можно было заключить, что вежливо попросить опочецкого обывателя отойти от имущества погорельцев у охранителей получалось крайне редко. Жизнь всех охотников была застрахована во Всероссийском обществе «Голубой крест», членом которого Опочецкое вольное пожарное общество состояло.

³¹Были в Опочке и недобровольные пожарные, состоявшие на жаловании у властей. То есть они не сразу у города завелись. Еще в начале девятнадцатого века купили

пожарные трубы бочки, багры, железные лапы, три десятка ведер на железных обручах, три бочки, четыре лестницы... но команды пожарных не было. Даже отдельных пожарных не было. Тушение пожаров было предписано производить полицейским и жителям города. Последние должны были являться на пожар с различными противопожарными инструментами, лошадьми и бочками. В восемьсот тридцать восьмом году ко всему этому противопожарному войску власти приставили ученика брандмейстера, специально обученного в Пскове при пожарном депо. В восемьсот сорок четвертом году городничий так и докладывал: «Пожарная команда состоит из одного брандмейстерского ученика. Содействие оказывают полицейские вольнонаемные служители и назначаются городской Думой городские жители и обывательские лошади». Еще через пятнадцать лет полицейская и пожарная команда насчитывали в своих рядах девять рядовых воинских чинов внутренней стражи из неспособных II разряда*. В восемьсот семьдесят шестом году городская пожарная команда состояла из трех человек и платили им по 96 рублей в год каждому. Ну и как такой команде состязаться с добровольной пожарной дружиной, насчитывавшей десятки организованных в колонны охотников, охранителей, лазильщиков и трубников с красивыми нагрудными знаками и нашивками на красных и белых подкладках? То-то и оно... Это мы еще и не упоминали о том, что из трех пожарных труб всего одна была исправной, что сарай, в котором они хранились, обветшал, что денег на ремонт не было...**

*Неспособные II разряда это вовсе не инвалиды второй группы, как можно было бы подумать, а освобожденные от службы молодые люди, по причине того, что они были единственными трудоспособными сыновьями в семье при трудоспособном отце и нетрудоспособных братьях.

**Может, к истории Опочки это и не имеет прямого отношения, а все же... Уроженец Опочечкого уезда крестьянин С.А. Гусев, работавший в мастерских компании «Пламябой», изобрел огнезащитные составы и краски, которые прошли многочисленные испытания на механических и судостроительных заводах и железнодорожных станциях. Результаты были очень хороши, и в девятьсот девятом году на столичной выставке «Новейших изобретений» изобретенные Гусевым составы получили золотую медаль. Мало того, главное инженерное управление министерства обороны рекомендовало изобретателю разослать предложение о применении таких составов и красок во все подведомственные управлению подразделения, что Гусев и сделал. Свою Псковскую губернию он тоже не забыл и написал письмо губернатору графу Адлербергу. Что ответил ему губернатор – неизвестно. Как сложилась дальнейшая судьба изобретения и самого изобретателя – тоже неизвестно. Оно и хорошо. Не ровен час, краски эти военные по своему невежеству не стали бы покупать, а граф Адлерберг и вовсе не обратил бы на письмо внимания, и Гусев загрустил бы, впал в меланхолию и, не дай Бог, запил. Будем думать, что все окончилось хорошо, и только в семнадцатом году, когда все рухнуло, Гусев, к тому времени разбогатевший и ставший хозяином собственного небольшого лакокрасочного заводика, был разорен и только после этого загрустил, впал в меланхолию и запил.

³²Больница была рассчитана на полсотни коек, работало два врача и четыре фельдшера. Всего на сто сорок тысяч населения уезда, включая Опочку, было восемь врачей и двадцать фельдшеров. Теперь в Опочечкой межрайонной больнице и в ее Красногородском филиале двадцать шесть врачей на пятнадцать тысяч человек, проживающих в Опочечком районе, и на девять тысяч жителей собственно Опочки. Почти по одному врачу на тысячу человек.

³³Петр Александрович Гейден многое сделал для Опочки и уезда и постоянно содействовал открытию в уезде и Псковской губернии школ, народных училищ, больниц и дорог. Опочане поддерживали графа на выборах в Первую Государственную Думу в

девятьсот шестом году. В Думе Петр Александрович был инициатором создания центристской Партии мирного обновления, выступавшей за конституционную монархию и двухпалатный парламент, за принудительный выкуп помещичьих земель и передачу их безземельным крестьянам, за прогрессивное налогообложение и за все хорошее против всего плохого, но время было такое, когда на мирное обновление... нет, надежды еще были, но уже напрасные и несбыточные. Осталась нам на память о Петре Александровиче Гейдене фотография, где граф сидит, красиво сложив руки, между членами ЦК своей партии, среди которых и князь Трубецкой, и граф Беннигсен, и миллионер Рябушинский, и еще дюжина хорошо одетых мужчин с аккуратно расчесанными бородами и усами, да еще статья Ленина «Памяти графа Гейдена», где он называет его «типичным контрреволюционным помещиком».

³⁴После семнадцатого года последний городской голова Опочки был лишен гражданских прав. Ему пришлось поменять и работу, и адрес. В конце двадцать пятого года Селюгин принимает участие в Первом Всесоюзном кинологическом съезде в качестве судьи, и с тех пор судит соревнования гончих. Он даже пишет книгу о гончих, но дописал ли он ее, или нет – неизвестно. Следы его теряются. Хранитель фондов Опочецкого краеведческого музея Александр Владимирович Кондратеня рассказал мне, что летом двадцать первого года музей получил письмо от правнука последнего опочецкого городского головы, в котором тот писал, что его прадеда вместе с двумя старшими сыновьями арестовали и репрессировали как участников Белого движения. Селюгин, понимая, что и остальных сыновей не оставят в покое, заранее официально отказался от среднего сына Глеба, которого потом усыновил архитектор Лев Владимирович Руднев. Так что понятно, где теряются следы Владимира Александровича Селюгина – или в лагерях, или...

³⁵Нынешний усадебный дом – уже третий, выстроенный на старом фундаменте идейным наследником барона Розена Семеном Степановичем Гейченко, напоминает молельный. Туристы напоминают прихожан, а экскурсоводы священнослужителей. Судя по манере экскурсоводов держаться, сами о себе они именно так и думают. Никто не знает, в каких интерьерах здесь жил Пушкин – на какой кровати спал, из каких тарелок ел, за каким столом писал, но все это не имеет, в сущности, никакого значения. Молельный дом построен для тех, кто принадлежит к Пушкинскому согласию. Удивляет только то, что в щели между досками, которыми обшит дом, поэты не засовывают записочки с просьбами о хороших рифмах, о больших тиражах, о множествах читателей. Почему этого не делают все остальные, прося у Александра Сергеевича удачи в амурных делах или секрета карточной игры в фараон или в преферанс, тоже непонятно. Почему памятник не обмазывают жертвенной кровью редакторов, корректоров и литературных критиков? Почему к подножию Нашего Всего литераторы не приносят рукописи, чтобы они отлежались и сами собой исправились? Почему никто не продает заговоренных на шестистопный ямб или хорей перьев, свечек, не записывает имена тех поэтов и писателей, кого нужно занести в поминальный или заздравный список, или тех, кого нужно отлучить и предать анафеме? Пора бы, наверное, уже избрать первосвященника, чтобы он шестого июня служил праздничный молебен. Его бы избирал пожизненно совет из... Нет, совет нельзя – все в нем перегрызутся насмерть. Пусть лучше министерство культуры назначит своим приказом. Все будут страшно недовольны и даже оскорблены таким назначением и объединятся в ненависти к назначенцу. Почему до сих пор министерство культуры... Короче говоря, вопросы, вопросы, вопросы... хотя с министерством как раз все понятно.

³⁶Математику и латинский язык преподавал в школе Кушель Исаакович Кикоин, а его сын Исаак – будущий академик, дважды Герой труда, лауреат многочисленных премий, заместитель самого Курчатова в Институте атомной энергии и один из создателей этого института, изобретатель магнитных взрывателей для противотанковых мин, за которые он получил первую Сталинскую премию в сорок втором году, первооткрыватель гальваномагнитного эффекта в жидких металлах и фотопьезоэлектрического эффекта –

учился в это время в опочечком реальном училище. Между тем мемориальной доски, посвященной Кикоину, в Опочке нет, а зря.

³⁷Олег Васильевич Жутовский, сын опочечкого кучера и член РСДРП с четырнадцатого года, смог избежать участи многих старых большевиков и умереть своей смертью в январе тридцать шестого года. Репрессии его не затронули. После того как он стал председателем уездного ревкома, а потом исполкома, назначили его уездным военным комиссаром. Воевал он с Колчаком, боролся с бандами на Кубани и на Северном Кавказе и даже был комиссаром одного из кораблей Балтфлота. После окончания Гражданской войны учился в ленинградском дорожном институте, недолго работал в Ленинграде и в тридцать четвертом был направлен в Опочку, где два года до самой смерти работал в скромной должности начальника районного дорожного отдела. В год смерти Жутовскому исполнилось всего сорок шесть лет. Похоронили его на древнем крепостном валу, где новые власти, видимо, вдохновившись революционными некрополями на Марсовом поле и у Кремлевской стены, устроили братскую могилу борцов за светлое будущее человечества.

Жутовский не был первым, кого похоронили на валу. Первым, еще весной девятнадцатого года, похоронили убитого начальника милиции одной из волостей Опочечкого уезда Д.С. Предэ, а уже летом того же года стали обустривать братское кладбище. Утвердили смету и устроили субботник членов городской парторганизации. В мае двадцать второго года в Опочке проходил праздник «древонасаждения». Деревья сажали на городском валу. Сначала полтора десятка сидельцев из местной тюрьмы, которая тогда называлась исправдомом, провели подготовительные работы, а уж потом свободные граждане Опочки «силами Всеобуча и добровольным участием членов профсоюза» посадили деревья. Через год на валу посадили шестьдесят каштанов. Обычно в первые годы Советской власти после демонстраций и митингов опоччане отправлялись, как писала газета того времени, «на братские могилы для воспоминаний о погибших борцах революции».

За могилами, однако, нужно было ухаживать, и райком партии регулярно выносил решения о благоустройстве этого места, но... все зарастало травой. Впрочем, время от времени устраивались субботники, и все приводили в порядок. Внизу, у подножия вала находился Летний театр. Он там был еще с дореволюционных времен, и когда наступил НЭП, его сдали в аренду артистам. По условиям аренды артисты и должны были ухаживать за могилами, но... не ухаживали. Мало того, в двадцать третьем году в здании театра по просьбе артистов уездный исполком разрешил открыть карточный клуб. Это было доходное предприятие – у исполкома получал от него до двухсот золотых рублей в месяц, и даже рекомендация инспектора губисполкома* перенести карточный клуб в другое место на решение уисполкома не повлияла. К картам добавился буфет, лото и стрелковый тир. Гулять и играть в карты на валу власти разрешали до двух часов ночи.

Теперь там тихо и в карты никто не играет. Деревья, посаженные почти сто лет назад, стали большими. Город победил во всероссийском конкурсе лучших проектов создания комфортной городской среды и благоустроил вал и территорию, на которой когда-то располагалась средневековая Опочка. Братскую могилу «красных борцов» тоже привели в порядок. Она очень скромная, эта могила – небольшое цементное основание, выкрашенное голубой краской, а на нем белый обелиск не выше человеческого роста с надписью «Вечная память» и черной табличкой, на которой белыми буквами написаны фамилии и инициалы похороненных: Аляева В.В., Громова В.В., Ефимова С.Е., Жутовского О.В., Игнатьева И.И., Петрова, Предэ Д.С. и Тиханова. У фамилий Петрова и Тиханова инициалов нет, и спросить их сейчас не у кого. На цементном основании стоят две погасших церковных лампы красного стекла.

*Рекомендуя перенести карточный клуб из здания театра, инструктор губисполкома писал: «дабы не совмещалась в одном помещении культурная и антикультурная работа».

³⁸В августе восемнадцатого года было много разных событий. Были крупные, были не очень, были совсем мелкие, никак не повлиявшие на ход событий в самой Опочке. Например, двадцать третьего августа, в Новоржеве, по решению местной ЧК, житель деревни Гришино Жадринской волости Опочецкого уезда Самуйлов был расстрелян за контрреволюционную деятельность. Служил Самуйлов до того, как попал в Новоржевскую ЧК, лесоводом в лесном подотделе Опочки.

Уж как он вредил делу революции – сказать трудно. Может, путал цифры в отчетах, может, плохо готовился к посеву семян древесных и кустарниковых пород, может... но почему он попался чекистам в Новоржеве? Почему его не арестовали по месту работы в Опочке или дома в деревне Гришино? Может, приехал Самуйлов из своей деревни в Новоржев вредить Советской власти и попался? Почему же тогда его не отправили под конвоем домой, в Опочку, а расстреляли в Новоржеве... Неужто не нашлось бы в Опочке восемнадцатого года беспощадного к врагам революции человека, у которого рука не дрогнула бы расстрелять контру?

Или вот еще два случая. В начале мая девятнадцатого года Псковский военно-революционный трибунал во время выездной сессии в Опочке приговорил к расстрелу бывшего военного комиссара Глубоковской волости за самочинство, вымогательство и насильственные действия в отношении граждан. Заведующему лошадьми Опочецкого уездного военкомата повезло. Ему за казнокрадство и укрывательство преступлений дали всего два года общественных работ с содержанием под стражей.

³⁹Собрание прошло двадцать пятого октября под председательством Алексея Петровича Березина, а уже десятого ноября первый председатель опочечкой парторганизации застрелился. Незадолго до всех этих событий Березин по приказу председателя уездной ЧК Михайлова вместе с приданной ему ротой красноармейцев отправился в уезд наказывать жителей двух соседних деревень Альтово и Пуршево за издевательства над красноармейцем. Приказ был деревню окружить, крестьянам за двадцать минут покинуть свои дома, а в случае неповиновения деревню сжечь и открыть огонь на поражение. С какой целью нужно было в такие короткие сроки выводить крестьян из домов, уже не узнать. Документов об этом не сохранилось, но и без документов понятно, что не для танцев и не для лекции о международном положении.

Березин ничего из этого делать не стал, а собрал крестьян, опросил их, установил виновных в издевательствах над красноармейцем и приказал избить их шомполами. Тут же была таким же образом наказана за мародерство при захвате деревень часть красноармейцев. Крестьяне на красноармейцев написали жалобу в Опочецкий исполком, исполком настучал телеграмму в вышестоящие органы, а вышестоящие органы назначили комиссию по расследованию происшествия. Березин мгновенно превратился из свидетеля по делу в обвиняемого, и дело пошло к его аресту. Извинения крестьян перед Березиным и даже поддержка опочечких партийцев ему не помогли и... он застрелился. После его смерти ходили слухи, что он и провокатор, и немецкий шпион, и чуть ли не стрелял в председателя уездной ЧК, но промахнулся и тут же застрелился.

После того, как Алексей Петрович застрелился и председатель опочечкой ЧК выступил на собрании опочечкой организации РКП(б), опочечкие большевики призвали своих соратников по партии в похоронах Березина не участвовать. Хоронила его местная больница, но где похоронила...

⁴⁰Одна из коммун была устроена в имении «Высокое», принадлежавшее до семнадцатого года Петру Александровичу Яновичу. В семнадцатом году крестьяне его по какой-то причине не разгромили, а в восемнадцатом национализировали, и бывшие батраки устроили там коммуны. Коммунарам досталось все – жилые и хозяйственные

постройки, скот и большой арсенал орудий для обработки земли, среди которых были, кроме косилок, конных грабель и дюжины борон, одиннадцать пароконных шведских плугов. Кроме того, имелась паровая молотилка с локомотивом, нефтяной двигатель, сепаратор, телеги, сани, два десятка коров, три быка, три нетели, пятнадцать лошадей... Короче говоря, коммуна, в которой было почти семь десятков едоков, была всем обеспечена и могла не покупать новых орудий, как приходилось это делать другим коммунам. Сам Янович подумал, подумал и... вступил в коммуну. Не пахарем, конечно, а секретарем коммуны и членом ее правления. Земельного надела, как остальные участники коммуны, Янович не получил. Через четыре года специальная комиссия по поручению губернского земельного управления стала проверять состояние дел в коммуне. Оказалось, что за четыре года своей работы коммуна сдала государству и местным продорганам почти полторы тысячи тонн ржи, две с лишним сотни пудов ячменя... не будем все перечислять. То, что коммуна сверх нормы в девятнадцатом году выдала Опочецкому продкому пятьдесят пять пудов соломы, тридцать пудов капусты детскому дому, шестьдесят пудов сена воинской части, двадцать один пуд картофеля голодающим детям Поволжья*, мы тоже оставим за кадром. Комиссия пришла к выводу, что дела в коммуне обстоят не так уж и плохо, но с культурно-просветительской работой просто беда – газеты не выписываются, коммунары обедают не в общей столовой, а дома, часть скотины, и немалая часть, все же находится в личном, а не в общественном пользовании коммунаров, должного отчета и отчетности нет, собрания крайне редки. Комиссия рекомендовала по результатам проверки коммуны переименовать в артель. Что касается Яновича, то он жил скромно. Земельного надела и сельскохозяйственного имущества, как уже было сказано, вообще не имел и в аренду, что советской властью, мягко говоря, не приветствовалось, другим коммунарам или крестьянам их сдать не мог. Вся его земля и все имущество отошло коммуне, но... в двадцать четвертом началась кампания по выселению из усадеб их бывших владельцев, и хотя Опочецкая комиссия в марте двадцать пятого года решила Яновича не выселять, губернская комиссия уже через два месяца это решение отменила и постановила «Выгнать из артели, выселить из имения, как антисоветский элемент». Сначала решили оставить Петра Александровича в уезде, но Опочецкий уезд был приграничным, и Псковский губисполком еще через месяц посчитал необходимым «произвести полное выселение из пограничных уездов в другие уезды губернии всех бывших помещиков, находящихся в принадлежавших им до Октябрьской революции имениях». В сентябре Яновича выселили. При выселении выселяемым можно было взять с собой только личные вещи, продукты, домашнюю утварь, книги и мебель. У Яновича ничего другого и не было. Собрал он свои вещи и уехал в Ленинград**. В начале тридцатых годов работал заведующим хозяйством химической лаборатории геологоразведочного института цветных и благородных металлов. В тридцать пятом его арестовали и выслали в Соликамск. Там он еще поработал два года на базе того же института, а потом его снова арестовали и приговорили к десяти годам без права переписки, то есть к высшей мере наказания. Тогда же, в тридцать седьмом, его и расстреляли, а родственникам на все запросы отвечали, что работает Петр Александрович в отдаленном лагере и только в девяносто первом году они получили справку о расстреле.

Что до коммуны, то она еще просуществовала после двадцать пятого года десять лет и даже приобрела трактор «Фордзон», сложносочиненную молотилку и многорядную сеялку, но приехавшая в очередной раз, уже в тридцать первом году, в коммуны комиссия отметила, что «Живут коммунары каждое семейство в отдельности, размер жилья соответствует числу членов семьи; в каждой квартире имеется плита для варки пищи. Коммунары сознают, что много тратится зря времени на варку пищи для каждой семьи особо и мечтают об устройстве общей кухни и столовой. Но на это требуется до 500 руб., а таких средств у коммуны нет». Далась им эта общая кухня... Ну, и конечно, плохо ведется культурно-просветительная работа. Помещение для нее есть, а ведется плохо. В конце двадцать девятого года в редакцию «Псковского набата» стали поступать жалобы

на председателя коммуны Рокачева – и самокритику он зажимает, и травит члена коммуны (оскорбил одну из батрачек и, таким образом, «искривил классовую линию»), и восемь тонн капусты сгноил, и кормушек для скота не сделал, а это уже пахнет вредительством. Районные власти создали комиссию, комиссия приехала, факты подтвердились, Рокачева от работы отстранили, а за оскорбление члена коммуны и вовсе отдали под суд. Саму коммуну перевели в разряд сельхозартели.

Теперь не осталось ни артели, ни самой усадьбы «Высокое». Только и есть, что часть парка, зарастающий пруд и немного развалин.

*Отдельно скажем и о голодающих Поволжья. В двадцать первом году по городу и уезду для них собрали 562 пуда хлеба, 3079 пудов овощей, семь платьев, два пальто, дюжину блузок, шесть шаровар, рулон сукна, 23 115 027 рублей деньгами и один серебряный брелок. Опочка и уезд в конце двадцать первого и в начале двадцать второго года приняли триста двадцать детей из голодающих районов. Только из Поволжья больше двухсот. Размещали в городских и волостных детских домах. Попавших по распределению в деревни, крестьяне охотно брали на полевые работы.

И еще. Под предлогом помощи голодающим и на основании специального постановления ЦИК, в Опочке началось изъятие церковных ценностей. Местная печать писала о равнодушном отношении церкви к голодающим, а церковь в лице протоиерея одного из местных храмов им возражала с цифрами в руках. К примеру, один Святогорский монастырь пожертвовал голодающим 27000 рублей, но кого тогда интересовали эти цифры...

**В двадцать шестом году из Опочецкого уезда было выслано восемнадцать бывших помещиков.

⁴¹Кстати, скажем и об опочечских евреях. В первой половине двадцатых годов их проживало в Опочке 526 человек. Они были на втором месте после русского населения. Все остальные национальности, среди которых были украинцы, белорусы, поляки, латыши, эстонцы, татары и немцы, были представлены небольшими группами от тридцати до ста человек. Всего же в Опочке по городской переписи двадцать третьего года проживало 6731 чел. Что же касается домов, в которых жило опочечское население, то они как были в массе своей деревянными – так и остались. Из 836 жилых домов всего 51 дом был каменным и еще 25 домов смешанного типа. Три четверти домов были одноэтажными. Отопление, само собой, везде было печное, а об освещении и говорить нечего – из 1226 городских квартир только 12% имели электрическое. Пусть и деревянная, пусть и одноэтажная Опочка была хороша. В двадцать третьем году в Опочку приехал псковский журналист Березский. В своем очерке о городе он писал: «Сколько ни вглядывайся с островского шоссе, подъезжая к Опочке – города целиком не увидишь. Он утопает в зелени и напоминает или большую красивую деревню, или дачное место, вроде Петергофа». Надо отдать должное новой власти – она занялась благоустройством Опочки. Капитально отремонтировали мостики на улицах, прокладывали новые, теперь уже бетонные трубы, в городском саду почистили дорожки, установили несколько десятков скамеек, вместо снесенных наводнением мостов через Великую построили новые.

В двадцать пятом году открыли и автобусное сообщение с Псковом. Между Опочкой и Псковом курсировали шесть автобусов «Форд». Правда, работал этот маршрут всего два года. В двадцать седьмом он закрылся.

Пишет Березский и о промышленных предприятиях города, которые, строго говоря, и предприятиями назвать сложно. В двадцать третьем их было 72 и работало на них 579 рабочих. То есть на каждом из этих, с позволения сказать, индустриальных гигантов работало в среднем по восемь рабочих. Это был прогресс, и существенный по сравнению с 1886 годом, когда на тридцати предприятиях работало девяносто три человека. Что касается электричества, то освещала город опочечская гидроэлектростанция. Фактически

это была мельница на реке Великой. Работали на ней турбины Жонваля – те самые, которые выпускал турбинный завод, тогда еще работавший в селе Захино. Сначала освещались только общественные здания, а в двадцать первом году стали подключать и частные квартиры. Тут же образовалась артель, которая этим занималась. Только денег они за свою работу не брали. Брали продуктами.

Впрочем, мы отвлеклись от евреев, с которых начали. Перед тем как потребовать от горсовета немедленно закрыть синагогу, еврейское население Опочки несколько лет просило власти открыть национальную еврейскую школу первой ступени. В двадцать девятом эта просьба во время выборов в горсовет была включена в наказ депутатам. Потом собрали общегородскую конференцию еврейского населения и приняли резолюцию в поддержку национальной политики Советской власти и снова просили открыть школу. Писали, что «с открытием советской школы будет нанесен окончательный удар хедеру (религиозной школе), который продолжает еще калечить еврейских детей в Опочке». После этого собрался президиум горсовета и... школу так и не построили.

⁴²Театральный кружок помещался в здании Дома социалистической культуры, построенного на месте разрушенных Успенской и Владимирской церквей. Ну, это так, к слову. Деталь, которая общей картины не меняет.

⁴³Вот только на работу нельзя было опаздывать. Совсем. Служащий райфинотдела Васильев опоздал на полчаса на работу и получил по суду полгода исправительных трудовых работ. Сапожник артели «Красный сапожник» за прогул получил пять месяцев исправительных трудовых работ и вычет пятнадцати процентов заработка в доход государства. Нельзя было и увольняться по собственному желанию. Рабочий Андреев, проработав в горкомхозе меньше месяца, вздумал уволиться из-за маленькой зарплаты и перестал ходить на работу. Получил четыре месяца тюрьмы.

⁴⁴В боях под Опочкой танковая дивизия СС «Мертвая голова» понесла такие потери, что немцы ее вывели из состава 56-го танкового корпуса и заменили 290-й пехотной дивизией, усиленной танками и артиллерией.

⁴⁵Немцы, когда заняли город, разместились в уцелевших каменных зданиях. Те из опочан, кто пытался эвакуироваться, но не смог из-за быстрого наступления немцев, вернулись к пепелищам. Кто-то переехал к родственникам в деревню, кому-то удалось поселиться в бараках, а кому-то пришлось жить в вырытых землянках.

⁴⁶Из воспоминаний Павла Тихоновича Пильщикова, 1930 г.р., проживавшего в г. Опочке по улице Красногородской в д. № 46. «В первые дни войны хорошо запомнил бой на окраине Опочки, который вела с наступающими немцами небольшая группа наших бойцов. Особенно хорошо запомнил троих, так как они были рядом с нашим домом. Двое были у пушки, которая не стреляла, потому что нечем было: вместо снарядов там были ящики с гвоздями и мыло. Стреляли эти двое из винтовок, а один, тот, что помогал нам перебираться в окоп за школу, стрелял со второго этажа из окна. Бой этот произошел уже после того, как наши войска, оборонявшие Опочку, отошли с боями, а эти люди, видно, прикрывали их отход.

Хорошо помню, что перед боем в наш дом заходил командир Красной Армии и предупредил мою мать, что скоро здесь будет бой с врагом, который уже подходит к городу... Утром, действительно, был бой, сильный и неравный, наши герои бились до последнего. Немцы шли со стороны хлебного поля и огородов и никак не могли преодолеть открытое пространство, так как из здания школы по ним строчил наш пулемет. Много немцев было побито, солнце уже было на склоне дня, а пулеметчика никак не могли взять.

Потом немцы подтянули орудие и выстрелили из него по школе. Одним из выстрелов прямым попаданием был убит боец, который находился около нашего дома, один снаряд попал в угол школы, захватил край окна, из которого стрелял герой. Пулемет замолчал, а пулеметчика или выбросило волной, или он сам выпрыгнул из окна, но он побежал, падал, поднимался, опять бежал к дороге, где еще были бойцы. До дороги он

добежал, скатился в кювет, но был вытащен немцами на штыках. Не знаю, был он еще жив или уже мертв, но враги били его ногами, кололи штыками в грудь, что-то кричали, а потом оставили в кювете, сами ушли. Мы, мальчишки, видели еще одного командира, который лежал под деревом впереди с выколотыми глазами и поколотый штыками.

Когда стемнело, жители дома № 31 по улице Красногородской (дед и его две сестры Новиковы) похоронили его в своем огороде.

Я с тремя своими друзьями был после боя (уже позже) в школе на том месте, где был наш пулеметчик, трупов там не было. Пулемет «Максим» был разбит, кругом валялось много пустых пулеметных лент, четырнадцать пустых коробок из-под лент. На дороге в тот день валялось много фашистов, было даже не пройти, долго немцы своих убивали потом.

На 20-летие военкоматом было произведено перезахоронение. Хоронили с почестями, останки пулеметчика были перезахоронены на Троицком кладбище. Нашли записку в патроне, остатки офицерской портупеи. По фотографии, предъявленной нам, мы опознали героя (это было в 1985 году), им оказался Левинец Иван Поликарпович, политрук 46-мотострелкового полка 46-танковой дивизии». Сорок пять лет он числился пропавшим без вести. Вместе с политруком погибло еще пять добровольцев. Их имена так и остались неизвестными.

⁴⁷Первые два названия понятны и без перевода. Perlenstraße и Landstraße – Жемчужная и Береговая улицы.

⁴⁸Бургомистром Опочки был агроном Буржинский. Сын его, не выдержав... сложно сказать, чего он не выдержал – то ли укоров совести, то ли попреков окружающих... застрелился, а его родители в сорок четвертом ушли с отступающими немцами в Германию и после окончания войны из Германии переехали в США. Остался от супругов Буржинских в Опочке дом, построенный бургомистром за годы оккупации. До сих пор стоит на улице Ленина.

⁴⁹Тело Баси Малк после казни висело еще несколько дней – оккупационные власти не позволяли его снимать. Потом его разрешили снять евреям, и они увезли труп из города и закопали его возле деревни Песчивка, примыкающей к Опочке. После войны опочечские краеведы нашли место захоронения Баси Малк и в шестьдесят седьмом году там поставили ей памятник. В ограде памятника установлена памятная доска, на которой написано «Малк Бася Савельевна. Мужественная отважная комсомолка – жена советского офицера. Повешена немецкими оккупантами в Опочке на центральной площади». Внутри ограды небольшой черный обелиск с шестиконечной звездой и надписью на иврите «да будет включена душа ее в список для воскрешения» и даты рождения и смерти. В том же шестьдесят седьмом году приезжали в Опочку две оставшиеся в живых после войны сестры Баси Малк – Сара и Эстер. В одной из опочечских школ был даже пионерский отряд третьеклассников, носивший имя Баси Малк.

⁵⁰В сентябре сорок пятого приговором военного трибунала войск НКВД Сердитов был осужден и приговорен к высшей мере наказания. Тогда же и был расстрелян. Через пятьдесят три года его родственники подали заявление с просьбой о его реабилитации. В заявлении Сердитов был представлен «невинной жертвой сталинских репрессий». Отказали родственникам.

⁵¹Родители Бориса Каминарова вернулись в Опочку после ее освобождения. Сын не хотел к ним возвращаться – он был на них обижен за то, что они его оставили в оккупации. Эта обида так и не прошла у него. Некоторое время жил у Евгении Ивановны. Ее он называл мамой даже в присутствии своей собственной матери. После окончания семи классов Боря поехал поступать в ленинградский железнодорожный техникум. Евгения Ивановна поехала вместе с ним. Потом он закончил техникум и переехал в Великие Луки. В Опочку к Евгении Ивановне он приезжал часто – сначала один, а потом и вместе с семьей. Приезжал ли он к родителям – не знаю. Наверное приезжал. Уж заходил-то наверняка.

⁵²Теперь там торговый центр, а рядом, в соседнем здании, находится кафе «Колибри», где подают отличный наваристый борщ и пекут хачапури по-аджарски. По воскресеньям там спиртного не продают, но распивать не запрещают. Я только рот открыл, чтобы узнать, как официантка посоветовала мне сбегать в «Маяк» за водкой, пока варят борщ, делают долму и пекут хачапури, что я и сделал. Стопку она мне принесла не тогда, когда я попросил, а сразу же, как только увидела, что я вернулся из магазина и сел за стол. Много вы найдете в столице мест с такими понимающими официантами? То-то и оно.

⁵³На самом деле, никто не знает – приезжал или нет. Опочане уверены, что приезжал, и не раз, но... может, и не приезжал. Главное, что в стихотворении упомянул. И Опочка в этом стихотворении навсегда. Как, собственно, и в нашей истории, поскольку она не остров, а часть материка, который называется Россией.

Библиография

Л. И. Софийский Город Опочка и его уезд в прошлом и настоящем (1414–1914 гг.). Псков, 2013. С. 232.

И. И. Лагунин. Город-крепость Опочка по архивным источникам 1414–1698 гг. Архитектура и градостроительство // Псков. 2018. №48. С. 3–37.

Я. Н. Рабинович. Неизвестные страницы истории Псковских пригородов Опочки и Себежа XV–XVI веков // Изв. Саратов. Ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2016. Т.16, вып. 3. С. 262–269.

А. Р. Артемьев. Памятная надпись с именами посадников псковского пригорода Опочка в 1428 г. // Вспомогательные исторические дисциплины. СПб, 1994. С.57–62.

А. Н. Лобин. Оборона Опочки. 1517 г. «Бесова деревня» против армии Константина Острожского. Москва: Фонд «Русские Витязи», 2017.

В. А. Аракчеев. «Смутное время» и Псковская земля (1608–1612 гг.) // Псков. 2003. № 18. С. 49–60.

А. В. Зорин. Александр Юзеф Лисовский: герой Смутного времени [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2012. Т. III. С. 1–203. URL: <http://www.milhist.info/2012/10/26/zorin>

О. Ф. Кудрявцев. Карта Московской Руси Антона Вида и Ивана Ляцкого // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2017. № 2. С. 40–57.

А. М. Гордин. «...На Опочке над Великою рекою» Исторический очерк // И путешествие в Опочку...: Альманах / Сост.: Е. В. Васильева и др. – Псков Опочка: Изд-во Псков. обл. ин-та повышения квалификации работников образования, 2000. С. 7–27.

А. А. Михайлов. Артиллерия Опочки В XVII в. // Археология и история Пскова и Псковской земли. Тезисы ежегодной научно-практической конференции. [Электронный ресурс]: URL: <https://arheologi.livejournal.com/118946.html>

И. П. Бутырский Опыт древней истории города Опочки. Псков: Изд. Н.И. Кукольника, 1879. С. 148.

И. И. Лагунин. Иван Егорович Старов для Опочки // Веретено событий, судеб. Материалы XI историко-краеведческих чтений 2019 года. Опочка, 2020. С. 59–76

Н. И. Васильев, А. В. Степанов, Т. Ф. Федоров. Опочка. Путеводитель. Л.: Лениздат, 1973. С. 38.

Опочка: события и люди (к 600-летию со времени основания города Опочки) / Авт.-сост. Н. М. Кург, О. С. Григорьева, Г. В. Гуль, В. А. Горохова. Опочка, 2014.

А. А. Шумков. Опочане в лейб-компании императрицы Елизаветы Петровны // Памятью жива Россия. Материалы историко-краеведческих чтений 2013 года. Опочка, 2014. С. 4–18.

В. М. Севергин Записки путешествия по западным провинциям Российского государства, или минералогические, хозяйственные и другие примечания, учиненные во время проезда через оныя в 1802-1803 гг. СПб.: Императорская Академия Наук, 1803-1804: Ч. 2. Продолжение записок путешествия по западным провинциям Российского государства или Минералогическая, Технологическая и другие примечания, учиненные во время проезда через оныя в 1803 году, Академиком, Коллежским Советником и Ордена св. Анны второго класса Кавалером Васильем Севергиным. С. 168.

А. М. Гордин. Опочецкий мещанин и медного дела мастер // Потомкам древнерусской Опочки. Материалы историко-краеведческих чтений 2010 года. Опочка, 2011. С. 9–15.

В. Н. Лещиков. Малые народные училища Псковской губернии (1783–1803 гг.) // Псков. 2016. № 45. С. 106–115.

М. Ламберг. Столетие Опочецкого городского 4-х классного училища 1787–1887. Псков. С. 68.

И. И. Лапин. Дневник Ивана Игнатьевича Лапина. Псков, С. Михайловское: Робин, 1997.

И. И. Лагунин. Почтовая станция на Киевском шоссе в городе Опочка // Память кружит былое. Материалы XI историко-краеведческих чтений 2016 года. Опочка, 2017. С. 69–77.

Л. Я. Костючук. Неизвестная рукопись середины XIX века об Опочецкой земле как ценный источник материала для «Псковского областного словаря» // И дышит каждая строка историей моей земли. Материалы X историко-краеведческих чтений 2018 года. Опочка, 2019. С. 53–57.

В. В. Карпова. Социальный портрет земского учителя Псковской губернии в конце XIX – нач. XX вв. // Тайны прошедших веков. Материалы историко-краеведческих чтений 2017 года. Опочка, 2018. С. 52–60.

Л. А. Фролова. Опочецкое вольное пожарное общество. // России малая частица. Материалы историко-краеведческих чтений 2009 года. Опочка, 2010. С. 48–52.

Л. А. Фролова. Сельские пожарные дружины Опочецкого уезда // Потомкам древнерусской Опочки. С. 69–72.

Л. А. Фролова. Из истории профессиональной пожарной команды и меры по предупреждению пожаров в г. Опочка. (1802–1917 гг.) // Потомкам древнерусской Опочки. Материалы историко-краеведческих чтений 2011 года. Опочка, 2012. С. 142–148.

Е. М. Федорова «...Возвращение на родину признается еще рановременным». Ссылные горцы в Псковской губернии. 1862–1880 гг. // Отечественные архивы. 2004. №3. С. 66–93.

Н. Ф. Левин, Е. Г. Киселева. Из дореволюционной истории Опочецкой общественной библиотеки имени Пушкина // Родной земли история живая. Материалы историко-краеведческих чтений 2014 года. Опочка, 2015. С. 44–46.

К. К. Случевский. По Северо-Западу России. Том 2. По западу России. СПб., 1897. С. 252–255.

В. Т. Кузьмин. Гребеневское ссудо-сберегательное товарищество Опочецкого уезда: возникновение, развитие и крах кооператива // Псков. 2014. №41. С. 50–59.

А. В. Кондратеня. Общественные организации г. Опочка и его уезда в начале XX века // Родной земли история живая. Материалы историко-краеведческих чтений 2013 года. Опочка, 2014. С. 33–35.

А. В. Кондратеня Опочецкий кружок охотников // Потомкам древнерусской Опочки. Материалы историко-краеведческих чтений 2009 г. Опочка, 2010. С. 28–31.

А. В. Филимонов Турбиностроительный завод братьев Тиме и его судьба // Псков. 2006. №24. С. 120–124.

А. В. Кондратеня. К истории строительства железнодорожной линии Псков – Полоцк (через Опочку) // И дышит каждая строка историей моей земли. С. 41–48.

Памятная книжка Псковской губернии на 1867 год: Адрес-календарь и статистическо-справочные сведения / издание Псковского Губернского Статистического комитета. – Псков: Типография губернского правления, 1867

Памятная книжка Псковской губернии на 1888 год: Адрес-календарь и статистическо-справочные сведения / издание Псковского Губернского Статистического комитета. – Псков: Типография губернского правления, 1888.

О. С. Григорьева. Автопробег Санкт-Петербург – Киев – Москва – Санкт-Петербург 1910 года. Остановка в Опочке // И дышит каждая строка историей моей земли. С. 33–35

А. А. Михайлов Помощь жителей Опочки действующей армии в первые годы Первой мировой войны. 1914–1915 гг. // Памятью жива Россия. Материалы историко-краеведческих чтений 2012 г. Опочка, 2013. С. 59–67.

А. В. Филимонов «Красный погост» на Опочецком валу // Из глубины веков. Материалы историко-краеведческих чтений 2015 г. Опочка, 2015. С. 107–113.

С. А. Алексеев, А. В. Кондратеня. Опочка 1917–1941. Сборник статей и материалов. Псков, 2012.

А. В. Филимонов. «Высокое»: от имения к коммуне // России малая частица. Материалы историко-краеведческих чтений 2008 года. Опочка, 2009. С. 42–47.

А. В. Филимонов. Начало закрытия опочецких храмов (конец 1920-х гг.) // Подвиги славных предков. Материалы историко-краеведческих чтений 2012 г. Опочка, 2013. С. 67–71.

А. В. Филимонов. Из жизни уездной Опочки 20-х годов // Потомкам древнерусской Опочки. Материалы историко-краеведческих чтений 2011 года. Опочка, 2012. С. 134–140

А. С. Алексеев. Опочка, 1941-й. Начало войны. Псков, 2018.

В. В. Карпова. Опочка в период гитлеровской оккупации // Псков. 2008. № 28. С. 229–236.

М. Васильева. О мужестве отважной комсомолки Баси Малк // Потомкам древнерусской Опочки. Материалы историко-краеведческих чтений 2010 года. Опочка, 2011. С. 14–16.

Д. Ершова. Холокост в Опочке по воспоминаниям очевидцев // Потомкам древнерусской Опочки. Материалы историко-краеведческих чтений 2010 года. Опочка, 2011. С. 22–24.

А. В. Кондратеня. Еврейское население Опочки // Псков. 2011. № 34. С. 118–121.

О. С. Григорьева. Новые имена Праведников Народов Мира: Е.И. Иванова и И.Е. Ефимов // Подвиги славных предков. С. 21–25.

Новая жизнь в Опочке // За Родину (Псков). № 67. 26 ноября 1942.

Опочка обновляется // За Родину (Псков). № 74. 4 декабря 1942.

Театр в Опочке // За Родину (Псков). № 202. 31 августа 1943.

Акт Опочецкой районной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников. 29 ноября 1944 года. ГАВЛ. Ф. Р-1691. Оп. 8. Д. 10. 106–114.

Л. С. Симкин. Коротким будет приговор. М.: Зебра Е, 2015.